

Юрий Лабынцев
Лариса Щавинская

**ПРАВОСЛАВНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ПОЛЬШИ
(1918 – 1939 гг.)**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения
Центр белорусоведческих исследований
Национальная библиотека Беларуси

Юрий Лабынцев
Лариса Щавинская

Православная литература Польши

(1918—1939 гг.)

Минск 2001

УДК 281.9(438)(=826)+002.2(091)(438)

ББК 86.372.22+76.116.3(44П)

Л12

Ответственный за выпуск Т. И. Р о щ и н а

Лабынцев Ю., Щавинская Л.

Л12 Православная литература Польши (1918—1939 гг.) /
Рос. акад. наук; Ин-т славяноведения; Центр белорусовед.
исслед.; Нац. б-ка Беларуси. — Мн., 2001. — 304 с.
ISBN 985-6557-19-4

Книга посвящена значительному явлению в истории культуры ушедшего века. Написанная в канун празднования величайшего события наших дней — 2000-летия Христианства, она помогает открыть огромный, пока неизученный, литературный материк в самом центре Европы XX столетия.

Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Л 4593010100-003 без объявл.
М 332-01

ББК 86.372

ISBN 985-6557-19-4

© Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л., 2001

© Национальная библиотека Беларуси, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Православие и православные во II Речи Посполитой	8
Язык церкви, религиозное образование и учебные издания	15
Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель ..	38
Письменное наследие сенатора Вячеслава Богдановича	55
Народная литература	78
Репертуар серийных народных изданий	95
Церковное летописание	113
Старообрядческие книжники	140
Литературное творчество «православных поляков»	167
Журнал «Воскресное чтение»	178
Заключение	186
Примечания	193
Приложения	
Перечень основных книжных изданий и брошюр, выпущенных Варшавской Синодальной типографией	205
Заветы русских старцев	229
Багдановіч В. З успамінаў аб Царкоўным Сабору ў Маскве ў 1917—1918 гг.	275
«Статуты» профессора И. Огиенко и его сподвижников	281
Молитва «православных поляков» и проповедь в день празднования независимости Польши	300
Список иллюстраций и карт	303

Исследование православной литературы межвоенной Польши предпринято впервые. До сих пор было трудно представить, что в не столь уж отдаленное от нас время, в двадцатилетие между двумя мировыми войнами (1918—1939 гг.), в этом уголке мира оказалось сосредоточенным все богатство тысячелетнего славянского православного наследия, получившего здесь, несмотря на неблагоприятные условия, дальнейшее развитие.

Христианство в форме кирилло-мефодиевской традиции, славянский обряд, церковнославянская письменность и культура появились на юго-западных и южных землях будущей Польши задолго до перенесения сюда латинского обряда и письменности. Отголоски всего этого, а также многовековой борьбы двух религиозно-культурных ориентаций хорошо демонстрирует средневековый гимн польского костела «Богородица», являющийся древнейшим польским духовным песнопением и одновременно оригинальным литературным памятником.

Восточные и юго-восточные земли межвоенной Польши, искони заселенные восточными славянами, принадлежали к миру *Slavia Orthodoxa*, который охватывал собой весьма значительную, а затем и преобладающую часть территории Европы. Подобного соотношения не изменило и появление униатской (греко-католической) церкви. Включение восточных областей Речи Посполитой в состав Российской империи, способствовало возрождению и укреплению там православной жизни в среде коренных восточнославянских народов. Возрождение это коснулось и местных православных

письменных культур, местных православных литератур, составлявших к началу XX столетия единое целое с общероссийскими.

Такой была историческая основа возникновения православной литературы Польши 1918—1939 гг.

Познакомиться с этой литературой нам довелось более двадцати лет назад, в 1970-е гг. Однако в силу причин запретительного характера о серьезном ее исследовании тогда не могло быть и речи. Оставалось постепенно накапливать необходимый материал, пытаться собирать бесследно исчезающие литературные памятники. Надежда на начало специальных исследований появилась лишь после получения гранта Российского фонда фундаментальных исследований в 1994 г. (с 1995 г. Российского гуманитарного научного фонда). За истекшее время, благодаря поисковым исследованиям в Польше, России, Беларуси и Украине, удалось во много раз увеличить источниковую базу проекта, сформировать весьма объемный электронный его архив, включенный, как составная часть, в специально созданную компьютерную информационную систему открытого типа, что позволило значительно облегчить всю работу в целом и выполнить ее в столь сжатые сроки.

Следует иметь в виду, что речь идет по сути об открытии огромного литературного материка, расположенного в самом центре Европы. Он оказался то ли вынужденно забытым, то ли растворенным во времени, скрытым от нас на десятилетия. На сегодняшний день мы все еще не можем до конца выявить его очертания, с точностью описать все его границы. Многие тысячи самых разнообразных по жанрам и видам прозаических и стихотворных произведений составляют его. Написаны они были сотнями авторов на многих языках, прежде всего русском, церковнославянском, польском, украинском, белорусском, чешском, французском, грузинском. Эта литература распространялась как в печатном, так и рукописном виде. Бытовала она и в устной форме.

Ее произведения печатались более чем в 40 различных православных периодических изданиях Польши, большими тиражами выходили в свет в виде сотен книг и брошюр во многих издательствах. Литература эта поднимала и решала важнейшие вопросы прошлого и настоящего, служила миллионам православных как в самой Польше, так и за ее пределами. Значение свое она, на наш взгляд, не утратила и по сей день.

Работа над проектом позволила собрать и изучить одну из богатейших частей восточнославянского культурного наследия XX столетия; показать особую значимость собственно русскоязычной православной литературы, ее центров в межвоенной Польше для всего православного мира; раскрыть сложную систему этнокультурных и литературных взаимосвязей в Центрально-Восточной Европе в условиях тяжелой внутри и внешнеполитической ситуации; рассмотреть многие важные проблемы, связанные с процессом функционирования конфессиональных литератур; поставить и положительно решить вопрос о реальности и масштабности этого явления в контексте европейской культуры XX в.

Естественно, мы были вынуждены ограничить наше исследование заданным объемом, прибегнуть к определенной тематической выборке, стараясь при этом нарисовать наиболее целостный и точный образ православной литературы Польши 1918—1939 гг. Этим целям служат и краткий перечень основных книжных изданий Варшавской Синодальной типографии — крупнейшего православного издательства Польши, помещенный в разделе «Приложения», некоторые образцы текстов православной литературы Польши, публикуемые там же, и иллюстративная часть.

Огромную трудность в работе над проектом создавало отсутствие источникового материала в государственных хранилищах и необходимость его собирания экспедиционным путем на местах. В этой связи нам бы хотелось выразить свою искреннюю признательность приходскому духо-

венству, епископату и верующим Православной церкви Польши за заботу, внимание и бескорыстную помощь, постоянно оказывавшуюся нам. Особенно благодарны мы митрофорному протоиерею Григорию Сосне, благочинному Варшавского благочиния митрофорному протоиерею Анатолию Шидловскому, протоиерею Георгию Дорошкевичу, митрофорному протоиерею Леонтию Тофилюку, ректору Православной духовной семинарии доктору протоиерею Георгию Тофилюку, протоиерею Григорию Мисиюку, протоиерею Николаю Ленчевскому (младшему), магистру Ирине Савчук и многим другим.

Православие и православные во II Речи Посполитой

Межвоенная Польша 1918—1939 гг., именуемая II Речью Посполитой, стала независимым государством в результате сложных процессов, происходивших в течение длительного времени как внутри страны, так и далеко за ее пределами. Итоги I мировой войны и Октябрьской революции, военные операции и войны 1919—1920 гг., окончательно способствовали появлению на карте Европы XX столетия многомиллионного государства, в границах которого оказались и обширные «восточные земли»: значительная часть современной Литвы с Вильнюсом, Украины, около половины Белоруссии.

Межвоенная Польша была многонациональным государством. На долю национальных меньшинств приходилось более одной трети населения, общая численность которого составляла около 30 миллионов человек. По данным государственной переписи 1931 г. православными были около 12% всех жителей Польши, причем в Полесском воеводстве на их долю приходилось более 77% населения, в Волынском — почти 70%, Новогрудском — более 51%, Виленском — 25%, Белостокском — около 19%, Люблинском — около 9% [1. С. 6 и др.].

В 1939 г., согласно официальной церковной статистике, Православная церковь в Польше имела пять епархий с более чем 4 миллионами верующих [2. С. 6—7], 2500 церквей и часовен, около 3000 духовных лиц [3. С. 55—56], 17 монастырей и скитов, в том числе Почаевскую Свято—Успенскую лавру [4, С. 55—58], Православный Богословский лицей в Варшаве, духовные семинарии в Вильне и Кременце, Православный Богословский Отдел при Варшавском университете им. Иосифа Пилсудского, Митрополитальный Семинарий Иконографии, Псаломщицкую школу, Синодальную типографию, различные периодические издания, архив¹.

13 ноября 1924 г. константинопольский патриарх Григорий VII подписал томос о даровании Православной церкви в

---

¹ Долгое время при Священном Синоде работала Ученая Археологическая и Археографическая Комиссия, председателем которой был митрополит Дионисий, а секретарем известный знаток древностей Н.Г. Пиотровский.

Польше формальной автокефалии, фактическое принятие которой наступило уже после II мировой войны, хотя в межвоенный период, начиная с 1925 г., Церковь считалась автокефальной, что в значительной степени объяснялось стремлением государственных властей Польши во что бы то ни стало исключить малейшую зависимость православных граждан страны от Церкви-Матери — Русской Православной церкви и ее центра в Москве.

Основу православного населения межвоенной Польши составляло крестьянство, искони населявшее земли восточных воеводств Польши — около 93% всех православных [5. Tabl. 34]. Процесс национального самоопределения в ту пору еще не только не завершился, но кое-где даже и не начинался, особенно в Полесье и самом центре польско-восточнославянского пограничья. Православные люди говорили о себе, что они «тутейшие» — тутошние, здешние, а язык их «тутейший», «простый» или «русский». В официальных документах той поры было узаконено определение «тутейший», которых по различным данным насчитывалось около 1 миллиона человек. Согласно переписи 1931 г. более 1 миллиона православных считали родным языком украинский, почти 1 миллион — белорусский, полмиллиона — польский, сто тысяч — русский, почти 22 тысячи — чешский.

Таким образом, по национальному составу православные делились на несколько далеко не равных по числу групп, среди них доминировало украинское и белорусское коренное население, преимущественно крестьянство; русские, а число их значительно менялось в различные периоды истории межвоенной Польши (от нескольких сот тысяч до ста тысяч человек), были представлены не столько старожильческим населением городов, городков и местечек, сколько эмигрантами, покинувшими Россию в результате

революции и гражданской войны². Впрочем, нередко русскими называли себя и представители местной православной интеллигенции, в том числе и священники.

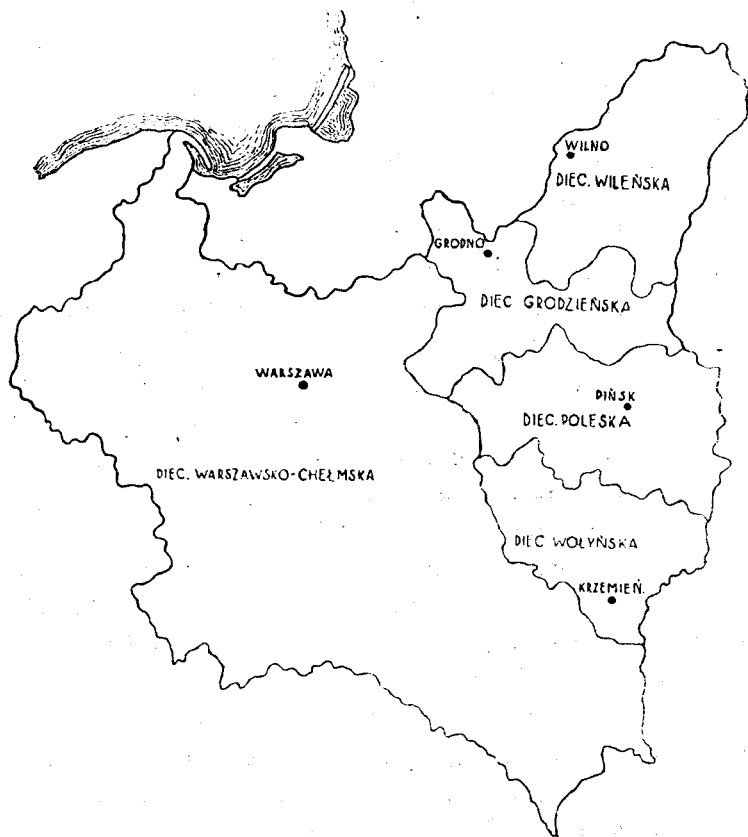
По данным английского статистика Д.Х. Симпсона, который, пожалуй, как никто серьезно разрабатывал проблему учета русских эмигрантов, межвоенная Польша занимала лидирующее положение по их числу во все времена, начиная с первых послереволюционных лет вплоть до конца 1930-х гг. [6. С. 78—80 и др.]. Общее количество русских эмигрантов во II Речи Посполитой может быть сравнимо лишь с числом русских беженцев во Франции в 1930-е гг. Это, в частности, объясняется тем обстоятельством, что в состав межвоенной Польши вошли огромные восточнославянские этнические территории, заселенные в основном православным населением, и «восточные земли» II Речи Посполитой продолжали сохранять свой «русский» характер. На всех сторонах местной жизни здесь сильно ощущалось влияние политической, правовой, экономической и церковной культуры бывшей Российской империи. Многие русские эмигранты имели родственников на территории II Речи Посполитой, среди которых были представители всех без исключения слоев общества, включая и довольно состоятельных местных помещиков, владевших значительными земельными угодьями.

---

² На землях II Речи Посполитой издавна проживали также русские старообрядцы. Общее их число в межвоенной Польше равнялось нескольким десяткам тысяч человек. Необходимо специально упомянуть и православных лемков, число которых доходило в межвоенные годы до нескольких десятков тысяч. Они проживали в основном в Новосондецком, Горлицком, Ясловском, Кросненском и Санокском поветах Краковского и Львовского воеводств. История лемков трагична. В первые послевоенные годы они были выселены из родимых мест и лишь через несколько десятилетий некоторые из них смогли вернуться на родину. Православные лемки сейчас живут во многих местах Польши, в том числе и в отрогах Карпат, где отдельные села населены ими почти целиком [7].

М.И. Раев утверждает, что «местная церковь (за исключением некоторых городских центров) не играла заметной роли в жизни эмигрантов, поскольку те были для нее чуждым элементом» [8. С. 160]. Подобное утверждение по меньшей мере курьезно, так как Православная церковь в межвоенной Польше всегда оказывала русским эмигрантам огромную духовную помощь и даже довольно значительную материальную. Несмотря на свою финансовую бедность, она делилась с ними в буквальном смысле последним. Вопросы церковного бытия были среди самых важных в жизни всех без исключения русских общин. Об этом свидетельствует множество сохранившихся материалов, в частности пресса межвоенной Польши, в том числе многочисленные русскоязычные и православные периодические издания.

Положение Православной церкви во II Речи Посполитой было тяжелым. По существу можно говорить почти о постоянных гонениях на нее как со стороны государства, так и Польского католического костела. Временами гонения эти носили характер настоящих массовых репрессий, порой совершенно варварских военных погромов, что, например, имело место на Холмщине в 1938 г., когда там сразу было уничтожено около двухсот церквей [9]. Весьма показательна в этом отношении история разрушения величественного Александро-Невского православного собора в Варшаве [10]. Тем не менее, несмотря на погромы, массовые гонения и разрушения храмов в городах и сельской местности, положение Православной церкви в межвоенной Польше было куда более благополучно по сравнению с положением Православной церкви в СССР, где во второй половине 1930-х гг. «церковная организация была разгромлена» [11. С. 106].

Схематическая карта размещения православных епархий II Речи Посполитой

Митрополит Дионисий (Валединский) — первоерарх
Православной Церкви во II Речи Посполитой

Александров-Невский кафедральный собор в Варшаве
(разрушен в 1926 г.)

Язык церкви, религиозное образование и учебные издания

Тысячелетняя история школьного дела в России, Белоруссии и на Украине по крайней мере первые семь-восемь веков целиком связана с практикой православной церкви. Язык православной церкви — церковнославянский — и богатейшая литература на нем, в том числе и литургическая, были долгое время единственными в восточнославянской школе.

В последние годы интерес к проблемам религиозного образования у нас резко возрос, хотя в практическом плане сделано было мало, а в сфере педагогической науки достаточных наработок не оказалось почти вовсе. Тем интереснее опыт зарубежной русской культурной традиции XX столетия, особенно там, где удалось не только продолжить созданное еще в дореволюционные годы на землях бывшей Российской империи, но развить и приумножить в весьма неблагоприятных для православных условиях — в межвоенной Польше.

Самую высокую социальную активность среди православных здесь проявляли русские, что прямым образом сказалось на всех сторонах религиозного образования православного населения II Речи Посполитой. Следует заметить, что русские, как впрочем, украинцы, белорусы и другие национальные группы, не были едины. Нужно говорить о существовании в их среде нескольких лагерей, формировавшихся, в том числе и на основе отношения к жизни Православной церкви, даже конкретным вопросам, решаемым в ней. Отдельные русские эмигрантские группировки в межвоенной Польше образовали нечто вроде небольших политических партий и нередко разрабатывали собственные программы, в которых церковная проблема занимала одно из главных мест.

Украинское национальное движение в межвоенной Польше оказало заметное влияние как на жизнь Православной церкви в целом, так, в особенности, и на образовательный процесс в ряде воеводств.

Белорусское национальное движение было куда более умеренным, но и оно в вопросах религиозного образования православных сыграло свою роль.

Языковая ситуация в Православной церкви в Польше межвоенного периода отличалась своей специфичностью абсолютно во всех сферах религиозной деятельности. Она определялась употреблением в церковной жизни сразу нескольких языков, характерных для той или иной социальной среды и региона.

Помимо социальных и региональных ориентиров на проблему языкового выбора влияли функциональные причины употребления того или иного языка: для обучения, богослужения, проповеди, внутрицерковного и внешнецерковного общения. Основными языками для всех верующих являлись церковнославянский, русский, польский и местные наречия.

Статус русского языка был очень высок, причем считалось, особенно в белорусской среде, что именно русский (вместе с церковнославянским) — «язык православия». В то же время в домашнем обиходе крестьяне говорили на местных наречиях, чаще именуемых «простой мовой», «тутейшим» языком или же «русским». Интересно, что в отличие от православных белорусов, белорусы-католики, говорившие в быту по сути на тех же местных наречиях, в костеле старались говорить по-польски, ибо польский в их глазах являлся неким неперемнным атрибутом католицизма.

В 1930-е гг., преимущественно со второй половины этого десятилетия, в результате особой государственной политики, направленной на тотальную полонизацию Православной церкви в Польше, появляется довольно значительная группа «православных поляков», стремящихся употреб-

лять польский язык во всех сферах религиозной деятельности, в том числе даже в литургической практике. Любопытно, что среди этих «православных поляков» оказалось и немало этнических русских, причем с характерными великорусскими фамилиями.

В отличие от чешского, служившего в основном языком общения для сравнительно небольшой группы православных, белорусский и украинский литературные языки, нормативность которых в ту пору была далека от сложившейся, претендовали на роль национальных языков Православной церкви в Польше.

Процесс украинизации Православной церкви в Польше межвоенного периода имел несколько этапов, первый из которых связан со временем от конца 1918 г. до лета 1922 г., когда 16 июня 1922 г. по представлению епископа Кременецкого Дионисия (Валединского), будущего главы всей Церкви Священный Синод дал разрешение на чтение священнослужителями Волыни церковнославянских текстов с украинским произношением. В дальнейшем речь уже шла об употреблении украинского литературного языка для религиозного образования, при произнесении проповедей, в церковном делопроизводстве и в литургической практике. Были даже организованы специальные Комиссии по переводу Библии и литургических книг на украинский язык, первая из которых, существовавшая недолго, возглавлялась профессором И. Огиенко, будущим митрополитом Илларионом, а вторая, работавшая вплоть до 1939 г., — митрополитом Дионисием (Валединским), великороссом по происхождению, уроженцем г. Муром.

Согласно постановлению Священного Синода Православной митрополии в Польше от 3 сентября 1924 г. допускалось употребление украинского, белорусского, польского и чешского языков в некоторых богослужбных чинах по требованию прихожан, дозволялось произносить проповеди

и вести беседы на местном наречии, обучать на наречиях местного православного населения детей в сельских школах.

Собственно программным документом украинизации Православной церкви в Польше послужило постановление Волынского Епархиального Собрания духовенства и мирян, состоявшегося 3—10 октября 1921 г. В нем, в частности, говорилось: «Живая вера требует и употребления живого языка в молитвах и богослужении, поэтому необходимо перейти от церковнославянского языка к народному живому украинскому языку. Однако переход этот должен происходить постепенно, по мере того, как будут переводиться и утверждаться авторитетною Церковною властью необходимые богослужебные книги. К богослужению на церковнославянском языке с украинским произношением приступить немедленно. Если по какой-либо важной причине священник не мог бы немедленно приступить к проведению богослужения с народным произношением, то тогда он должен готовиться к этому с определенной успешностью. Что же касается кандидатов в священники и псаломщики, то они должны уметь проводить богослужения с народным произношением и такое умение должно быть условием, обязательным для определения их на соответствующие священно и церковно-служительские места. Что же касается вопроса о переводе Святого Письма и богослужебных книг на украинский язык, необходимо создание специальной комиссии из особ филологически и богословски образованных, которая бы приступила к работе по переводу необходимых книг» [1. С. 9].

Вопрос о допущении в практику Русской Православной церкви живых народных языков, в том числе и украинского, был поставлен на Поместном Соборе 1917—1918 гг. и в ходе его обсуждения решался в общем положительно [2. С. 117—122]. Однако и это обстоятельство не спасло сторонников введения живых народных языков в литургическую практику Православной церкви в Польше от сильного и аргументированного противодействия со стороны многих мирян и

священнослужителей, в том числе и бывших участников Поместного Собора 1917—1918 гг. Более того, значительная часть верующих на Волыни стала всячески противиться украинизации, а Полесский Епархиальный Съезд постановил, чтобы она «совершенно не вводилась на Полесье». Прихожане Кременецкого собора просили не вводить украинский язык в качестве богослужебного, «так как этого никогда не было в Церкви, и народ не желает такого нововведения». Украинизация более стала походить на насильственную кампанию, ведущую к внутрицерковным раздорам и даже расколу, о чем все чаще начинали говорить. По словам наместника Почаевской лавры дело дошло до того, «что воспитанники Кременецкой семинарии [православной — Ю.А.Л.], ввиду совершенного изгнания русской богословской литературы, пользуются униатскими учебниками по богословским предметам, и это обстоятельство только подтверждает опасность стремительной украинизации во что бы то ни стало» [З. С. 262].

Растянувшаяся во времени дискуссия по поводу украинизации выявила весьма важное обстоятельство, а именно то, что стремление к ней со стороны прихожан «пока очень слабо и поддерживается, главным образом, неверующим элементом, или даже явными врагами Православной Церкви», в том числе и греко-католиками.

Украинизация Православной церкви была связана с общеукраинским национальным движением, выдвинувшим идею Украинской Православной церкви как национальной Церкви украинского народа. Носителями этой идеи выступали немногочисленные представители национальной интеллигенции, в абсолютном большинстве светские лица, как правило видные политические деятели, включая бывших министров различных правительств Украины в конце 1910-х гг. Свое внимание к православной церкви они обращают после революции, а «до самой революции 1917 года украинское национальное движение в России, которое осуществлялось в

интеллигентских организациях, не было связано с широкими народными массами» [4. С. 6]. Как отмечает профессор И. Власовский, очевидец событий и один из горячих сторонников украинизации церкви, это движение вплоть до революции 1917 г. знало только «борьбу за украинский язык в печати, украинскую литературу, украинский театр, украинскую школу, но на поле этой борьбы, или требований, или полемики нет речи об украинской православной церкви для украинского народа» [4. С. 6].

Украинизация Православной церкви в межвоенной Польше была явлением далеко не простым, до сих пор почти неизученным, в котором оказались задействованы лица самых различных ориентаций, от весьма умеренной до крайне радикальной. Отдельные видные деятели украинизации, как, например, священник Петр Табинский, ректор Кременецкой духовной семинарии и секретарь Комиссии по переводу Библии и литургических книг на украинский язык, возглавляемой И. Огиенко, перешел в греко-католическую (униатскую) церковь, духовенство которой, по мнению наиболее авторитетных представителей украинского национального движения, стало «пионером национального возрождения украинского народа», а сама униатская церковь, католическая Галицкая украинская митрополия — «национальной церковью» [5. С. 39—40]. Приняв унию, о. Петр Табинский пытался некоторое время выполнять роль греко-католического миссионера на Волыни и даже основал небольшое издательство «Українська Бібліотека Церковного З'єднання», затем перебрался во Львов, где преподавал в духовной академии.

Одним из кульминационных моментов в истории украинизации Православной церкви в межвоенной Польше стало отлучение от нее лидера этого движения А. Рачинского, возвращенного затем в лоно Церкви по его просьбе, и манифестация во время богослужения в Почаевской лавре 10 сентября 1933 г., имевшая все черты чисто политического

выступления, возглавлявшегося украинскими депутатами Сейма и направленного прежде всего против высшей церковной иерархии, в частности митрополита Дионисия, обвиненного в русификаторстве, в том, что категорически отрицают многие видные деятели украинизации Православной церкви в межвоенной Польше, например, И. Власовский [6], а также нынешние западные историки украинского православия, прямо пишущие, что митрополит Дионисий «был сторонником украинизации Церкви на землях с украинским населением» [7. С. 23].

Белорусизация Православной церкви в Польше сводилась в основном к попытке использования белорусского языка в религиозном обучении, при произнесении проповедей в церкви, выпуске различных церковных изданий. Белорусизация Церкви, в отличие от украинизации, не носила политического характера, антирусские выступления практически не наблюдались вовсе, а один из наиболее видных ее проводников — сенатор Вячеслав Богданович — был, по словам его коллег, «настоящим белорусом российской культуры». Православные белорусы, «не исключая и сельской интеллигенции», были настроены «пророссийски», среди них «преобладало русофильство» [8. С. 11, 23]. Впрочем, подобное утверждение бывшего белорусского посла и сенатора II Речи Посполитой В. Рагули нуждается в значительном уточнении. Ни В. Богданович, ни его ближайшие сподвижники не были в буквальном значении этого слова русофилами, ни тем более русофилами во что бы то ни стало. Они попросту считались с объективным значением великорусской культуры и великорусского языка, их ролью в становлении и развитии белорусского национального возрождения, в том числе в сфере религиозной культуры. «Русский язык, — писали они в своем программном заявлении, — должен преподаваться в значительном объеме из-за его значения в православном Богословии» [19. С. 6].

Говоря о масштабах украинизации, необходимо признать, что на практике охват ею православного населения, включая образовательную сферу, был не столь уж значителен, а белорусизация в самой малой мере коснулась в основном Вильно и его окрестностей. Для Православной церкви в Польше жизненно важным, наряду с церковнославянским, продолжал оставаться русский язык, что не только предопределило широту его использования, в том числе и на Волыни, но и даже давало повод местному населению ставить перед властями вопрос об обязательном обучении русскому языку в общеобразовательных государственных школах. Таким образом, употребление русского языка среди православных было практически повсеместным, включая школу, а попытки ввести обучение Закону Божию на государственном польском языке приводили к тому, что даже дети требовали «учить их религии на "православном" языке» [9. С. 40].

Первое знакомство ребенка с основами православного вероучения происходило в семье, реже в детских дошкольных учреждениях. Православная церковь уделяла этому большое внимание, специально подготавливала родителей или воспитателей к их миссии. Вот фрагмент из конспекта проповеди священника «Об особенном участии матери в религиозном воспитании детей»: «Мать прежде всех может полагать в детской душе прочные зачатки добра, подавая особый пример кротости, сострадания, рассудительности. Она — первая наставница своих детей в Законе Божьем, благочестии, молитве, когда сама не оставляет богомыслия, усердна к молитве и исполнению церковных правил» [10. С. 37]. По значимости Церковь ставила семью в деле религиозного воспитания на второе место после самой Церкви [11. С. 346—349]. С течением времени Православная церковь в Польше разработала и приняла ряд специальных решений, направленных на поддержку и улучшение всех форм подобной работы, в которой свое особое место занимала кате-

хизация, помощь семье в религиозном воспитании со стороны приходского священника (постоянный контакт с родителями, специальные проповеди в церкви, беседы с детьми), устройство детских праздников, организация церковных хоров и кружков, благотворительность, паломничество, распространение педагогических знаний, издание детской и популярной литературы.

Как и в течение предыдущих столетий, одними из главных учебных книг и книг для внутрисемейного чтения православных продолжали оставаться Псалтырь и Часослов на церковнославянском языке. В предисловиях к этим книгам, изданным в межвоенной Польше, содержался практически весь комплекс необходимых наставлений родителям и воспитателям, который был проверен многовековой духовной и педагогической практикой. «Юже книгу вы, родители благочестивии, яко началоположение жития христианскаго стяжуше, чадом вашим вручайте ко учению, увещающе я неусыпно прилежати навькновению в ней содержимых...» [12. Л. 6]. Большой популярностью в православных семьях пользовались многочисленные издания молитвословов, издававшихся в межвоенной Польше на церковнославянском, русском, украинском, белорусском, польском и чешском языках.

В домашнем обучении часто использовали различные специальные пособия, изданные варшавским Священным Синодом, в их числе детские листки, картинки, сборники, своего рода вводные катехизисы, например, «Начатки Христианского Православного Учения» (несколько изданий). Большим подспорьем были «Русско-славянский», «Українсько-словянський», «Беларуска-славянскі» буквари, выдержавшие несколько изданий, к которым в качестве «подарочка добрым деткам» прилагалось объемное «Первое наставление в Законе Божьем». Родители нередко сами учили детей чтению по-славянски, чтению и письму по-русски, украински, белорусски, чешски и польски, используя соответ-

ствующую православную литературу, изданную в Польше. Для этого имелись и такие, например, книги, как сборник, содержащий различные православные тексты на польском языке, их русский перевод, польско-русскую азбуку и небольшую хрестоматию на русском языке [13].

Православная церковь в межвоенной Польше издавала несколько детских журналов. Пожалуй, самыми известными и популярными среди них были «Детский листок» и «Мой друг», расходившиеся по всей стране. Для маленьких украинцев печаталась «Дітіна», белорусов — «Снапок». Один детский православный журнал издавался на польском языке — «Polsca Stronica». Все они предназначались как для дошкольников, так и школьников, в основном младших. В этих журналах печатались наставления духовных лиц, стихи, рассказы, загадки, сказки религиозного содержания, краткие жития святых, рисунки, фотографии, священные изображения. Они являлись хорошим подспорьем родителям в их занятиях с детьми. Детские православные журналы печатали древние и классические произведения, сочинения современников, живущих как в Польше, так и за ее пределами, в том числе и в СССР. Например, «Снапок» наряду со стихами Янки Купалы и Якуба Коласа печатал стихи Максима Танка, а «Мой друг» помещал сочинения Сергея Михалкова, публикация которых в светских изданиях Польши не была бы столь удивительной (правда в переводе, а не на языке оригинала), так как советская литература во II Речи Посполитой получила широкое распространение [14. С. 281—285].

Закон Божий, преподававшийся православным учащимся в народной школе межвоенной Польши, объединял целый ряд религиозных, этико-нравственных и филологических предметов, включая начала церковнославянского языка, а также церковное пение. Церковные власти чрезвычайно заботились об уровне преподавания в школах Закона Божия, результатом чего, в частности, стал выпуск специальной учебной литературы, насчитывавшей десятки названий.

Митрополитом Варшавским и всея Польши Дионисием 23 июня 1926 г. была утверждена программа изучения «православной религии», включенная в общую «Программу обучения в общеобразовательных семиклассных школах», подчиненных Министерству религиозных исповеданий и народного просвещения [15]. Программа изучения «православной религии», рассчитанная на семь лет, ставила следующие основные цели:

1. укрепление и развитие в душе ребенка заложенных в ней основ христианской моральности;
2. объяснение религиозных чувств, знакомство с церковными обрядами и объяснение значения обрядов;
3. развитие воли и сознания, направленных к уяснению законов земной жизни христианина;
4. пробуждение чувства сознания принадлежности к материнской Церкви и гармонической солидарности ее целей с целями других Христианских Церквей» [15. С. 4].

Положение школьного дела, особенно в сельской местности, было в межвоенной Польше сложным. Высоким оставался процент детей, которые вообще не посещали школу. Последнее являлось бичом для тех воеводств, где в основном и жили православные. В статье «Школьное дело в Польше» варшавская украиноязычная газета «Православный селянин» 1 февраля 1933 г. писала, что там, к тому же, «40% детей ходит в школы наинизшего типа — так называемые одноступенные». Вместе с тем, школ, где бы языком обучения был украинский существовало всего шесть, а белорусский — двадцать пять [16], несмотря на то, что формально законодательство выглядело толерантным в отношении школьного преподавания на языках национальных меньшинств, тем более коренных, какими являлось украинское и белорусское население северо-восточных, восточных и юго-восточных воеводств межвоенной Польши.

Школьная программа религиозного образования, разработанная Православной церковью, учитывала все эти труд-

ности. Она была рассчитана на самые разные условия обучения, на общеобразовательные школы всех типов: от одноклассной до семиклассной. В значительной степени это обеспечивалось благодаря универсальности учебных пособий, использовавшихся законоучителями и учащимися. Немаловажной была и помощь со стороны православной теологической науки, которая все чаще стала обращаться к проблемам христианской педагогики и публиковала всевозможные специальные работы в помощь законоучителям, в том числе в конце 1930-х гг. в рецепции «общегосударственной идеи» [17. С. 9—14]. О важности светского образования и его неразрывности с духовным с амвона постоянно говорили священники: «только то счастливо христианское семейство, в котором, при усиленном стремлении к образованию вообще, не ослабевает ревность к делу просвещения духовного, ревность, подкрепляемая усердием к молитве и исполнению уставов Св. Православной Церкви, которая есть столп и утверждение истины» [10. С. 54].

Согласно общей программе школьного образования православных Православной церковью в межвоенной Польше были напечатаны основные учебные пособия по предмету, большинство которых выдержало несколько изданий. Помимо упоминавшихся букварей, служивших как дошкольникам, так и младшим школьникам, а также различных введений и кратких руководств по Закону Божию для первого класса народных школ в течение нескольких лет подряд выпускалось «Православное Наставление в Законе Божьем», постоянно исправлявшееся и дополнявшееся. Основным учебником для второго класса являлась «Священная История Ветхого Завета»; для третьего — «Священная История Нового Завета», для четвертого — «Православное Богослужение», для пятого — 1-я часть «Катехизиса», включавшая учение о вере; для шестого — 2-я часть «Катехизиса», включавшая учение о надежде и любви; для седьмого — «История Православной Церкви». Эти русскоязычные учебники,

также регулярно издававшиеся с изменениями и дополнениями, легли в основу их украинно- и польскоязычных аналогов или же послужили для составления более общих пособий на этих языках.

Часто законоучители находили более рациональный метод обучения нежели тот, который им рекомендовался. Так было с обучением церковнославянскому языку, когда удалось предложить способ интенсивного его изучения и опубликовать специальные рекомендации.

Большой интерес представляют те пособия, по которым происходило обучение церковному пению. Для этого законоучители во многих случаях сами составляли специальные сборники, включавшие и рукописный материал. Рукописными часто были и «Богогласники» — собрания духовных песнопений, особенно популярные среди православных Польши и по сей день. Использовались самые различные редакции рукописных и печатных «Богогласников», а также отдельных песнопений из него, изданных в виде небольшой брошюры или листовки, а также переписанных духовными или светскими лицами, нередко — самими детьми. Еще недавно в среде православных Польши приходилось видеть небольшие конволюты того времени, состоящие в основном из журнальных вырезок, в которых речь шла о церковном пении.

Помимо тысяч народных или общеобразовательных школ, бывших за единичными исключениями государственными, и двух духовных епархиальных школ на Волыни, православное вероучение преподавалось в гимназиях и училищах. Наиболее разветвленную сеть гимназий для православных детей имело русское меньшинство. Русские частные гимназии существовали в Бресте (смешанная), Варшаве (смешанная), Вилейке (смешанная), Вильно (гуманитарная мужская и женская), Ковеле (смешанная), Луцке (смешанная), Новоградке (смешанная), Ровно (смешанная). Кроме них, в Лунинце и Пинске были открыты русские реальные

училища, также частные. В сосредоточенных почти исключительно в Галичине украинских гимназиях обучались дети греко-католиков. Для детей православных украинцев в Кременце, Луцке и Ровно были организованы свои частные гимназии, существовавшие в разное время. Белорусских гимназий в межвоенной Польше было несколько, история их практически не изучена. Почти ничего не известно нам, например, о белорусских гимназиях в Новогрудке, Гродно, Радошковичах [18. С. 20—21]. Вместе с тем, можно довольно детально говорить о роли Виленской Белорусской Гимназии, которая в деле религиозного образования детей православных была очень заметной.

Для гимназий Православная церковь в Польше издала несколько специальных пособий, среди них: «Записки по Православно-Христианскому Вероучению» (Варшава, 1928), «Православно-Христианское Вероучение» (два издания), «Православно-Христианское Нравоучение» (два издания), «Записки по Православно-Христианскому Нравоучению» (Варшава, 1936).

Совершенно особое место в религиозном воспитании занимало паломничество по святым местам межвоенной Польши (преимущественно в Почаевскую лавру) и специальная «паломническая литература», рассчитанная и на детей и на взрослых. Паломничества устраивали отдельные энтузиасты, приходы во главе со священником, гимназии, Митрополитальное Благотворительное общество с его Паломническим фондом, благодаря которому увидело свет большинство произведений «паломнической литературы» — путеводители, описания святынь и святых мест, воспоминания участников и др.

Несмотря на запретительные меры со стороны польского правительства, сводящиеся порой к прямым репрессиям, Православной церкви в Польше удалось создать жизнеспособную систему религиозного образования православных, включая все слои населения. Религиозное образование в

семье и детских дошкольных учреждениях, религиозное образование в народных школах, гимназиях и училищах было наиболее масштабной, массовой частью этой системы, охватывающей все православное общество межвоенной Польши. Средние специальные духовные учебные заведения Православной церкви в Польше и Варшавский университет с его Отделением православной теологии стали высшим уровнем системы. При этом на всех уровнях особая роль была отведена собственной православной учебной литературе, которая во многом не потеряла своего значения и по сей день не только для православной Польши, но и всего православного мира, о чем, в частности, свидетельствуют факты переиздания ее произведений 1920—1930-х гг. в последние годы, в том числе и у нас в России. Равной этой учебной литературе в ту пору не существовало в восточнославянском православном зарубежье, не говоря уже об СССР. Межвоенная Польша снабжала православными учебными книгами практически весь православный мир, отдельные их экземпляры чудом оказывались и на востоке. Православные учебники, напечатанные в 1920—1930-е гг. в Варшавской Синодальной типографии «По благословию Блаженнейшего Дионисия, Митрополита Варшавского и всея Польши», и по сей день часто используют не только в Польше, но и в России, а особенно в Белоруссии и на Украине, а также в среде украинской православной эмиграции.

№ 1. ТРАВЕНЬ 1937 г.

Уваскрэсненне Ісуса Хрыста.

Обложка первого номера белорусского детского православного журнала «Снапок» (Варшава, 1937—1939)

СВ. ВІЛЕНСКІЯ МУЧАНІКІ І ЧУДАТВОРЦЫ АНТОН, ІВАН І АСТАП:

Гэта было ў далёкай, далёкай мінуўшчыне, бяз мала 600 гадоў назад.

Народ беларускі ўжо адзначаўся ад суседзяў сваёю моваю, сваімі звычаямі, сваім асобным ладам грамадзкага жыцця. Разам з ліцьвінамі і ўкраінцамі беларусы тварылі магутную літоўска-беларуска-украінскую дзяржаву, са сталіцаю ў Вільні. Хоць на чале дзяржавы стаяў вялікі князь ліцьвін, аднак мова і культура панавала беларуская.

Большасць ліцьвіноў трымаліся веры праваслаўнай, якую прынялі ад беларусаў, але шмат было яшчэ і паганцаў. Жрацы, якія мелі вялікі ўплыў на ўсё жыццё паганцаў, настроівалі іх вельмі ваража супроць паслядоўнікаў праваслаўнае веры. Сярод апошніх асабліва выдаваліся родныя браты Антон і Іван (да хрышчання называліся Няжыла і Кумець, якія займалі высокія пасады пры двары вялікага князя Альгерда (1345-1377). Яны жлі як праўдзівыя хрысціянне і строга выпунялі ўсе звычаі, абрады і ўстановы Царквы. Калі аднаго разу Альгерд, на дамаганьне паганскіх жрацоў, запрапанаваў Антону і Івану зьвесці выстаўленага на паганскім стаде мяса (гэта было ў посны дзень), браты адмовіліся. За гэта Альгерд загадаў кінуць іх у вастрог, а пасыла і павесіць. Павешаны яны былі 14 красавіка 1347 г. на тым самым месцы, дзе цяпер стаіць манастыр Св. Тройцы.

Хутка пасыла таго далучыўся да сьв. братоў іх сваяк Астap, адзін з Альгердавае дружыны. Прыняўшы праваслаўную веру, ён ня толькі сьмела прызнаў сябе хрысціянінам, але пачаў і князеву дружыну пераконваць, каб прыняла веру Хрыстову. Тады пачалі яго катаваць, а напасьледак павесілі на тым самым дубе, дзе нядаўна былі павешаны сьв. Антон і Іван (13. XII. 1347 г.).

Праз 17 гадоў пасыла сваёй сьмерці сьв. мучанікі былі далучаны да ліку сьвятых праваслаўнае Царквы, пры чым было пастаноўлена сьвяткаваць іх дзень 14/27 красавіка. Яны былі прызнанымі, як „нябесныя пакравіцелі і абароны Літвы“, — так называлася тады злучаная Літоўска - Беларуска-Украінская дзяржава.

Страница первого номера журнала «Снапок»
с житием св. виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия

ČESKOSLOVENSKÝ
STÁTNÍ ARCHIV
PRAHA

Ležnické nám. 102
Těškovice

BEŁARUŠKI
ZAHRAŃIČNY ARCHIW
W PRAHE

5. Studzienica 1938

nr. 22/38

Redakcyi časopisu „Snapok”

Vilnia

Papošakaju, 9

Belaruskí Zahraničný Archiv svědčí, što
atrymany počny komplet Vušaha pavažanaha časopisu
za 1937 hod.

Belaruskí Zahraničný Archiv, majučy navuko-
vaje zadanie zbirannia i pierachovannia pozni-
kaŭ z histaryi belaruskaha nudyjalna-vyžvalna-
ha ruchu, a ščytym liku i peryjadyčychoh vydanniaŭ,
višni belaruskí časopis za kaštoŭny cur i spadzišec
on na čas dočyrasylivaso u budučynie.

Дырэктар Славянскага Архіва
пры міністэрстве заграшнічых
спраў Сэчаснаўражскае Рэспублікі

Dr. Tomáš Kláš
Zahradčyk Belaruskaha Zahra-
ničnaha Archiva.

20-28
odpis
Zadwiadczeniu.

Redakcyi časopisu „Słowo” ^{MS} nieluzym nielozasa, iz p. Maxyma z SKURKO
/pseudonim: Maxym Tank/ umieszča swo utwory w prawosławnym religijnym
miesięczniku dla ckeści p.t. „Snapok”, wydawanym w. yku bieloruskim, w
charakterze comitau do časopisu „Słowo”.

Zaświadczenie wydane zostaje na prośbę p. SKURKO.

Redaktor

4. II. 38

Из архива журнала «Снапок»: письмо руководства Белорусского
Заграничного Архива в Праге в редакцию «Снапка» (5.01.1938); копия
справки, выданной редакцией «Снапка» Максиму Танку,
активно сотрудничавшему с журналом

**БЕЛАРУСКА-СЛАВЯНСКІ ЛЕМАНТАР
(Б У К В А Р)**

ПЕРШАЯ НАВУКА ЗАКОНУ БОЖАГА.

Падаруначак добрым дзеткам.

**ВАРШАВА.
Друкарня Сынодальная.
1 9 3 3.**

Титульный лист «Беларуска-славянскага лемантара» (Варшава, 1933)

Госпадзе, памілуй!

Вось словы, якія мы часта чуем у царкве Божай, самы найтара-
см у гэсе ранешняй і вяльзрнай
малітвы, гаворым і ў многіх ін-
шых выпадках.

Гэта першая малітва кожна-
га з нас, бо яна лягчай усяго за-
стаецца ў слабой дзіцячай памя-
ці. Ані і апошняя малітва, якую
кананіцы змаўляе на сьмяротным
ложы, калі адыходзіць да другога
жыцця. Уяк бы цяжкім стане ня
быву галава ад граха, тузі, хви-
роды ён зійсягды кліка к Ствары-
целю свайму. Госпадзе, памілуй.

Не здарылі Святых Айцаў надзі-
ваюць гэтую малітву скаротам
усіх малітваў.

ШТОДЗЕННЫЯ МАЛІТВЫ.

Малітвы пачатковыя*).

Во імя Оца і сьна Во імя Отца і Сына
і сьвяго Духа. Амінь. і Сьвяго Духа. Амінь.

Во імя — значыць: на чэсьць, на хвалу, славу;
Амінь — праўдзіва, так.

Гдн, іісе хрґі, Господі, Іеўсе Хры-
сьне бжґій, помілаў і сці, Сьне Бжґій, по-
нась. мілуй нас.

Гдн, іісе хрґі, Господі, Іеўсе Хры-
сьне бжґій, моліт- сці, Сьне Бжґій, мо-
вами прґчтыя літвамі Пречыстыя
твоя мґре і всґхъ Твоя Матере, і всіх
сґыхъ, помілаў і нась. святых, помілуй нас.
Амінь. Амінь.

У гэтай маліцьве мы просім Сына Божага, каб Ён
зьмілаваўся над намі дзеля малітваў Прачыстай Сваей
Мацеры і усіх Сьвятых.

Молітвамі — дзеля малітваў.

Слава твѣ, бжґе Слава Тебі, Боже
нашъ, слава твѣ. наш, слава Тебі.

Гэтай малітвай мы, славячы Госпада Бога, выка-
зваем асаблівую багабойнасць перад Ім, як Істотай
Найвышэйшай.

*) Пры чытаньні славянскага тэксту належыць звярочваць асаблівую
вагу на націскі, якія звычайна розьніцца ад беларускіх.

СЪВЕТАЧ БЕЛАРУСІ

Царкоуна-Нацыянальны двутыднёвік
 Орган Праваслаўных Беларусаў

18 красавіка
 1930 году

Падпісная цана:
 за 1 месяц—80 гр.; за 3 мес.—2 зл.
 40 гр.; 6 м.—4,50; год—8 зл.

№ 1

Адрэс Рэдакцыі: Вільня, Завальная 6—5.

Паважаных Айцоў Духаўнікаў, прыхаджан і наагул
 ўсіх праваслаўных Беларусаў вітаем ў дзень Вялікага
 Сьвята і перасылаем ХРЫСТОС УВАСКРОС!!!

ХРЫСТОС УВАСКРОС!..

Хрыстос васкрос!.. Усюды радасьць,
 Усё глядзіць сьмялей, сьвятлей;
 Вялікі Мучальнік, здаецца,
 Абняў ўсіх ласкаю сваей.

Хрыстос васкрос!.. Неугамонна
 Плыве па нівах, пушчах клік,
 Плыве адна сьвятая думка
 З канца ў канец, як сьвет вялік.

З канца ў канец, як сьвет вялік.
 З сваёй убогаю раднёй,
 Забыўшы песьні аб прадавецні,
 Забыўшы ўсё усей душой.

Хрыстос васкрос! п'яе сиротка,
 Слуга тапаная людзьмі;
 П'яе ў чужыне падарожны,
 Забыты бліжнімі сваймі.

Хрыстос васкрос! п'яюць і тыя
 Хрыста згубіўшыя сыны,
 Што ў цікамоўку ладзяць сеткі
 Для нашай беднай стараны.

Хрыстос васкрос!.. К Табе о Божа,
 І я ў дзень гэты думку шлю:
 Хай Беларусь мая старонка
 Васкрэсьне к лепшаму жыцьцю.

Янка Кутала.

Заглавная страница первого номера журнала «Съветач Беларусі»
 (Вильно, 1930—1933, 1936)

Год выдання 1.

Цана нумару 40 гр.

БЕЛАРУСКАЯ ЗАРНИЦА

Царкоўна-Народны двутыднёвік
Орган Праваслаўных Беларусаў.

1 лістапада
1928 году

Падпісная цана:
за 1 месяц — 80 гр.; за 3 месяцы — 2 ал. 40 гр.;
ля хатня году — 3 ал.

№ 5.

Адрэс рэдакцыі: Вільня, вул. Летняя № 7.

Пагоня.

Як голкі ў сэрцы трывожным пачую

За краіну радзімую жах,

Ўспомню Вострую Браму Сьвятую

І выкажу на грозных канях.

У белай пене праносыцца коні,—

Рвуцца, імкнуцца і цяжка храпяць,

Старадаўняй Літоўскай Пагоні,

Ні разбіць, ні спыніць, ні стрымаць!

У бясперную даль вы ляціце.

А за вамі, прад вамі—гады.

Вы за кім у пагоню сьпяшыце?

Гдзе шляхі вашы ідуць і куды?

Мо, хны, Беларусь, панясыліся

За тваімі дзяцьмі ў здагон,

Што, забылі цябе, адракліся,

Прадалі і аддалі ў пвлон?

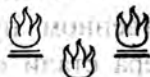
Усе лятуць і лятуць тыя коні,

Срэбнай збруяй далёка грывяць...

Старадаўняй Літоўскай Пагоні

Ні разбіць, ні спыніць, ні стрымаць...

М. Багдановіч.

Заглавная страница журнала «Беларуская зарніца» № 5 за 1928 г.

Протопресвитер Терентий Геодорович как церковный писатель

Правду нужно знать -- для того, чтобы преклониться перед героическими личностями борцов за правду (в первую очередь, например, перед мужественной, мудрой и христиански просветленной личностью о. протопресвитера Терентия Геодоровича)...

Николай Арсеньев [31. С. II]

Истории религиозной жизни Русского Зарубежья посвящено немного работ. В современных исследованиях встречаются и совсем странные утверждения, будто православие не играло сколь-либо заметной роли в судьбах русской эмиграции. Относительно же православного печатного слова вывод некоторых ученых еще более категоричен: «Влияние Церкви шло через храм и пастырство, а не через печать» [30, С. 45]. На самом деле все обстояло далеко не так. Была и страна, Польша, где православная литература, получив большое развитие, оказала огромное влияние на весь православный мир. В Польше сложилась уникальная этноконфессиональная и культурная ситуация, понять которую лучше всего на примере отдельной человеческой судьбы...

29 июня 1939 г. настоятель митрополичьей Марие-Магдалинской церкви в Варшаве о. Терентий Геодорович в последний раз совершил Божественную литургию. Уходящий на покой священник, известный не только в Польше, но и во всей православной Европе, по окончании литургии говорил в своем завещании пастве об апостольском служении, соборности исповедания, собственном пути служения Церкви. Проводы о. протопресвитера стали одним из самых заметных событий в жизни православной Варшавы в тот год. Был совершен торжественный молебен о здравии и благополучии о. Терентия, произнесено много речей, ему были поднесены

дары и адреса от Митрополии, причта храма, прихожан и русских общественных организаций Варшавы: Главного правления Русского благотворительного общества, Русского попечительского комитета над эмигрантами в Польше, русских молодежных организаций, Русской гимназии и других.

25 сентября того же года семидесятитрехлетнего пастыря не стало — он погиб во время бомбардировки Варшавы немецкими войсками. Одновременно со смертью о. Терентия исчезла целая эпоха в жизни русской Варшавы, православной Польши, выразителем чаяний и олицетворением которых он был.

Уроженец Волыни, о. Терентий считал себя русским, поясняя, что «русский человек» тот, «кто связан с народом всей территории сов. России — по национальности ли, вере, даже еще шире — просто по человечеству» [1]. Свою жизнь он посвятил этому народу и за него незадолго перед смертью возносил молитвы, дабы он утверждался в «служении Богу и людям и в верности своей Матери — Православной Церкви» [2. С. 456].

Возвратившись летом 1921 г. из Петрограда в Варшаву, о. Терентий стал участником сложных событий организации Православной церкви в Польше. Почти сразу же ему пришлось соприкоснуться и с русской эмигрантской массой Варшавы, где в ее среде со временем сложилось множество различных группировок, включая и партийно-политические. Подобной группировкой была, например, республиканско-демократическая, издававшая в Варшаве одну из крупнейших газет всего Русского Зарубежья — «За Свободу», с которой активно сотрудничал о. Терентий Теодорович. Газета имела специальный отдел церковной жизни, в ней постоянно публиковались такие известные литераторы, как А.В. Амфиатов, «русские варшавяне» М.П. Арцыбашев и Д.В. Фи-

лософов, редактировавшие газету¹, К.Д. Бальмонт, И. Северянин и многие другие. в том числе и те, кого мы только сейчас начинаем по-настоящему открывать, среди них — «полесский петербуржец» А.А. Кондратьев [3].

Русская община в Варшаве насчитывала в среднем около 10 тысяч человек, в значительной своей доле — людей интеллигентских профессий. В начальный период истории «первой волны» русской эмиграции она стала центром деятельности «савинковцев», которые под девизом «За Родину и Свободу» стали издавать здесь с лета 1920 г. газету «Свобода», позднее получившую название «За Свободу». Девиз этот читается и на надгробии М.П. Арцыбашева, установленном на Вольском православном кладбище в Варшаве, где он погребен².

Наряду с Вильно, Варшава была центром русской культурной жизни и главным центром многочисленных русских эмигрантских организаций Польши. Здесь располагались Союз объединенных русских эмигрантских организаций в Польше, Российский комитет, Русский дом, Общество помощи русским эмигрантам, Русская академическая группа, Общество русских юристов, Союз русских писателей и журналистов, Союз русских студентов, Русское телеграфное агентство «Русспресс», русские издательства, книжные магазины, библиотеки, учебные заведения, редакции периодических изданий и т.д.

Русская жизнь в межвоенной Польше была весьма насыщенной, многообразной, порой бурливой, но обо всем этом ныне известно мало. Недавнее прошлое «русской Варшавы» и «русской Польши», без знания которого невозможно понять и последние сочинения многих русских литера-

---

¹ М.П. Арцыбашев был первым председателем редакционной коллегии газеты, Д.В. Философов — ее главным редактором.

² Надпись гласит «Михаил Петрович Арцыбашев. Борцу за Родину и Свободу. Родился 25 октября 1878 г. Скончался 3 марта 1927».

торов того времени, забыто. Нам ничего не говорят имена представителей русского населения в польском Сенате и Сейме — сенатора М.М. Касперовича, депутата Н.С. Серебренникова и многих других из окружения Д.В. Философова, А.А. Кондратьева, М.П. Арцыбашева, в память которого друзьями сразу же был издан литературный сборник [4]. По-настоящему нам неизвестно и все творчество этих писателей эмигрантского периода. Еще менее знаем мы о таких литераторах как о Терентий Теодорович. Имя его, писателя церковного, даже не упоминается в специальных пособиях, в том числе в известном «Словаре» В.Ф. Булгакова, который начал составляться в межвоенной Польше силами русских эмигрантов [5].

Литературное наследие о. Терентия Теодоровича не только значительно (он автор книг, статей, очерков; в 1935 г. вышел в свет трехтомник его избранных работ [6,7,8]), но и особенно (церковный писатель, публицист). Эпиграфом к его пастырской и писательской судьбе могли бы быть слова апостола Павла из Первого послания к Тимофею: «Образ буди верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою» (1 Тимоф. 4,12), которые о. Терентий поместил на титульном листе своего трехтомника — итога многолетних раздумий, исканий; священнического откровения перед миром.

Родился Терентий Теодорович 10 апреля 1867 г. в с. Вербичне Ковельского уезда в семье потомственного сельского священника Павла Теодоровича. «Сына Воляни», как называл себя будущий протопресвитер, с детства «окружала высоко религиозная» атмосфера [7. С. 7]. Он рано знакомится с церковнославянской грамотой, «читает в церкви»; после домашней подготовки поступает в 1876 г. в расположенное неподалеку Мелецкое духовное училище, а затем, в 1881 г., в Волынскую духовную семинарию, находившуюся в г. Кременце. «Хотелось учиться дальше...» — в 1887 г., сразу же после окончания семинарии, Т. Теодорович «посту-

пает волонтером» в Московскую духовную академию. «Но вот приближается конец всего Академического курса... Написано кандидатское сочинение... на тему: «Иоанн Вышенский и его время». Приближается так желанный отъезд на родную Волынь» [7. С. 31].

Годы, проведенные Т. Теодоровичем в академии, дали ему многое. Почти через полвека, в Варшаве, он напишет: «Я не знал России, живя на окраине ее. Не знал великорусского народа, соприкасаясь с ним лишь в литературе и в тех отдельных, немногих его представителях, попадавших на Волынь. За годы академии — я узнал русского человека — лицом к лицу, в лице своих товарищей и, как рекой, плывущего в Святыню Лавры русского Паломника; я узнал сердцевину страны - Москву. И тогда-то я духом полюбил русский народ, его душу, высоко взлетающую и падающую в дебри, благочестивую и способную топтать все святое, все-прощающую, но при случае мстящую без пощады; народ и страну всяких возможностей, и все же в конце концов — страну, народ лучших надежд и упований — даже теперь во дни ее страшного падения...» [7. С. 32].

После нескольких лет работы преподавателем женского епархиального училища в Кременце в сентябре 1895 г. Т. Теодорович был рукоположен в диакона, а затем и в иерея. Посвящение происходило в Почаевской лавре, как о том просил сам о. Терентий. Тогда же молодой священник с семьей отправляется «к месту первого своего пастырского служения — с. Дратов Любартовского уезда Люблинской губернии» [7. С. 44]. «Для села приезд нового батюшки — это большое событие. По пути крестьяне выходили из домов и ласково приветствовали нас... Всенощная. Церковь полна народу. Псаломщика на клиросе окружает молодежь. И вот в ответ на мой первый возглас вся церковь — хором ответила мне. И так — всю службу. Я был восхищен, и уже в первые моменты своего молитвенного сближения со своей паствой я почувствовал, что здесь я буду пастырски счастлив, и в

посвящении себя этому воспевающему Бога народу будет моя высшая радость и наслаждение... Я реально почувствовал там впервые и высоту, и значение, и радость пастырского служения людям» [7. С. 45—46]. Дратовские прихожане — «народ благочестивый, честный, язык "подляшский", смесь украинского с польским, еще больше с русским» [7. С. 47] — расстались со своим священником осенью 1902 г., когда о. Терентий был переведен в Варшаву.

Четвертый священник варшавского кафедрального Свято-Троицкого собора на ул. Долгой, о. Терентий застал при своем «поступлении в Варшаву еще "старое", заслуженное, сановитое, с высшим богословским образованием священство». «Они не были фанатиками, оскорбляющими религиозные чувства окружающего их инославного населения, но умудренные опытом, твердые, непоколебимые хранители своего Православия, пользовавшиеся уважением у представителей инославного духовенства» [7. С. 58]. Эти слова можно было бы отнести и к самому о. Терентию, снискавшему симпатии католического населения еще в период столь дорогого и памятного ему сельского пастырства, чему в немалой степени способствовало дружественное общение православного священника с католическим духовенством.

В Варшаве о. Терентий постепенно начинает литературную работу: в «Холмско-Варшавском епархиальном вестнике» появляются его первые статьи [9], а в 1907 г. выходит из печати небольшая книга о приходской жизни [10], материалом для которой послужил в основном «церковноприходской опыт... служения в Дратове» [7. С. 57]. О. Терентий становится активным исповедником идеи соборности Церкви — «основного принципа Православия», — в чем его поддерживает и варшавский иерарх — архиепископ Николай (Зиоров). В 1909 г. издается небольшая работа о. Терентия о религиозности Н.В. Гоголя [11], которую он определял так: «Религия была, можно сказать, жизненной стихией Гоголя — ею душа писателя питалась во все возрасты жизни и ею

же Гоголь больше всего был чужд передовым людям русского общества, даже своим друзьям» [11. С. 3].

В 1910 г. о. Терентий становится настоятелем Успенской церкви на ул. Медовой и сразу же пытается испробовать «лучшее средство сплочения приходской общины ... — ... объединение на почве какого-нибудь доброго дела [7. С. 89]. Тогда же выходит в свет небольшая брошюра, тому посвященная [12]. О. Терентий начинает все больше внимания уделять проблемам религиозного воспитания и образования, устраивает паломничества варшавской гимназической молодежи в монастыри, организует работу религиозного отдела на выставке образовательных пособий и книг для детей дошкольного и школьного возраста (Варшава, 1913).

В период первой мировой войны православное духовенство западных епархий целиком эвакуировалось вглубь России, куда в значительном количестве вывезли и прихожан, включая жителей сельских местностей. О. Терентий оказался в Петрограде, где вместе с семьей встретил Февральскую революцию. Тогда же на одном из заседаний Религиозно-философского общества состоялось знакомство о. Терентия с Д.В. Философовым, с которым они вместе в тот день «к чести Православия» «дали должный ответ» «самонадеянному вызову представителей Католичества» [7. С. 129]. На Чрезвычайном Варшавском епархиальном съезде, состоявшемся в Москве в 1917 г., о. Терентий был избран в члены Всероссийского Церковного Собора от своей епархии. Позднее он напишет: «Одно воспоминание о Соборе, об этом единственном светлом событии в эти революционные дни, события, на которое возлагали столько надежд не только церковного характера, но и общенародного, это воспоминание о Соборе и теперь, через восемнадцать лет, меня сладко волнует. Событие во всех смыслах единственное, уже неповторимое. Какая богатая собранность Иерархических церковных сил! Людей глубокой веры и благочестия, духовных талантов, высокого ума и знания во всех областях челове-

ческого духа, людей всех званий, но всех объединенных в том, что самое важное и святое, что «едино на потребу», — во Христе и верности Его Святой Церкви» [7. С. 135].

В голодном Петрограде о. Терентию удалось устроить жизнь своего Свято-Преображенского на Аптекарском острове прихода, где он тогда настоятельствовал, на началах соборных постановлений. Прихожане, «без различие звания и положения», выполняли все необходимые хозяйственные работы, помогали в проведении служб. Несмотря на разрешение Польского комитета, отъезд о. Терентия в Варшаву, на место его прежнего служения, в чем были заинтересованы и он сам и православные верующие Варшавской епархии, постоянно откладывался из-за сложностей военного времени. Летом 1919 г. он тяжело переживал утрату сына — морского офицера, расстрелянного большевиками в Кронштадте за участие в восстании «на форту Красная Горка».

Не просто было с организацией церковной жизни в Варшаве. Архиепископ Серафим мечтал вернуться в Польшу в сане митрополита и требовал соответствующих архиерейских помещений, отчего «верующие смутились, и выражали желание, чтобы пока вернулся священник...» [7. С. 174]. Патриарх Тихон, благословивший о. Терентия на возвращение в Польшу, писал ему в этой связи: «Новая Варшава захотела жить по-новому — широкому, а лучше бы скромнее, и на месте виднее будет, что нужно. Господь да поможет Вам потрудиться во благо Св. Церкви и да устроит Ваш путь в благополучии» [7. С. 175].

Отъезд из Петрограда затянулся надолго и был мучителен. О. Терентий встречал на улицах российской столицы тех, кто мечтал вырваться из объятий «великой бескровной» — ученых, литераторов, художников. Профессор Н.Н. Глубоковский, известный богослов, просил о. Терентия: «Возьмите меня с собою в качестве псаломщика...» [7. С. 182]. 14 августа 1921 г. Теодоровичи прибыли в Варшаву и поселились на правобережье Вислы, на Праге, где о. Терентий

стал служить в митрополичьей Марие-Магдалинской церкви.

Особенностью прихода было не только его центральное положение среди других приходов православной Польши, но и то, что основную часть его прихожан составляли русские; в значительной доле — эмигранты. О. Терентию выпало приходское служение именно среди этой группы православного населения II Речи Посполитой, благодаря же писательству, границы его священнического делания значительно раздвигались — слово пастыря доходило до самых разных читателей не только в Европе, но и на других континентах. Избранные им формы и язык литературного изложения позволяли вести диалог и с крестьянином из полесской глуши, и с варшавским профессором, и с коренным волынским мещанином, и с православным священником из Америки. Часто он обращается к инославному миру, в основном католикам и протестантам. Однако едва ли не главными своими читателями о. Терентий считал православное священство Польши. Именно им он посвятил первую часть трехтомника своих избранных работ: «Сопастырям Св. Православной Автокефальной Церкви в Польше» [6. С. 9].

Интересовавшийся более всего внутренней жизнью церкви, о. Терентий был верен принципу или, вернее, началу соборности, которое всячески обосновывал и проповедовал. Можно сказать, что он был, и до сих пор остается, одним из самых заметных ее проповедников в нынешнем столетии. О. Терентий оказался и практическим исповедником этого начала в разных условиях до конца своих дней. Как писателю, опиравшемуся прежде всего на собственный пастырский опыт, ему приходилось довольно часто обращаться к недавнему прошлому, свидетелем и отчасти творцом которого был и он сам. Священник Русской Православной Церкви, выросший в ее лоне и верно служивший ей, о. Терентий попадает в межвоенной Польше в совершенно новые условия, которые заставляют во многом иначе строить церковную

жизнь, особенно если речь идет о приходской общине. Тем не менее, идея соборности видится ему единственно правильной, претворяется им неукоснительно, проповедуется постоянно. О. Терентий считал, что «не соборный строй» — не лучшее устройство церкви. «Этому началу соборности, в действительном понимании ее, а не в демагогически-демократическом, т.е. голосу лучших людей — верующих и духовно-просвещенных» [б. С. 11] он посвятил большое число своих работ. Идея соборности кажется о. Терентию спасительной для церкви, основой ее возрождения.

Примечательно, что о. Терентий нередко обращался к прошлому Русской Православной Церкви. При этом вставал вопрос об общерусском церковном наследии, автокефалии Православной церкви в Польше, которую о. Терентий, видимо, считал вынужденной, а саму проблему — чрезвычайно болезненной. «Ведь, несмотря на административно-церковную независимость нашу от Российской Церкви, нашу автокефалию, мы верой, обрядом, традициями связаны с церковной жизнью многострадального русского народа. Связанность необходимо-вселенская, особенно если вспомнить, что православный народ в теперешней Советской России составляет 3/4 всего православного мира. Мы получили все церковное наследие Востока через Российскую Церковь...» [б. С. 11].

Возрождение православной церковной жизни в Польше на началах соборности — одна из главных тем о. Терентия-писателя наряду, а быть может и в связи, с темой прихода и его устройства. Вопросы катехизации, законоучительства, паломничества, благотворительности и многое другое, о чем писал о. Терентий, так или иначе всегда были связаны с ними. «В Православии все эти три понятия — Церковь, Соборность и Приход — тесно соединены и в жизни неразрывно связаны. Церковь — Тело Христово, Христов организм, правильная жизнь которого поддерживается и укрепляется только соборностью членов его — живой и деятель-

ной собранностью сил всего церковного организма. А Приход — начальная и основная клеточка церковного организма, из соединения которых и создается вся Церковь — Тело Христово. Но эта же церковная ячейка — Приход — является как бы микрокосмом всей Церкви. Состояние Прихода, его строй дают понятие о внутреннем строе и состоянии всей Церкви» [6. С. 351].

Роли священника, его образованию, самообразованию, служению о. Терентий посвятил ряд статей. Церковь нуждалась «в созидательных творческих силах» и потому в вопросах пастырства о. протопресвитер был особенно строг. Он писал: «Приходское дело — не легкое, оно требует посвящения и подвига... В далекую старину, не будь в Западно-Русской Церкви приходской соборности, от Православия не осталось бы и следа. Конечно, при соборном устройении жизнь священника в приходе беспокойнее, труднее, но если священник будет не титулованным лицом только, а настоящим, то в приходской общине он найдет поддержку, защиту и содействие в своей деятельности; но та же приходская община, по разуму своему, может осудить и отвергнуть Пастыря, если найдет его недостойным» [6. С. 352].

О. Терентий постоянно выступал как апологет православия — то была его миссия, миссионерство в инославном мире. В этих целях он активно пользуется не только трибуной, но еще более своим пером — публикует большое число религиозно-философских, культурологических и теологических работ. Ему же принадлежат едва ли не лучшие по тому времени изложения сокровенных мыслей таких знаменитых ученых русской эмиграции как Л.П. Карсавин [13], Н.А. Бердяев [14], П.Н. Новгородцев [15] и др. О. Терентий постоянно подчеркивал, что его работы «писаны не для ученых людей..., а есть выражение внутренней пастырской потребности — не ограничиться лишь церковной кафедрой, не для всех доступной и не всех привлекающей, а нести свою "церковную правду" и на страницы печати, особенно

светской, более доступной и привлекательной для "мира"» [6. С. 12]. Последним объясняется факт его необычайно активного сотрудничества в различных русских эмигрантских и русскоязычных периодических изданиях межвоенной Польши. Пожалуй наиболее «любимы» о. Терентием были варшавские газета «За Свободу» и еженедельный «церковно-народный иллюстрированный журнал» «Воскресное чтение», а позднее газеты «Слово» и «Молва».

Апологетические писания о. Терентия интересно сопоставить с его высказываниями на экуменическую тему. «Стремление христианского мира к единению», как он назвал одну из своих статей, претерпело немало изменений за межвоенный период. С момента его доклада об этом в варшавском Русском Доме в 1924 г. и до конца 1930-х годов значительно трансформировались и взгляды самого о. Терентия.

Очень значительные темы в творчестве протопресвитера Терентия Теодоровича — «Русская культура и Православие», «Молодежь и Церковь», «Всероссийский Церковный Собор 1917—1918 гг.»³, «Православное богослужение»⁴, «Святые места Польши»⁵, «Русская эмиграция». Он много писал о патриархе Тихоне, которому специально посвятил серию статей [19, 20, 21, 22, 23, 24 и другие]. О. Терентий пророчески считал, что патриарх Тихон «с годами, по мере возрождения Русской Православной Церкви, все ярче будет блистать на православном горизонте как путеводная звезда — и пребудет Он в светлой памяти Православной Церкви не только "Святейшим", но — дай Бог — и Святым» [6. С. 119].

---

³ Показательно выступление о. Терентия против негативного видения деяний Собора со стороны высоких церковных авторитетов [18].

⁴ О. Терентий автор нескольких значительных трудов по литургике [16, 17].

⁵ Помимо статей и очерков о. Терентием была издана небольшая книга о Почаевской лавре [25].

После возвращения в 1921 г. в Варшаву о. Терентий постоянно обращает свой взор в сторону России, старается, как может, помочь своим братьям, находящимся под бременем «безбожной власти». Он организует продовольственную и материальную помощь гражданам СССР. Постоянно звучит его голос в защиту уничтожаемой Русской Православной Церкви, ее иерархов, священников, верующих. На весь христианский мир слышны его слова о том, что «новая история Русской Православной Церкви, возглавляемой первым Патриархом ее Тихоном, началась мученичеством, превосходящим, по-видимому, мученичество первохристианства...» [6. С. 127]. О. Терентий верит в духовное возрождение России, верит в ее будущее величие. «Придут "свои сроки" и Светлость Христа и окружающей Его святости освободится в грешном человечестве от излишних исторических человеческих наслоений, и Православие, своею широтой и углубленностью, больше всего способно к такому просветлению. И кто знает, не начнется ли оно — это просветление оттуда, где сейчас мрак, где сейчас духовная ночь. "Солнце догорает на Западе, а восходит на Востоке..."» [6. С. 279].

За несколько лет до смерти о. Терентий признается, что, «исполняя свое непосредственное Божие дело как первое, я все же искал всегда досуга, часто даже в ночное время, чтобы удовлетворить, без какой-либо корысти..., создавшуюся у меня потребность говорить, "проповедовать" через посредство печатного слова» [6. С. 12]. Проповедничество — исток творческого импульса, писательства о. Терентия, который чувствовал потребность писать по долгу, зову сердца, умению. В писаниях своих он — пастырь, проповедник, миссионер, апологет православия, защитник русской духовной культуры [26 и другие], борец за возрождение величия падшей России [6. С. 320—329 и другие], помощник и благотворитель в пользу страдающего русского народа, как в СССР, так и в эмиграции [1, 27, 28, 29 и другие].

В богатой, многообразной, насчитывающей множество авторов и самых различных произведений православной литературе Польши 1918—1939 гг. о. Терентий занял место, достойное его высокого церковного звания протопресвитера. Он жил с миром и для мира, служа ему как духовный писатель, как священник и христианин.

Портрет протопресвитера Терентия Теодоровича
работы его дочери Елены

Фрагмент Патриаршей грамоты участнику Всероссийского Церковного Собора протоиерею Герасиму Павловичу Теодоровичу

Крест в память Д.В. Философова с надписью «Димитрий Философов 1872—1940, писатель. *Żyje w ramieniu polskich przysioł*», недавно установленный на Вольском православном кладбище в Варшаве

Письменное наследие сенатора Вячеслава Богдановича

Ни в одном из специальных справочных пособий, посвященных белорусской литературе, даже в шеститомном библиографическом словаре «Беларускія пісьменнікі» [1], сведений о Вячеславе Васильевиче Богдановиче нет. Выдающийся литератор и общественный деятель, оставивший очень заметный след в истории белорусского национального движения, в возрождении белорусской культуры, белорусского языка, оказался забытым.

Причин для подобного, в общем-то невольного, забвения немало. Главные связаны с обстоятельствами совсем недавнего времени, когда живший в ту пору в Вильно В. Богданович был арестован органами НКВД (осень 1939 г.) и пропал без вести. Под запретом оказалось и все написанное им, тем более, что писал он в основном на религиозные темы. Была и еще одна весьма существенная причина. В. Богданович выступал против полного отделения Православной церкви в Польше от Церкви-Матери, против автокефалии, стал инициатором внутрицерковного сопротивления подобным устремлениям, оказался организатором приходской церковной жизни в Польше, получившей название «старой церкви», то есть верной патриарху Тихону.

Сын православного священника Витебской губернии, В. Богданович, родившийся в 1878 г., получил высшее богословское образование. Уже в годы учебы в Киевской духовной академии, а особенно с началом работы в качестве инспектора Литовской духовной семинарии в Вильно, он увлекается литературной деятельностью, позднее знакомится с белорусским национальным движением и принимает в нем участие. В 1915 г. вместе с эвакуированной семинарией В. Богданович переезжает в Рязань, откуда возвращается в Вильно уже после революции и осенью 1919 г. на правах ректора возобновляет занятия в семинарии. В октябре 1922 г.

«по просьбе митрополита Георгия с Синодом» [2. С. 9] В. Богдановича вместе с архиепископом Елевферием арестовали и вывезли в Краков. Митрополит Георгий «захватил в свою власть и Виленскую епархию и семинарию..., епархиальный Совет был преобразован в Консисторию, а во главе семинарии был поставлен архимандрит Филипп (который после принял унию)» [2. С. 9—10]. Тогда же, 20 октября 1922 г., В. Богдановичу, являющемуся ответственным редактором «Литовских епархиальных ведомостей», издававшихся по его инициативе Литовским Епархиальным Советом в 1921—1922 гг., из создаваемой Виленской Духовной Консистории было направлено следующее сообщение: «Гражданину В. Богдановичу. Ввиду того, что по определению Виленской Духовной Консистории издание Литовских Епархиальных Ведомостей прекращено, Консистория уведомляет Вас, что Вы освобождаетесь от занимаемой Вами должности редактора Литовских Епархиальных Ведомостей, последующий номер которых предназначен Вами к выпуску, в данное время приостановлен» [3. Л. 1]. В том же 1922-м году В. Богданович был избран членом Сената II Речи Посполитой, где он многое сделал «для защиты православной церкви», что способствовало его известности «среди православных не только в Польше, но и во всем мире» [4. С. 10].

Одной из центральных тем в литературном творчестве В. Богдановича была тема судеб общеправославного духовного наследия в новой Польше, которая теснейшим образом связывалась им с вопросом об автокефалии и решениями Московского Церковного Собора 1917—1918 гг. О Соборе им было написано несколько специальных статей, воспоминания и опубликован дневник участника Собора [5].

Собор виделся В. Богдановичу событием огромной важности не только в жизни Российской, но и всех православных церквей. Принципиальное значение его решения имели и для православной церковной жизни в границах новой Польши. «Когда восстановлена была Польша, — писал

В. Богданович, — и постепенно, сначала фактически, а потом и юридически определились ее границы, то в этих границах по разным статистическим данным оказалось от 4 до 5 миллионов православных. Факт этот выдвинул на первый план вопрос чрезвычайной важности — о юридической форме существования церкви православной в Польше. Высокие принципы, провозглашенные польской конституцией и первоначальное вольнолюбивое и приподнятое настроение польского народа казалось бы давали гарантию тому, что этот вопрос разрешен будет на основании принципа: «свободная церковь в свободном государстве». На это тем более можно было рассчитывать, что к тому времени в благоприятном направлении изменился и самый внутренний строй церкви, приняв так называемые «соборные» формы, как нельзя более соответствующие демократическому устройству государства. Народ-церковь должен был заключить союз с народом-государством, и если бы это осуществилось, то такого конкордата никакая сила не могла бы разрушить. На несчастье, не знаю, благодаря чьим внушениям, думаю, что благодаря внушениям тех кругов, которые борьбу с православием считают выше интересов государства, правительство захотело идти иной дорогой, дорогой исторических ошибок, каковая дорога и привела к тому положению, которое мы видим теперь. Вместо того, чтобы заключить союз с целым православным народом, пользуясь услугами епископов, только как высоких посредников, как представителей народа и выразителей его стремлений, — с этой точки зрения государство даже было обязано требовать от епископата формальных доказательств доверия со стороны народа, — вместо этого правительство решило, пользуясь недостойными услугами одного-двух иерархов создать не истинную и с точки зрения канонической, и с точки зрения представительства иерархию и разговаривать с ней. Когда блаженной памяти патриарх Тихон назначил на Варшавскую кафедру в качестве временного экзарха архиепископа Георгия, прави-

тельство признало этот акт, а это значило, что признало и власть патр. Тихона, но когда этот последний в присланном им для руководства «положении», согласно с каноническими правилами православной церкви, назначение архиепископа Георгия на место постоянного митрополита «всех Польши» поставил в зависимость от собора, т.е. от доверия к нему православного народа, то правительство позволило ему исказить это «положение», выбросив из него все то, что заключало в себе начала соборности и признало его митрополитом всей Польши без Собора, а с патриархом были прерваны сношения. Этим правительство ясно показало, что оно не хочет разговаривать с православной церковью, как с православным народом, и таким образом выкопало между собою и народом яму, которую теперь трудно уничтожить» [6. С. 4].

Непримиримость В. Богдановича в вопросе об автокефалии Православной церкви в Польше стала причиной гонений на него и его сподвижников со стороны высшей иерархии в лице самого митрополита Дионисия. Позднее он даже был «отлучен от польской православной церкви польской иерархией» [7. С. 1], хотя и не принадлежал к новой церкви, всецело оставаясь в лоне Русской Православной церкви. «Отлучать и лишать сана, — писал В. Богданович, — не могли нас те, кто не имел на это право, так как мы никогда не принадлежали к «Автокефальной Польской Церкви» и не были подчинены ей, а действительное наше духовное начальство (патр. Тихон) за верность канонам прислал нам свое благословение ... мы не отлучились от «Московской» («Всероссийской») церкви, как не отлучились православные и других стран, и безусловно мы здесь представляем эту церковь. Теперь на всей территории Польши остался наш только один такой приход» [8. С. 10].

В силу сложившихся обстоятельств полемические мотивы в литературном творчестве В. Богдановича доминируют довольно долгое время. Полемический оттенок носит и поч-

ти все, что было напечатано им в журнале «Правослаўная Беларусь», выходявшем в 1927—1928 гг. в Вильно. Собственно журнал можно было бы с полным правом назвать печатным органом самого В. Богдановича, ибо именно он был главной идейной и литературной силой издания, которое оказалось преследуемое властями и даже запрещаемое. Такое положение не было удивительным, ибо «Правослаўная Беларусь» поднимала широкий круг жгучих проблем белорусской национальной жизни в условиях II Речи Посполитой, боролась за права белорусского народа, в том числе в общегражданской и религиозной сферах.

В своей писательской и сенаторской деятельности В. Богданович всегда выступал как общенациональный белорусский лидер, независимый от конфессиональной ориентации. В этой связи весьма показательны его отношения к белорусам-католикам, которых он всячески защищал от религиозных гонений. «Я был бы односторонним, — говорил В. Богданович на заседании Сената, — если бы не прибавил здесь несколько слов об отношении Правительства к белорусам-католикам. Вследствие совершенно иного положения р.-католического костела в государстве здесь дело идет уже не о религиозных преследованиях, но и здесь ярко выступает существо отношения правительства к религиям, от которых оно требует действий определенного политического направления. На основании этого принципа, безусловно, попираются всякие проявления национальной жизни в церковной жизни белорусов-католиков. Отсюда видно, что в отношении р.-католического костела правительство одинаково не хочет считаться с действительными нуждами самого народа. Только, вследствие иного строя в этом костеле и принятого конкордата с Апостольской Столицей, не имея возможности создать каноническое представительство, оно направляет свой гнет непосредственно на клир и народ, причем считает каждого католика белоруса, будь то светский или духовный, явно симпатизирующего национальной белорусской жизни

или принимающего в этой жизни деятельное участие, — враждебно настроенным против государства.

Вот, например, против ксендза В. Годлевского, настоятеля костела в Жодишках Свенцянского у., говорящего по желанию народа проповеди по-белорусски, возбуждено судебное дело, причем, по имеющимся в белорусском клубе данным, судебный следователь в отношении к кс. Годлевскому применил такую форму полицейского надзора, по которой этот белорусский ксендз должен через день являться для регистрации в местную полицию. Я спрашиваю коллег ксендзов-сенаторов, заставляли ли когда-либо ксендзов в русские царские времена через день являться для регистрации к уряднику.

Когда Виленский р.-католический епископ выслал в Жодишки специальную комиссию, составленную только из ксендзов-поляков с целью расследования существа дела, местная полиция с терроризировала народ, принеся на костельный погост пулемет и целясь в безоружную толпу богомольцев. Не смотря на этот террор полиции белорусское население в значительном большинстве высказалось за употребление белорусского языка в костеле.

Ксендза В. Шутовича, настоятеля в Бороденичах, ведущего преподавание Закона Божия в школах на белорусском языке, местные польские учителя по приказу Дисненского инспектора народных училищ безобразным образом физической силой не допускают в школу.

За употребление белорусского языка уволены с должности школьных префектов ксендзы Семашкевич, настоятель в Лаворишках и Петровский, настоятель в Долгинове.

Белорусскую католическую прессу, освещающую факты преследования в белорусско-католической жизни и вступающую за преследуемых, беспощадно конфискуют. Из-за этого в прошлом месяце конфисковали NN 20 и 22 белорусского журнала «Криница».

Миную из-за недостатка времени бесчисленные другие факты. Вспомню здесь еще только о весьма характерном в этот отношении факте, о несправедливом отказе властей в легализации общества белорусских ксендзов «Светочь», религиозно-просветительного характера» [6. С. 10—11].

Будучи одним из признанных вождей белорусского национального движения, В. Богданович оставался сторонником самого тесного белорусско-русского сотрудничества, а в условиях политической жизни межвоенной Польши «белорусско-русского блока», действенность которого с особой силой проявлялась в период парламентских выборов. Во многом основой для такого единения служило православное культурное наследие, в сбережении и защите которого роль В. Богдановича была без преувеличения выдающейся. Примеров тому огромное множество, отметим лишь его призывы в Сенате к недопущению разрушения Варшавского Александро-Невского кафедрального собора. «Достаточно пойти на Саскую площадь, — говорил в отчаянии В. Богданович, — и посмотреть на оголенные купола наполовину разрушенного собора. Не говорите, Господа, что он должен быть разрушен, как памятник неволи. Я бы сказал, что, пока он стоит, то является наилучшим памятником для будущих поколений, поучаючи их, как нужно уважать и беречь свою Родину; разобранный же будет памятником — позорным памятником нетерпимости и шовинизма! Нельзя не обратить внимания на то, что в этом соборе есть выдающиеся художественные произведения, в которые вложено много духовных сил лучших сынов соседнего народа, — и те, кто создавал эти произведения искусства, не думали ни о какой политике. Польский народ чувствует это, а также угрожающее значение этого поступка, и уже сочинил свою легенду относительно разрушения собора... Но наших политиканов это никак не трогает. А вот приезжают иностранцы, — англичане, американцы, — с удивлением взирают на это, фотографируют и фотографии распространяют по всему миру

— естественно вместе с мнением о польской культуре и цивилизации...» [9].

В роковом для того времени выборе «народ и интеллигенция» В. Богданович постоянно склонялся на сторону народа, о чем не боялся откровенно писать, объясняя, а порой и защищая, свою позицию. Вообще понятие народ имеет у него поистине вселенское значение, хотя применительно к условиям конкретно-историческим это у В. Богдановича прежде всего этническая и этно-политическая категории. Особенно сложным является у него по своему наполнению определение «православный народ», тесно связанное с такими явлениями как традиция и соборность. Идее соборности В. Богданович посвятил многие свои работы. Идея эта стала одним из самых значимых элементов его собственной литературной доктрины, его отношения к миру и церкви. Можно даже сказать, что соборность, по мнению В. Богдановича, выступает как особая сила, определяющий вектор в судьбе всего «православного народа» и отдельных его представителей, таких, например, как патриарх Тихон. «Не только он сам, - писал о патриархе В. Богданович, — но и могила его служит теперь неким объединяющим стягом, возле которого группируется вся былая Святая Русь, как возле тех, кто отошел от него — группируется «Русь поганая»... И это инстинктивно чувствуют как враги Церкви, так и люди простые, но сильные своей верой, хотя подчас это еще непонятно для “премудрых и разумных”» [10. С. 3].

В своей оценке миссии патриарха Тихона в истории православия и России В. Богданович оказался близок протопресвитеру Терентию Теодоровичу и нынешним внутрицерковным взглядам, отличным от суждений некоторой части тогдашней русской эмиграции, вполне объясненным самим сенатором остротой политического момента, превалированием сиюминутности над вечностью. «В наши дни господства политики и политической разногласности еще нельзя с полной ясностью представить себе тот величественный по-

двиг христианской любви, который понес на своих плечах патриарх во время государственной и церковной разрухи в России. Час оценки этого подвига еще не настал. Для русских эмигрантов и до сих пор еще душу «омрачает мысль» (см. фельетон Арцыбашева в газете «За Свободу» за 10-е марта 1925 г.) о том, что патриарх признал советскую власть и отказался в тоже время послать благословение войскам генерала Деникина. Ничего удивительного, ибо изболевшимся политическим душам так хотелось бы видеть в патриархе политического борца за их идею, — видеть его на своей стороне. И патриарх знал, что своим отношением к большевистской власти он накликает на себя гнев всей русской интеллигенции, однако пошел на это, пожертвовал даже свою собственную политическую репутацию дабы только сохранить влияние и связь с массами православного народа, которые тогда или осознанно или неосознанно не шли и не хотели идти вместе с «белыми»» [10. С. 3].

Ключевая проблема, о которой В. Богданович много писал вплоть до своего ареста в 1939 г. — «церковь и государство». Уже в самых ранних своих произведениях, посвященных ей, он очень точно нарисовал историческую картину феномена этих взаимоотношений, определил для СССР «тот крайний вид социализма (коммунизма), который сам фактически стремится стать религией» [11. С. 3]. Без сомнения все, что было написано В. Богдановичем на эту тему не потеряло своего значения и до сего дня, а предложенная им формула сосуществования церкви и государства представляет особую ценность прежде всего для нынешнего времени, для современных условий, для новой Европы. Увы, для Польши 1920—1930-х гг., а тем более СССР, предлагаемое В. Богдановичем было совершенно неприемлемо, а сам он попадал в разряд лиц весьма опасных для государства, которое неоднократно применяло к нему всевозможные репрессии.

В. Богданович был не только отвлеченным мыслителем, бумажным доктринером, но и весьма деятельным исполнителем, воплощением своих идей в жизнь. Он показал себя и умелым политиком, сплотившим вокруг себя большое число единомышленников, организатором особой православной партии (политической партии под названием «Православно-Белорусское демократическое объединение» [14. С. 1—7]) и даже объединения ряда православных групп политического характера, наиболее ярким свидетельством чего служит составленный им «Мемориал членов объединенной церковной комиссии из представителей белорусского национального комитета и русского народного объединения в Вильне» [12. С. 9—10; 13. С. 5—6].

«Мемориал» весьма жестко расставлял акценты в отношении автокефалии Православной церкви в Польше и ее внутреннего устройства: «1. Православный народ считает необходимым безоговорочный созыв Всепопольского Православного Собора на основе правил, выработанных на Всероссийском Соборе в Москве в 1917—1918 гг. 2. Православный народ не будет враждебно относиться к Автокефалии Православной Церкви в Польше, если только она будет основана на церковных канонах и признана на выше указанном соборе (Всепопольском)... 5. Высшая духовная власть в Польше должна быть выборной...». Со всем этим государственные власти Польши согласиться, конечно же, не могли, тем более, что сенатор В. Богданович давно и весьма настойчиво на самом высоком уровне пытался решить жгучие вопросы церковного бытия, бесстрашно и весьма умело критикуя правительство: «Одним из главнейших таких вопросов является вопрос об автокефалии. Правительство, работая совместно с официальной иерархией, очень поспешно разрешило этот вопрос без всякого участия клира и церковного народа. Не решаясь судить о том, какое постановление по этому делу принял бы церковный народ, вся церковь, если бы ей была дана возможность выразить свое мнение путем

каноническим, т.е. на соборе, я категорически утверждаю, что разрешение этого вопроса правительством и иерархией без клира и народа не может иметь ни канонического значения, ни жизненной крепости. Многочисленные аналогичные опыты в истории Литвы и Польши ясно говорят об этом. Не укрепляет этого дела и участие в нем Константинопольского патриарха, который ни фактически, ни юридически не является главою православной церкви в Польше. Наоборот, его участие компрометирует это дело, в виду обнаруженных близких сношений его с неканонической “живой церковью” в Советской России» [6. С. 7].

Пожалуй совершенно особенным было положение В. Богдановича — литературного полемиста в отношении с высшей иерархией Православной церкви в Польше. Противостояние сенатор В. Богданович — митрополит Дионисий раскрывает сложнейшую систему взаимоотношений и церковного строительства в возрожденной Польше, трагичность обоих сильных фигур, в конечном счете ратующих за одно и то же, но предложивших пути противоположные, даже взаимоисключающие, следование по которым в любом случае приводило к потерям, как показала история, возможно необратимым, если бы был избран тот, по которому Православная церковь в Польше не пошла.

Так же, как и теме соборности в жизни церкви, В. Богданович много внимания уделял вопросу взаимоотношения языков в среде православного народа Польши, прежде всего судьбам церковнославянского языка. По поводу же сосуществования русского и белорусского языков он писал: «Этими двумя языками пользуется православное население в своей домашней и церковно-общественной жизни. Два этих языка понятны населению... Существование двух языков в нашем быту не поселит в народе православном распри, ибо вера православная догматы ее, соборное начало в управлении и церковно-славянский богослужебный язык явятся

связующим звеном всех православных в нашем крае для созидания церкви» [15. С. 3].

В. Богданович подчеркивал существенную роль православных белорусов и особенно украинцев в развитии великорусского языка и культуры. Потому «чистым недоразумением является то утверждение, будто общепринятый в настоящее время в быв. Всероссийской Церкви выговор церковнославянских слов — “московский” выговор. Ничего подобного. Этот выговор создало и укрепило по всей Св. Руси именно украинское духовенство в эпоху своего полного и совершенного преобладания и господства в России, начиная от Петра Великого вплоть до Екатерины II» [16 С. 25].

Тема церковнославянского языка и его значения для славянства стала одной из самых главных в литературном творчестве В. Богдановича. Ей он посвятил многие свои работы, среди которых центральное место занимает трактат «Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная данность» (Гродно, 1938). Сенатор был последовательным сторонником сохранения церковнославянского языка в литургической практике. Исполняя завет патриарха Тихона об искоренении попыток ввести в богослужение русский язык вместо церковнославянского, опубликованный В. Богдановичем на страницах редактировавшихся им «Литовских епархиальных ведомостей» [17. С. 1—2], он остается верен идее решения этих и иных «возникших вопросов об исправлении в нашем богослужении» на «будущем Соборе», ибо бывший в 1917—18 гг. Церковный Собор в «Москве ... не имел времени закончить своих работ» [17. С. 2]. «До того времени», то есть до созыва «будущего Собора, когда он состоится», следует «воздержаться от богослужебных нововведений, дабы неосмотрительностью в сем деле не подать повода к смущениям среди верующих и не вызвать гибельного разделения в церкви» [17. С. 2].

В одной из своих ранних работ, написанных в ответ на дикие обвинения с польской стороны в москвофильстве и

даже большевизме, в связи с отстаиванием В. Богдановичем церковнославянского языка в богослужении, он писал: «Вопрос о славянском [церковнославянском — Ю.Лабынцев, Л.Щавинская] языке в богослужении для нас столь важен и интересен, что мы когда-нибудь в другое время рассмотрим его в специальной статье. А теперь дадим лишь короткий ответ. В том, что мы стоим за славянский язык в богослужении нет ни особого русофильства, а ни тем более большевизма, ни демагогии. Удивительно, что это приходится объяснять газете, в которой работают все же не безграмотные люди. Славянский язык, как известно «Słowu», употребляется в церкви не только в России, но и у многих иных славянских православных народов. Употреблялся он некогда и поляками, которые вначале приняли Христову веру от учеников святых братьев Кирилла и Мефодия. Для нас белорусов церковно-славянский язык является исторической основой нашей культуры... пристало ли нам начинать вести борьбу с этой мощной основой нашей культуры и нашего литературного языка? Борьба с ц.-славянским языком как раз и является одним из большевистских лозунгов. Большевики не только выгнали его из школ и из советской жизни, но и поддерживают борьбу с ним в церковной жизни через те церковные группы (обновленцы, живоцерковники), которые склонились к большевистской идеологии. К сожалению, отсюда эта борьба с ц.-славянским языком перекинулась и в Польшу, на Западную Украину и, как можно видеть из газет, поддерживается Правительством и уже внесла в гущу украинского православного народа нежелательный для них раскол и внутреннюю борьбу. Вот тут и пошли в ход демагогические политические лозунги, которыми и стараются подогревать эту борьбу. Этого мы и не хотим для Белорусского народа. «Słowu» утверждает..., что всю белорусизацию церкви мы ограничиваем только проповедями в церкви на белорусском языке. Это не правда, ибо мы стоим за родной язык и в духовной школе и во всей административной жизни

церкви. Не исключаем и так называемого «дополнительного богослужения» на белорусском языке, которое в свое время разрешил (вернее, разъяснил, так как это и ранее не запрещалось) патриарх Тихон еще в 1921 г. А когда славянский язык останется в основном богослужении белорусского народа, то это ничуть не помешает его национальному возрождению и росту его родной культуры, а даже поможет этому. Не помешала же национализму польского народа употребление латинского языка в костеле... Однако же латинский язык для Поляков, как славян, чужой, а славянский для нас — свой» [8. С. 9].

Один из ближайших сподвижников и однодумцев В. Богдановича протонерей Лука Голод, автор большого числа литературных работ, о котором наши нынешние издания даже не упоминают, высказался еще более категорично о значении церковнославянского языка для белорусского национального возрождения: «славянский язык должен быть сохранен в церкви как одно из средств культурного развития белорусского языка» [18. С. 8].

Позднее, незадолго до начала II мировой войны, В. Богданович подведет некий итог своей многолетней полемике в защиту церковнославянского языка: «...политиканствующие из наших украинцев и даже белорусов (реже), воюют против церковно-славянского языка, да еще как «русификационного средства», забывая, что он лег в основу их собственной также, как и культуры великорусской. Политические мотивы и предубеждения заставляют умалчивать о том, что их знаменитые родичи, эти Епифании Словинецкие, Мелетии Смотрицкие, Симеоны Полоцкие, Димитрии Ростовские, Феофаны Прокоповичи и пр. не менее потрудились над развитием даже, и того же «великого, могучего, свободного и правдивого языка», как и Ломоносовы и внесли в дело выработки его филологического содержания и форм много «русских», т.е. украинских слов и оборотов.

Отсутствие чутья к прекрасному мешает таким людям преодолеть на пути к красоте малейшие политические воспоминания и заставляет их часто находить политику там, где ее нет и быть не должно — в сфере религиозной. Не даром такие отрицатели выходят большею частью из среды малоцерковной и мало религиозной, даже часто антирелигиозной, т.е. по существу малокультурной, а, следовательно, и далекой от народной души. Народные массы никогда почти не обманывающиеся в своем национальном инстинкте, твердо стоят за церковно-славянский язык; и слава Богу, идя за ними начинают, кажется, отказываться от гонения на родной богослужебный язык, т.е. на источник своей культуры, даже и этого рода деятели.

Мы ничуть не думаем насиловать ничьей свободной воли. Если украинцы и белорусы, хотя и сами вложили много труда и сокровищ своего языка в литературный русский язык, теперь все-таки желают создать свой отдельный, более близкий к разговорному народному языку литературный язык, — пусть создают. Это их воля. Но невольно здесь хочется им дать совет в этой их национальной работе не отрываться от культурных основ своего языка, т.е. от языка церковно-славянского, чтобы тем не «обобрать» — самих себя» [16. С. 19—20].

Вместе с тем и сама Польша являлась некогда носителем церковнославянского языка, а «св. Мефодий и Кирилл признаны святыми и в римско-католической церкви, а их перевод священных и богослужебных книг в свое время получил благословение папского престола... Следовательно, эти святые братья... являются связывающими между славянами и между восточными и западными церквями» [16. С. 4]. «Судьба церковно-славянского языка в Польше для нас, конечно, наиболее интересна. Посеянное здесь св. братьями христианство с церковно-славянским богослужебным языком и восточным обрядом вытравлено было потом латино-немецкими проповедниками далеко не сразу и не без тяже-

лой борьбы, которая продолжалась от девятого вплоть до тринадцатого века. Дольше всего славянский язык и восточный обряд держались в областях Познанской и Краковской. В Познанской епархии только сто лет спустя после Кирилло-Методиевских проповедников укрепился латино-немецкий епископ Иордан (967 г.).

Большинство историков, в том числе и многие польские, считают, что Мечислав I или Мешко был крещен по восточному обряду, и лишь перекрещен латинскими проповедниками. После него еще долго в Польше существовало разделение на латыньников и славян (Bielowski). В XII в. Краковский епископ Матвей и польский боярин Петр Властович пишут письмо св. Бернарду с просьбой приехать в Польшу «для искоренения обряда нечестивых русских», а еще в половине XIII в. в Краковской епархии посты соблюдались не по латинскому, а по Византийскому обряду. Только с половины тринадцатого века борьба двух влияний латино-немецкого и византийско-славянского, можно считать, закончилась в пользу первого, т.е. как раз, когда такая же борьба начала загораться и на Востоке Польши с присоединением к Польше литовско-русских и украинско-русских земель» [16. С. 12].

Будучи личностью всесторонне художественно одаренной, Вячеслав Васильевич был известен и как композитор, автор нескольких популярных романсов и других музыкальных сочинений, в их числе знаменитой «Зорьки Венеры» на слова Максима Богдановича. Едва ли не первым В. Богданович стал писать агиографические произведения на белорусском литературном языке нового времени. Пожалуй самое известное среди них «Сьв. Віленскія мучанікі і дзіватворцы Антоній, Іоанн і Евстафій — патроны Беларусі». В предисловии к их житию, составленному В. Богдановичем, он писал «Православная вера на Беларусі всегда была крепка любовью и привязанностью к ней ее сынов. Воспитывали эту любовь, эту силу чистое, правдивое сердце белоруса, его

вековечное горе и недоля, его безрадостное, тяжкое житье, когда человеку остается только одна утеха — обращаться со своей мольбой, своей тоской к небу... И на протяжении веков не было веры сильнее, слез горячее, усердней молитв, как вера, слезы и молитвы к своим родным небесным покровителям и заступникам — св. мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию из родной близкой и дорогой белорусам Вильны. Тяжелые переживания мировой войны и перемен, которые вызвала она, оторвали нас — но только не в чувстве, не в памяти народной — от наших святых покровителей. И вновь близится время, когда уже сможем, как и всегда ранее, прямо нести им, на их Отчизне, наше горе и радости, наше счастье и недолю, и просить их небесного заступничества для нашей — как говорят — Богом и людьми забытой белорусской хаты и вески. Вспомним житие и страдания св. мучеников, дабы они были примером для всех, кто чувствует вокруг себя отсутствие веры, — дабы их крепкое стояние за православную церковь поддержало тех, кто под тяжкими ударами жизни готов соблазниться, надломиться и оставить богатство, унаследованное от отцов и дедов».

Не следует думать, что политическая и внутрицерковная деятельность В. Богдановича, были осуждены лишь митрополией в Польше. Нашлись и отдельные рядовые священнослужители, недовольные будущим сенатором, которые вслед за высшими церковными кругами выступили против него с весьма грозными обвинениями, в подавляющем большинстве совершенно абсурдными. Так, например, священник Виленской епархии В. Гапонович, в обширном «Открытом письме... бывшему секретарю Литовского Епарх. Совета В.В. Богдановичу» [19. С. 12] восклицал: «...за время стояния Вашего у руля Управления Литовской Епархией... понижалась власть патриарха Тихона...» [19. С. 12]. Впрочем, в письме этом есть еще более резкие слова: «...Вы попрали волю Святейшего Патриарха-мученика за веру православную...» [19. С. 12]. Любопытно, что все это пишет бу-

душий «перелет», перешедший через три года в неоунию¹, один из ее активных творцов на Белостотчине [20. С.90]. Справедливости ради следует заметить, что письмо В. Гапоновича носит все признаки доноса, причем доноса политического, и недаром его отказались печатать виленские светские газеты, не подвластные новой церковной иерархии², а поместили возобновленные после отставки В. Богдановича «Литовские епархиальные ведомости» в первом своем номере, вышедшем 1 ноября 1922 г. Подобная быстрота обвинений и их неприкрытый политический характер скорее всего объясняются не мстительностью отдельных лиц и их желанием угодить высшей церковной власти, а тем, что 5 ноября 1922 г. должны были состояться выборы в парламент Речи Посполитой, в который от Виленщины баллотировался всем хорошо известный здесь В. Богданович. Он победил на выборах, стал «первым белорусским сенатором» и даже возглавил «церковно-религиозную комиссию» в Белорусском Посольском Клубе, одну из основных задач которой видел в «борьбе за внутреннюю свободу церкви», за то, «чтобы она была независимой от влияния государственной власти, чтобы она была исключительно духовным институтом...» [22. С. 11]. И В. Богдановичу действительно удалось возглавить довольно внушительную белорусскую парламентскую коалицию, реализовывавшую его планы, причем «...эти церковные вопросы активно решались в Сейме не только православными послами, но и послами-католиками» [22. С. 12].

---

¹ О неоунии подробнее смотрите в книге К.Н. Николаева, живого свидетеля ее возникновения в межвоенной Польше [21].

² Через два года после этого случая протоиерей В. Гапонович 14 августа 1925 г. доносит митрополиту Дионисию на одну из этих газет, русскоязычную «Виленское утро», которая категорически отказалась помещать на своих страницах в 1922 г. письмо В. Гапоновича [25. С. 17—18].

Являясь одним из лидеров белорусского национального движения в межвоенной Польше, В. Богданович установил самые дружеские отношения с русскими эмигрантскими кругами и был известен как лицо, получавшее их поддержку на выборах. «Временный Русский комитет по выборам в Вильне» распространил весной 1928 г. призывы, фрагмент которых необходимо процитировать: «Мы призываем всех русских идти вместе с Блоком Нац. Меньшинств в Польше, с Белорусским Центральным Об'единенным Выборным Комитетом Блока Нац. Меньшинств, который в лице своих представителей в прошлом Сейме и Сенате, стойко отстаивая права нац. меньшинства, тем самым отстаивал и наши права, а также общие нам, Русским, с Белорусами права славянского меньшинства, связанного общностью происхождения, общею родиною, наконец, общею матерью — Русскою Православною Церковью, самоотверженно борясь за свободу и независимость последних. Пострадавшие в борьбе за общее благо, они обрели русское нац. доверие. Отдадим же решительно наши голоса на выборах Бел. Центр. Об'ед. Выборн. Комитету Блока Национальных Меньшинств!

Все Русские за список №18, в числе кандидатов которого значится б. сенатор В.В. Богданович! И да не будет у нас, Русских, другого списка!

Мы ничего не обещаем, мы призываем всех Русских к исполнению гражданского долга, к труду, во имя общего нац. освобождения, ибо только таким путем наши представители смогут выполнить возложенные на них задачи.

Да здравствует Блок Нац. Меньшинств!

Да здравствует славянское единение Белорусов и Русских!

Да здравствует Русская культура!».

Вне всякого сомнения, подобные слова и взгляды появились во многом и благодаря деятельности В. Богдановича, внутрицерковной, политической, литературной. Ему удалось сплотить различные национальные силы на основе

общеправославного, общецерковного единства. Объединить мнения и чаяния «православного народа», основу которого составляло местное белорусское крестьянство, а меньшую, но наиболее образованную часть, этнические русские, в значительном числе эмигранты, и те, кто считал себя русским³. Не случайно многое из написанного В. Богдановичем он адресовал «живущим здесь православным русским, в уверенности, что они полюбят этот край, его язык и его национальные особенности» [15. С. 3].

Это и для них, для русских эмигрантов он написал о своем народе слова, которые хорошо понятны всем и без перевода: «Прайшлі вякі, для беларускага народа вякі цяжкія, ліхія, жорсткія. На працягу іх змяняліся людзі, усе парадкі жыцця, культура, лад гаспадарчы, соцыяльны, дзяржаўны... Самая зямля прыдбала йнакшы выгляд... Не змянілася толькі тое, што складае самую душу народа — яго вера, яго мова родная. Да сённяшняга дня ня згубіў наш народ многапакутны гэтага свайго багацця. Ня згубіў, ня глядзячы на тое, што жэрабем яго жьнцця заўсёды былі толькі нуда, цемра, пакута, векавечная няволя — нядоля. Ня згубіў толькі дзякуючы таму, што гуртаваўся каля свайго нацыянальнага сыягу, што ня здрадзіў сваім гістарычным сьвятыням».

---

³ Характерный пример русского, ведущего свою родословную от исконных жителей здешних мест, мы находим в лице Александра Каллиниковича Свитича, более известного в среде русских эмигрантов межвоенного периода под псевдонимом Туберозов. Член Предсоборного Собрания во II Речи Посполитой от Варшавско-Холмской епархии, директор издательства «За Свободу», талантливый журналист и писатель, он был сыном священника Виленской епархии, умершего в 1928 г. [23. С. 8]. А. Свитич называл В. Богдановича «виднейшим церковно-общественно-политическим деятелем того времени» [24. С. 3].

Более сложные примеры русских, местных уроженцев, видим в Союзе Русских Студентов Университета Стефана Батория в Вильно и особенно в академическом конvente «Ruthenia Vilnensis» при Университете Стефана Батория, отдельные члены которого определяли свою национальную принадлежность латинским словом «ruthen».

Интерес к писаниям В. Богдановича среди православного населения современной Польши, Литвы и Беларуси продолжает сохраняться, свидетельством чего служит ряд его сочинений, по сей день сберегающихся в различных библиотеках — частных и приходских. Некоторые из сочинений В. Богдановича неоднократно переписывались читателями, в их числе — его воспоминания о Московском Церковном Соборе 1917—1918 гг., написанные на белорусском языке. В разделе «Приложения» мы публикуем один из заключительных фрагментов этих воспоминаний, полностью сохраняя все особенности рукописного оригинала, скопированного нами во время экспедиционных исследований, осуществленных благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Нам представляется принципиально важным для понимания творческой манеры и взглядов В. Богдановича на судьбы России его доклад «Трагедия Гоголя», прочитанный на вечере по случаю 75-летия со дня смерти писателя, устроенном Союзом русских организаций 19 марта 1927 г. в Варшаве. Приводим некоторые фрагменты этого доклада с сохранением языковых особенностей оригинала.

«У Гоголя, как у настоящего романтика, была своя “дама сердца”. Было одно существо, которое он любил всю своей душой, любил до конца безраздельно и без оговорок, ради которой он мечтал и о подвигах и о жертве, и эту его “прекрасною дамою” была — Русь!..

Не Россия, т.е. не официальная тогдашняя Россия, которая была для него в значительной степени “плевелами” на поле засеянном доброй пшеницей, или большей частью бесконечно любимой им его дамы — Руси. Нужно было рвать эти плевелы, но пора ли, пришло ли время жатвы? Нужно очищать поле, но ведь корни плевел так тесно и цепко сплелись с корнями пшеницы, ведь операцию нужно произвести на живом теле любимого человека! Здесь трагедия Гоголя достигает высшей своей точки. С одной стороны, он не мог не видеть и не знать того, как необходима для его Руси — России эта тяжелая операция. Слишком много накопилось в ней всякого зла и пороков. Ни одного благородного лица, кроме “смеха”, не нашел он в окружающей жизни. Но с другой стороны, в творческом предвидении и предчувствии он не мог не предвидеть и иных результатов и даже иного исхода. А что, как это ядовитое впрыскивание мифистифельского смеха вызовет слишком сильную реакцию, слишком сильный подъем температуры и больное любимое существо не выдержит? Это сознание, что опыт произвести нужно над любимым существом, еще более усиливает муки Гоголя, и без того измученного борьбою между порывами идеализма и взрывами сатирического смеха... “Из своего прекраснаго далека”, из Италии, он хорошо видел свою прекрасную даму с ея честью и достоинствами, которая, однако, рисовались ему слабо и мутно в атмосфере его

идеалистических мечтаний, но больше с недостатками, которые так ярко и резко вырисовывались на этом радужном фоне, которые так и просились под его сатирическое перо. И Гоголь весь отдался этой работе. Но этого последняго уже не выдержала его душа, не выдержала томительных непонятных предчувствий... . Последние дни жизни Гоголя, погружены в глубокий религиозный мистицизм. Его переписка с друзьями еще как будто мечтает о возвращении и задержании скачущей тройки, но уже объяснение божественной литургии как бы говорит об одном: вернуть уже поздно, дело сделано, России суждено испытать гяжелья потрясения, теперь уже не предотвратить их а нужно лишь каяться и молиться около Безкровной Жертвы, чтобы те страдания, которые ей суждено перенести, не остались страданиями возмездия и кары. а стали бы страданиями искупления и грядущей славы Воскресения.

С этими мыслями умер Гоголь.

Современное русское общество не поняло ни пророческих ужасов, ни этого религиознаго порыва Гоголя. В лучшем случае оно отнеслось с сожалением, в худшем с насмешкой к своему пророку, чем еще более увеличило его трагедию, заставив пред смертью осудить себя. Но мы, последующия поколения, кому судьба судила стать свидетелями того, что видел Гоголь в своих пророческих видениях, мы не только должны снять с него это осуждение, но и оправдать и возвеличить Гоголя, не только первой, но и последней половины его жизни и поклониться Гоголю и писателю и человеку. Он не зарыл своего "жестокаго таланта" в землю, но и не злоупотребил им. Давая Руси опасное, но нужное лекарство, он указал и тот режим, то сдерживающее средство, при условиях наличности котораго обезничивалось его действие. Этот режим и это средство — вера и церковь. "Кто льет часто душевныя глубокия слезы, тот кажется, более всего смеется на свете", сказал Гоголь. "Блаженны плачущие, ибо они утешатся" сказало Евангелие. Не Гоголь виноват, что в следующих поколениях России взяли верх те, кто с радостью встретили его смех, но не хотели знать его слез и уже смехом без слез высмеяли его за эти слезы и сняли нравственную узду, пуская в ход гоголевскую тройку.

...Впрочем не время теперь считаться. Ведь трагедия Гоголя не окончилась еще с его смертью. Она переживается и теперь в тысячах и миллионах русских сердец и здесь, в близкой Руси в Польше, и на шоссеинах дорогах Балканских славянских стран, в шахтах французских заводов, и на знойных полях Аргентины и Южной Африки и везде, везде, а главное там, где по-прежнему "грозно объемлет нас могучее пространство, страшною силою отражаясь в глубине души", где, может быть, по-прежнему еще раздается песня "что зовет и рыдает и хватает за сердце". И все эти миллионы русских людей вместе с Гоголем повторяют теперь:

— "Русь! Русь! Куда несешься ты? Дай ответ!

— Не дает ответа".

— Нет! Трагедия Гоголя еще не окончилась. Она окончится тогда, когда окончится трагедия Руси».

ПРАВАСЛАўНАЯ БЕЛАРУСЬ

ЦАРКОўНА-ГРАМАДЗВІ І ПАЛІТЫЧНЫ, ДВУТЫДНЁВІК.

№ 1 —

І КАСТРЫЧНІКА.

1927 г.

АДРЭС РЭДАКЦЫІ:

Вільня, Людвісарская вул. № 1.

ПАДПІСНАЯ ЦАНА

да канца года 1 эл. 50 гр.

А Д Р Э Д А К Ц Ы І.

Усякі, хто прыглядаўся ў астатнія часы да нашага беларускага культурнага жыцця, ня мог не заўважыць шырокага разнічня беларускага выдавецтва. У сучасны момэнт у адной Вільні выдасца чатыры беларускія газеты, якія лічуць сваіх падпішчыкаў тысячамі і каля дзесятка розных тыднёвікаў і двухтыднёвікаў.

Гэтыя парядычныя выданні трываюцца розных палітычных кірункаў і захапляюць больш-менш усе галівы і куткі нашага беларускага жыцця. І ўсё-ж такі мы павінны адзначыць, што ёсць яшчэ адна пэўная галіна, якая дагэтуль астаецца занедбанай, хоць з нашага пагляду, яна ёсць адна з самых найважнейшых у жыцці народа. Маем на ўвазе жыццё царкоўнае, якое заўсёды ў гісторыі нашай мела найважнейшае значэньне, а ў гэтыя часы адраджэнскага руху ў беларускім народзе ёсць пэўная патрэба асьвятленьня царкоўнай справы з боку нацыянальнага.

Запаўненьня гэтага, як гаворыцца, „прабелу“ у нашай нацыянальнай перыядычнай прасе мы і ўважаем за першую і найважнейшую нашу задачу.

Але царкоўнымі справамі не ахапляецца ўсё жыццё нашага народу. У часы адраджэнскага руху і барадзбы за сваю палітычную сузьбю і нацыянальныя ідэалы не магчыма праходзіць міма пытаньняў палітычных, сацыяльных, нацыянальных і культурных. Рэдакцыя ўважае, за

Народная литература

История «низовой», «не элитарной» или народной литературы вызывает среди исследователей все больший интерес. В отдельных странах ее изучение имеет уже более чем вековую традицию, в других только начинается.

В центрально- и восточноевропейских государствах судьбы народной литературы сродни тому, что имело место в Германии и особенно во Франции в прошлые века.

Православная народная литература XX ст. — явление уникальное и совершенно неизученное, несмотря на его масштабность и важное значение в духовной жизни нескольких европейских народов, прежде всего русского, белорусского, украинского.

Литературоведы и историки книги указывают на то, что народная литература появилась сравнительно поздно — в Западной и Центральной Европе примерно в XVI—XVII вв., а в России даже во второй половине XVIII в. Думается, подобные утверждения нуждаются в корректировке, если иметь в виду народную религиозную литературу, возникшую значительно раньше².

Народная литература как явление общечеловеческое, свойственное культурам всех стран заслуживает первостепенного внимания со стороны ученых, но увы, его масштабность, сложность и отсутствие достаточного эмпирического материала делают пока невозможным должное определение

---

¹ См., напр., работы, посвященные народной книге в международном сводном библиографическом ежегоднике «Annual Bibliography of the History of the Printed Book and Libraries». Dordrecht etc., 1969. Vol. 1— .

² В этой связи хотелось бы указать на пионерскую работу А.И. Пономарева, демонстрирующую всю сложность, связанную с изучением народной религиозной литературы уже в XIX в. и необходимостью обращения к экстраполяции: Пономарев А.И. Народные листы и картинки духовного содержания // Странник. 1881. № 11. С. 406—415; № 12. С. 604—626; 1882. № 3. С. 392—414.

хотя бы основных параметров и общей структуры этого явления, не говоря уже о его генезисе³.

В России народная православная литература получила необычайно широкое развитие, причем едва ли не самыми распространенными оказались житийные жанры, а также различные слова и поучения авторитетных церковных писателей, часто снабженные необходимыми комментариями и пояснениями. В народной православной литературе дореволюционной России возникли целые направления, связанные с ориентацией на конкретные читательские группы, уже сложившиеся традиции, с поиском новых жанровых и издательских форм. Особенно показательной в этой связи была деятельность редакции «Троицких Листков», выпускавшей массовыми тиражами большое число самой разнообразной народной православной литературы. Редакция, располагавшаяся в подмосковном Сергиевом Посаде, печатала книги, книжечки, брошюры, листки, образки (иконки), различные периодические издания, сборники, антологии и многое другое для детей и взрослых⁴.

Разоренная в результате первой мировой войны, вынужденной эвакуации, революции, гражданской и польско-советской войн, Православная церковь в Польше стала к началу 1920-х гг. постепенно восстанавливаться. В частности, в Холме, Кременце, Гродно, Вильно, а затем и в Варшаве печатаются православные издания, предназначавшиеся прежде

---

³ В некоторых странах написаны своего рода общие очерки истории тех или иных народных литератур, как правило, весьма неполные. Есть они и у нас. Напр., Ан-ский С.А. Очерки народной литературы. Спб., 1894; Он же. Народ и книга. М., 1914; Родников В. Очерки по вопросам народной литературы и народного чтения. Киев, 1914; Дорошенко Д. Народная украинская литература. Спб., 1904 и др.

⁴ См. различные каталоги редакции «Троицких Листков», сохранившиеся в основном благодаря помещению их в конце многих троицких изданий, напр., номеров журнала «Божья Нива», книг серии «Троицкая школьная библиотека» и др.

всего для коренного местного населения — украинцев, белорусов и «тутейших». Первые издания для православных представляли собой в основном листовки и маленькие брошюры. По содержанию это были епископские послания по случаю различных церковных праздников, небольшие слова и поучения отцов церкви, отдельные главы из Евангелия. Примером таких изданий может служить четырехстраничная брошюрка на украинском языке, изданная Волынской Духовной Консисторией в Кременце «по благословию Его Преосвященства, Преосвященнейшего Дионисия, Епископа Кременецкого». Ее выпустили в свет в самом начале 1922 г. — это одно из первых изданий для православных Польши. Брошюрка набрана несколькими различными шрифтами — четырьмя украинскими гражданскими и пятью кириллическими (церковнославянскими), причем некоторые недостающие литеры были заменены сходными из латинского шрифта. В издании три иллюстрации, первая из которых выполняет роль своего рода общего введения, вторая — концовка первой части, третья — заставка ко второй части. Брошюрка вышла в преддверии Пасхи 1922 г. и посвящена ее празднованию. Она содержит стихи 1—17 главы 1 Евангелия от Иоанна и слово Иоанна Златоуста на день Пасхи в переводе на украинский язык.

Одновременно с первыми печатными изданиями для православных на местах среди коренного населения распространяется рукописная литература в виде небольших сборников, тетрадей и отдельных листов. По памяти и с печатных изданий переписывались молитвы, псалмы, поучения, жития, песнопения из «Богогласника». Можно сказать, что в этот период наблюдается своего рода апогей развития рукописной народной православной книжности в Польше, следов которой сохранилось сравнительно мало.

Начавшая работу в 1923 г. Синодальная типография в Варшаве, организованная стараниями митрополита Георгия, быстро наладила выпуск самой разнообразной православной

литературы, от богослужебной до детской. К моменту начала второй мировой войны типографией были напечатаны многие сотни народных изданий, разошедшихся значительными тиражами не только в межвоенной Польше, но и за ее пределами. Необходимо заметить, что некоторые из этих народных изданий сохраняют свое значение и по сей день — их можно встретить в сельских и городских домах православных, приходских библиотеках, у священников, нередко использующих эту литературу для составления проповедей.

Помимо Варшавы, где при митрополии располагался крупнейший православный издательский центр Польши, бывший в ту пору самым значительным в восточнославянском православном мире вообще, православная литература выходила в свет в Вильно, Гродно, Кременце, Львове, Пинске и других местах. В провинции иногда пытались печатать листовки, в основном антисектантского содержания. Это был своего рода ответ местного православного клира на активную деятельность сектантов, в результате которой под их влияние попадали тысячи православных, порой целые приходы. Сектанты издавали и собственную литературу. Наиболее значительное число книг было напечатано баптистами, издательская деятельность таких известных в Польше сект, как грибовская секта Ильи Климовича являлась менее заметной, но и он с помощью своего издателя Александра Данилюка печатал в Белостоке и, возможно, других местах пользовавшиеся повышенным вниманием листовки и брошюры.

Вместе с тем, благодаря миссионерской деятельности Православной церкви, в том числе и с использованием соответствующих народных изданий, были достигнуты значительные успехи, в частности, по переходу в православие большой группы греко-католиков в Галиции. «В отдаленном уголке Карпатской Руси, в Коросненском уезде, совершилось что-то чудесное: села Тылява и Терстяне целиком и безповоротно присоединились к Православию» [1]. Подоб-

ных сообщений тогда печаталось в православной периодике немало.

Возвращающийся к вере своих предков — православию — народ с благодарностью принимал все новые и новые издания, порой специально подготавливавшиеся для новообращенных. В этой связи особенно памятна деятельность Православной церкви среди лемков, истари обживших отроги Польских Карпат, где, по словам одного из активных участников социально-культурного движения лемков в 1920—1930-е гг. И.Ю. Русенко.

«гремит хор Карпатских гор,
В далеку даль — гет плыне —
В Карпатах днес народ воскрес
И право его не згине» [2. С. 76].

Народный читатель в воеводствах, населенных белорусами, «тутейшими» и украинцами, был издавна подготовлен к чтению православной литературы как благодаря заботам Русской Православной Церкви, так и всевозможных учебных ведомств, сумевших поставить уровень образования в Царстве Польском и западных губерниях Российской империи на должную высоту. Вот, например, что писал в конце XIX в. священник села Чарной Церковной на Подляшье о. Алексей Волковский о своих прихожанах в главе «Умственное развитие народа» составлявшейся им церковной летописи: «Половину Чарнянского прихода составляют грамотные, умеющие читать-писать по-русски, а часто и польски. Молодежь — до 30 лет — почти вся грамотная. В селе Чарной имеется министерская народная школа, основанная в 1859 году на средства прихожан с жалованием учителю 150 руб. от казны. С 1888/1889 учебного года учителем состоит Леонид Адамов Гуляй, из крестьян. Ежегодно обучается мальчиков и девочек до 60 человек. Народ хорошо понимает пользу учения и с охотой посылает детей в школу; при этом одинаково желает видеть грамотными не только

мальчиков, но и девочек... Полный курс учения проходится в школе в 3—4 года. Наиболее народом уважаются книги религиозно-нравственного характера, почему при церкви в 1890 году заведена небольшая библиотека для народного чтения, откуда всякий желающий может брать для чтения книжки и листки во всякое время безвозмездно. Молитвослов можно найти в каждом доме, нередкость встретить и часослов, псалтырь, сборник акафистов, Библию. Польские молитвенники тоже в большом употреблении по домам у прихожан» [З. С. 74, 76].

Не удивительно, что православные в Польше в межвоенные годы не только ощущали, но и активно выражали потребность в своей собственной литературе, и даже сами пытались восполнить недостающее путем переписывания от руки. Здесь отчасти проявилась и практическая необходимость «возможно широкого участия народных масс в церковной жизни»⁵, всесторонне обсуждавшаяся в межвоенной Польше, в том числе и в специальных изданиях. Очень часто фоном для рассмотрения подобных вопросов служила недавняя история России, о которой говорили с горечью и скорбью. В народной литературе православной Польши появилась даже особая тема, подхваченная многими авторами, суть которой — «народ и Церковь», «соборность Церкви», «Всероссийский Церковный Собор 1917—1918 гг. и его значение для православия». Об этом, в частности, много и убедительно писал такой замечательный литератор как протопресвитер Терентий Теодорович, один из деятельных участников Собора 1917—1918 гг. Он не раз подчеркивал: «Только можно радоваться, что вопрос о Соборности Церкви — и в частности Православной Церкви в Польше —

---

⁵ См., напр., доклад сенатора Сената Польши от русского меньшинства А.В. Назаревского Епархиальному Собранию Полесской Епархии 17.XII.1927 г. в кн.: Постройка Свято-Покровской церкви в г. Барановичах (1921—1928 гг.). Вильно, 1929. С. 59—64 и др.

стал вопросом живым и действенным в печати, как духовной, так и светской, даже до полемичности» [4. С. 3]. В писаниях о Терентия мы можем найти немало рассуждений о роли и значении собственно народной литературы для церковной жизни. Опытный пастырь, он был склонен считать писательство для народа особым видом проповедничества.

Вообще же, помимо произведений, созданных до 1918 г. и затем только перепечатывавшихся, в межвоенной Польше выходили в свет сочинения православных литераторов-эмигрантов, живших в различных странах, а также (в основном анонимно) авторов из СССР. Печаталось большое число сочинений местных писателей, как правило, жителей крупных городов. Среди них доминировали представители русского и русскоязычного меньшинства, люди различных профессий, часто светские, близкие к церковным кругам. В качестве примера можно указать на известного литератора С. Кулаковского, автора многих книжечек для народа, в их числе и тех, что связаны с возрождением в народной среде древле-православных литературных традиций⁶. Особые писательские группы составляли высшие духовные лица, преподаватели духовных учебных заведений, приходские священники. Синодальная типография в Варшаве и синодальные учреждения Православной церкви в Польше являлись подлинными литературными центрами, которые не только способствовали литературной деятельности православных, но и организовывали ее.

Не удивительно, что Варшавская Синодальная типография — главнейший литературно-издательский центр православной Польши — напечатала основную массу народной православной литературы, насчитывающей несколько сот названий книг, книжечек и брошюр, а также огромное число

---

⁶ Им, например, изданы такие книжечки как «Белый клобук и шапка Мономаха» (Варшава, 1926), «Чудо Богоматери о Феофиле» (Варшава, 1926) и др.

разнообразных листовок, учесть которые даже приблизительно не представляется возможным.

Тиражи всех этих изданий были весьма значительными, в среднем от тысячи до нескольких тысяч экземпляров. Сохранившиеся архивные документы Синодальной типографии свидетельствуют, что книгоиздание для народного читателя велось в ней с большим размахом, а тираж таких универсальных изданий, как всевозможные типы календарей, составлял несколько десятков тысяч экземпляров каждого типа [5]. Различные однолистныe издания тиражировались десятками тысяч экземпляров и постоянно переиздавались, как, впрочем, и многочисленные брошюры и небольшие книжечки для народа, дошедшие до нас порой лишь в более поздних переизданиях, а нередко известные только из упоминаний в тех или иных каталогах и описаниях. Общий же совокупный тираж этой народной литературы насчитывал несколько миллионов экземпляров, что дает наглядное представление о широте ее распространения и значении в жизни православных Польши.

В очень большом числе у православных имелись рукописные копии различных песнопений, молитв, поучений. Как правило, они не собирались в отдельный сборник и не переплетались, а потому служили недолго — в течение всего лишь нескольких лет. Однако именно эти рукописания, в основном крестьянские, сыграли столь же значительную роль, как и печатные издания. Порой, рукописания эти являлись своего рода дополнительным тиражом печатных изданий, особенно в случае с такой книгой как, «Богогласник», рукописные списки отдельных песнопений из которого, выполненные в 1920—1930-х гг., встречаются в различных собраниях и сейчас. Впрочем, оригиналами для подобных списков часто служили журнальные публикации, прежде всего в знаменитом православном иллюстрированном еженедельнике «Воскресное чтение», носившем подзаголовок

«народного» и тиражировавшемся в нескольких тысячах экземпляров⁷.

Жанровое разнообразие народной православной литературы межвоенной Польши было очень богато, можно говорить о десятках ее жанров и видов, до сих пор не только практически не изученных, но и совершенно неизвестных, даже не определенных терминологически. По сей день литература эта остается *terra incognita*, да и сам вопрос о ее существовании ставится по сути впервые. Она впитала в себя произведения авторов древних времен, сочинения писателей Средневековья и Нового времени, а также тех кто жил недавно и, конечно же, современников, лиц духовных и светских, писавших различного рода стихами и прозой, вплоть до народных рассказов, баллад, небольших литературоведческих эссе, очерков, наконец, всевозможных слов, бесед, поучений, столь любимых народным читателем на протяжении почти тысячелетия восточнославянской православной литературы.

Особыми видами литературы, пользовавшимися колоссальным, не всегда удовлетворявшимся спросом являлись всевозможные календари (до 5—7 различных «родов» — по терминологии самих ее издателей), а также сборники народных церковных песнопений — «Богогласники». Календари печатались регулярно, начиная с 1922/1923 гг. (первый календарь, на 1920 г., был издан в 1919 г.) и по 1939 г. Они были настенными, отрывными и в форме книги. Число иллюстраций в календарях все время увеличивалось, обложки их иногда были цветными, рисованными лучшими художниками. Календари содержали месяцесловы, святцы, различные справочные материалы, литературные произведения,

---

⁷ Журнал «Воскресное чтение» — уникальное издание в православном мире XX столетия. Он регулярно, еженедельно выходил с 1924 по 1939 гг. и был очень любим не только среди православных Польши, но и многих других стран, особенно в среде Российского Зарубежья.

хроники за год, всевозможные советы православному населению, а порой, в приложении, целые дополнительные книги, набравшиеся даже церковнославянскими шрифтами, как это было, например, в календаре 1939 г., к которому прилагался объемный Типикон [6].

«Православный календарь на 1924 год» был издан «по благословению Высокопреосвященнейшего Дионисия, митрополита Варшавского и Волынского и всея Польши, и с разрешения Священного Синода Православной Митрополии в Польше» Русским телеграфным агентством «Русспресс». Это агентство, основанное в 1920 г. и имевшее свои отделения и представителей в крупнейших городах Европы, еженедельно выпускало политические и экономические бюллетени, а также издавало различную русскоязычную литературу, в том числе и календари. Одновременно с большим агентством в том же 1924 г. напечатало и «Маленький календарь на 1924 г.» в цветной обложке. В предисловии от издательства к большому календарю есть такие слова: «Считаясь с тем фактом, что большинство наших читателей принадлежит к земледельческому классу, мы... помещаем также краткий сельскохозяйственный календарь. Полагаем, что это содержание включает в себе все самые необходимые сведения для широкой массы православного населения Польши» [7. С. 2]. Тогда же был издан и особый «Отрывной религиозно-нравственный календарь на 1924 год».

Помимо «Русспресса» церковные календари охотно печатали другие русские издательства, прежде всего крупная варшавская издательская и книготорговая фирма «Добро». Настенные календари на заказных началах часто издавались в провинциальных типографиях, в качестве особого примера хочется отметить «стенные календари», вышедшие в сдававшейся в аренду типографии знаменитого Ставропигийского Института во Львове [8].

Со временем монополистом в издании православных календарей, носивших иногда название «церковно-народных»

[9], стала Синодальная типография в Варшаве, печатавшая их в 1920-е гг. совместно с другими крупными издательствами, такими, как «Добро».

Все типы календарей охотно раскупались, а книжные были поистине «незаменимой настольной книгой в каждом доме», как о том сообщалось в многочисленных рекламных объявлениях. Объем отдельных изданий календарей достигал десяти печатных листов. Они скорее напоминали небольшие энциклопедии или же маленькие библиотечки, в которых оказывались представленными сразу несколько специальных книг, посвященных наиболее важным для православного читателя темам.

Едва ли не большей популярностью, чем календари, пользовались у народного читателя «Богогласники» — своего рода народные книги традиционного местного церковного обихода. В отличие от календарей «Богогласники» активно переписывались, в том числе и с поздних печатных оригиналов, то есть оригиналов 1920 и 1930-х гг. Первый «Богогласник» в межвоенной Польше выпустило в 1924 г. издательство «Добро» по благословению митрополита Дионисия [10]. Основой первого варшавского издания послужили «прежние издания «Богогласника» — Холмское и Почаевское». Как и многие другие православные издания, в том числе и некоторые народные, тираж «Богогласника» печатался на разных сортах бумаги. Второе издание этой книги увидело свет в том же издательстве в 1928 г. тиражом в 7000 экземпляров. Тогда же отдельные песнопения из «Богогласника» начала регулярно печатать Синодальная типография в Варшаве, а в 1935 г. она издала совершенно особенное, в высшей степени тщательно составленное его издание с нотами [11]. Этот уникальный иллюстрированный сборник содержит более ста песнопений: песни на Рождество Христово (16 песнопений), ко Господу Иисусу Сладчайшему (3 песнопения), песни на Богоявление Господне (5 песнопений), песни на Сретенье Господне (4 песнопения), песни в

неделю о Мытаре и Фарисее, в неделю о Блудном Сыне и Великопостные (5 песнопений), на Вход Господень в Иерусалим (2 песнопения), песни Страстные (4 песнопения), песни на Воскресение Христово (5 песнопений), песнь на Вознесение Господне (2 песнопения), песнь в День Св. Троицы (2 песнопения), песнь в День Св. Духа (2 песнопения), песнь на Преображение Господне (2 песнопения), песнь на Воздвижение (2 песнопения), песни Пресвятой Богородице (14 песнопений), песни чудотворным иконам Богородицы и Богородичные (18 песнопений), песни нарочитым святым (18 песнопений), песни покаянные, хвалительные и умильтельные (14 песнопений).

Этот «Богогласник» и по сей день пользуется огромной популярностью у православных Польши. Его песнопения часто слышны возле и в сельских и городских церквях всей Польши, но особенно охотно их поют теперь во время паломничеств, прежде всего на Св. гору Грабарку (на Подляшье), когда многотысячный хор исполняет их в едином молитвенном порыве часами. Среди них есть и песнь «Святым Кириллу и Мефодию, Первоучителям Славянским»:

«Братья! Двоицу святую
В сей день радостно почтим,
Просветителей честную память
Светло совершим!
Песнью хвальною, велегласною,
Да восхвалим их.
Радуйся, Кирилле!
Радуйся, Мефодие!
Радуйтесь, радуйтесь,
Словенских стран Апостолы!
Светом Божиим, просветители,
В тьме блуждающих
Озарили нас.

Из источника
Православия
Души жаждущих
Напоили вы!
И словенскими
Письменами вы,
Богомудрые,
Умудрили нас.
В умилении
Благочесно все,
Торжествуя днесь,
Ублажаем вас».

Листовки с отдельными песнопениями из «Богогласника» охотно приобретались многочисленными паломниками в православных монастырях межвоенной Польши и главным среди них — Почаевской лавре. Лавра сама успешно занималась издательской деятельностью, имеющей тут вековую традицию. Здесь же, в лавре, впервые был издан и «Богогласник» [12], затем неоднократно переиздававшийся в XIX—XX вв. в обновленном виде [13]. Лавра имела как бы собственную издательскую программу, рассчитанную в основном на выпуск народной литературы, не только продававшейся, но и бесплатно раздававшейся во время церковных праздников и паломничеств в ее стены. Особая роль Почаевской лавры в восточнославянском православном мире хорошо ощущалась повсеместно. Церковный народ чтит лавру как единственную величественную монастырскую святыню, чудом сохраненную, убереженную. «И здесь оказалось особенное промыслительное действие Божие: в то время, когда на Руси все монастыри и три Лавры безбожниками поруганы, закрыты, Почаевская Лавра призвана к молитвам, особенно теперь нужным грешному роду людскому, — и эту святую обязанность Обитель Почаевская строго исполняет» [14. С. 4].

Лавра издавала большое количество различных листков, памяток паломникам, наставлений, слов, поучений, отдельных песнопений и т.д. Существовало особое «Благословение Почаевския Свято-Успенския Лавры» — специальная издательская серия небольших народных брошюрок и книжечек, часто иллюстрированных, тематика которых была весьма разнообразной: жизненный путь человека, размышления о смерти и Страшном суде, поведение в храме и многое другое [15].

Варшавская Синодальная типография в самом начале своего существования сразу же наладила выпуск народной православной литературы как в виде листков и небольших брошюрок, так и книг. Листки и брошюрки издавались целыми сериями, в каждую из которых входило до ста и даже более изданий⁸. Большое распространение получили всевозможные настенные издания, текстовые и типа «образков», часто с довольно объемными текстовыми дополнениями. Весьма значительными тиражами печатались «Поминания», различные молитвы, жития.

Наиболее известными сериями народной православной литературы были: «Миссионерские листки и брошюры», в том числе противосектантские, «Беседы об устройстве Святого Храма и о совершаемых в нем Богослужениях», «Библиотека Православного Христианина», «Жития святых», «Духовные песнопения и молитвы», «Описание путешествий, Св. мест, храмов и икон», «Народные рассказы».

Последняя серия, «Народные рассказы», содержала произведения, написанные в основном местными авторами. Сочинения эти предназначались как правило для взрослых, но были изданы и небольшие, неплохо напечатанные книжечки для детей, например, рассказ Софии Прорвич «Песни соловья» (Варшава, 1933). Пожалуй, самым издаваемым в этой

---

⁸ Конкретное наполнение этих серий подробно раскрыто в главе «Репертуар серийных народных изданий», помещенной ниже.

серии автором оказался Сергей Белайц, опубликовавший ряд своих рассказов и очерков нравоучительного содержания: «Проклятье странника» (Варшава, 1929), «Стрелочник» (Варшава, 1929), «Божья кара» (Варшава, 1929), «На пароходе» (Варшава, 1929), «Отшельник» (Варшава, 1929), «Без креста. без молитвы: Рассказ из советского быта» (Варшава, 1930).

Авторами народных рассказов были не только светские лица, но и духовные, среди них митрофорный протоиерей Никандр Никитюков с его былью «Заживо погребенный» (Варшава, 1938), диакон Григорий Соловей с драмой «З пекла до раю» на украинском языке (Дубно, 1938) и другие.

Житийная литература была представлена как сочинениями современных православных агиографов Польши, так и житиями, написанными ранее. Следует отметить такое до сих пор уникальное в восточнославянской православной литературе издание, как «Краткие Жития Святых на весь год» (Варшава, 1929), составленные и выпущенные авторским и редакторским коллективом журнала «Воскресное чтение». Несмотря на некоторые незначительные ошибки и неточности эта книга с необходимыми дополнениями может издаваться и сейчас. Ценность ее для самого широкого православного читателя и ныне несомненна.

Пожалуй, самым известным агиографом Польши того времени был протоиерей Константин Зноско — талантливый церковный писатель, автор жития преподобного Иова Почаевского [16], трех святых виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия [17], святого Афанасия Брестского [18]. Православными верующими межвоенной Польши особо почитался преподобный Серафим Саровский, произведения и жития которого неоднократно издавались и переиздавались. Архиепископ Алексей (Громадский) составил иллюстрированную книгу о преподобном, изданную Синодальной типографией [19]. Не удивительно, что серия «Библиотека Православного Христианина» открывалась такими книжечками

как «Великий Подвижник Саровский Серафим», «Молодость Св. Подвижника Преподобного Серафима», «Преподобный Отец Серафим Саровский в пустыне» и еще почти тридцатью изданиями, посвященным преподобному⁹.

Весьма богатой была народная литература о чудотворных иконах, особенно иконах Богоматери. Издания эти помимо общих описаний содержали фотографические и графические изображения икон, тропари, кондаки, величания. Вот как величалась Холмская чудотворная икона Богоматери:

«Величаем Тя,
Пречистая Дево,
И почитаем честную Икону Твою,
Юже от лет древних
Во граде Холме прославила еси» [20. С. 4].

Это величание перекликается с древним песнопением в честь этой иконы, часто поющим по всей Польше до сих пор, особенно на Холмщине:

«Пречистая Дево, Мати Русского краю!
Як на неби, так и на земли, Тя величают!»

Народная православная литература межвоенной Польши, опиравшаяся на богатейшие местные и общие восточнославянские православные традиции, была в ту пору самой богатой в восточнославянском православном мире. И по сей день ее произведения служат верующим Польши, Украины, Беларуси, России. Отдельные сочинения переиздаются до сих пор, но в целом литература эта постепенно забывается, уходит. Многих произведений уже нет даже в крупнейших библиотеках, таких, как, например, Библиотека Народова и Университетская библиотека в Варшаве, не говоря уже о менее значительных книгохранилищах. Некоторые издания.

---

⁹ Большинство их перечислено в специальной главе, помещенной ниже.

особенно листки и небольшие брошюры, видимо, утрачены навсегда. И тем не менее то, что уже удалось разыскать и изучить, дает возможность довольно наглядно представить образ этой литературы, создававшейся и издававшейся под знаком трех церковных девизов, украшавших обложки книжек серии «Библиотека Православного Христианина»:

«Не о хлебе едином жив будет человек» (Мф. 4, 10).

«Иисус же рече им: Дадите им вы ясти» (Мф. 14, 16).

«Кому Церковь не мать, тому Бог не отец».

Репертуар серийных народных изданий

Настоящая работа служит продолжением и дополнением главы «Народная литература». Ее задача — представить репертуарный перечень основных издательских серий народной православной литературы Польши межвоенного периода. Давать подробное описание тех или иных конкретных серийных изданий из-за их многочисленности и частых повторных воспроизведений, еще более увеличивающих их количество, в небольшой по объему главе невозможно. Для этого необходим выпуск специального каталога в виде отдельной книги с указателями. При подготовке настоящей публикации в основу положены принципы отражения содержания всех изданий основных серий народной православной литературы и общей характеристики каждой из этих серий. Поэтому перечень изданий каждой серии предваряется ее краткой аннотацией, составленной на основании анализа произведений, составляющих серию, а также различных архивных документов и иных материалов.

Данная работа — итог трудных поисков в собраниях различных стран, включая экспедиционные поездки по православным епархиям Польши. Для составления репертуарного перечня использовались как сами издания, просмотренные *de visu*, так и различные каталоги и описания тех лет, рекламные объявления, архивные источники. Список всех этих материалов, источников и хранилищ, находящихся в Польше, Украине, Беларуси, Литве и России, занял бы непомерно много места. В общей сложности он насчитывает несколько сот наименований и по количеству даже превосходит число самих рассматриваемых изданий. Вместе с тем, хотелось бы отметить такие важные источниковые материалы как, например, многочисленные рекламные и книготорговые объявления, содержащиеся в весьма обширной православной периодике Польши, прежде всего в журнале «Воскресное чтение» (1924—1939), а также специальные книготорговые каталоги.

в том числе «Каталог книг, брошюр и листков Варшавского Синодального склада на 1933—1934 год» ([Warszawa, 1933]); «Katalog książek i broszur Warszawskiego Składu Synodalnego na 1939 rok» ([Warszawa, 1938/1939]). Необходимо помнить, что речь идет о чрезвычайно редких изданиях, многие из которых, вероятно, не сохранились. Во всяком случае, пока они не были обнаружены нами ни в одном из государственных, ведомственных, включая конфессиональные, или же частных книгохранилищ Польши, Беларуси, Украины, Литвы, России. Насколько они редки, свидетельствует специальная многотомная «Bibliografia polska 1901—1939» [1]. В ней регистрируются все издания, «опубликованные на польских землях (независимо от языка публикации и национальность автора)» [1. Т. 1. С. XXX]. «Для изданий, напечатанных в границах Польши, действует правило не регистрации тех из них, которые насчитывают не более 4 страниц, допускающее однако множество исключений. Так, селекция по признаку количества страниц не касается авторских работ, всякого рода литературных и научных текстов, публикаций входящих в состав издательской серии, однодневков, нот, норм, оттисков» [1. Т. 1. С. XXXI]. Тем не менее в «Bibliografii polskiej 1901—1939» отсутствует подавляющее большинство народных листков и множество брошюр, напечатанных Православной церковью в межвоенной Польше. Те из них, которые вошли в описание, являются своего рода исключением, ставшим доступным для работающих над этим сводным каталогом в крупнейших книгохранилищах Польши [1. Т. 1. С. V—XXVII].

Следует учитывать, что «Bibliografia polska 1901—1939» — плод труда целого Библиографического института и нескольких поколений польских ученых, сумевших создать обширную источниковую базу и специальную «картотеку материалов..., насчитывающую ныне около 360000 позиций...» [1. Т. 1. С. XXIV]. К сожалению, даже в этом случае регистрация народных православных изданий представляет

неразрешимую трудность и оказывается весьма неполной. Впрочем, terra incognita остается не только народная православная литература Польши межвоенного периода, но и православная периодика, исследовать которую несравненно проще в силу ее относительной доступности. Однако и по сей день не существует сколь-либо полного и точного ее указателя, а он, видимо, насчитывал бы около 40 или более названий газет, журналов, бюллетеней на русском (большинство), украинском, польском и белорусском языках¹. При этом русскоязычная периодика межвоенной Польши, в отличие от украинской [2] и белорусской [3, С.185—373], вообще не изучается, несмотря на ее несомненное богатство и значение в истории народов Центральной и Восточной Европы, в том числе для судеб Русского Зарубежья. Для нашей темы эта периодика ценна прежде всего наличием в ней большого числа материалов, связанных с процессом создания, издания, распространения и чтения народной литературы. Православная периодика межвоенной Польши представляет собой огромный архив важнейших сведений по истории этой литературы и может быть дополнена, увы, не столь уж многочисленными материалами из государственных и ведомственных архивохранилищ различных стран, а также документами из столь существенного для настоящего исследования собрания — Архива Православной Митрополии в Варшаве.

---

¹ Вопрос о необходимости изучения православной периодики Польши межвоенного периода пытался поставить Казимеж Бобовский в своей статье «Szkice z dziejów prasy Kościoła Prawosławnego w Polsce w latach 1918—1939» (Chrześcijanin a Współczesność. 1985. № 2. S. 24—28), содержащей некоторые общие сведения о нескольких изданиях. Следует признать, что и по сей день эта периодика «не была... предметом исторического исследования» (Bobowski K. Op. cit. S. 25), если не считать очень небольшой главки Ярослава Хоньского в книге «Kościół Prawosławny w Polsce dawnej i dziś». Warszawa, 1993. S. 146—152.

Публикуемый репертуарный перечень представляет собой специальную выборку из общего электронного банка данных проекта «Православная литература Польши: 1918—1939», одна из основных целей которого — собирание, изучение, инвентаризация, каталогизация и публикация этой богатейшей части восточнославянского культурного наследия XX столетия. От произведений славянских первоучителей Кирилла и Мефодия до оригинальных религиозно-философских сочинений, составивших славу русской духовной культуры нынешнего века, — таков диапазон православной литературы Польши межвоенного периода, исследование которой предпринимается впервые.

Наша публикация — первый опыт и предварительный итог собирания и каталогизации памятников восточнославянской и западнославянской православной письменности и литературы XX столетия, осуществляемых с использованием собственных компьютерных программных разработок и новейших достижений информационных технологий, что позволяет создавать универсальный электронный банк данных и локальные базы данных для работы над проектом, имеющие и вполне автономное, самостоятельное значение. Пример тому — данный репертуарный перечень изданий, входящих в состав основных издательских серий народной православной литературы, выпущенных в свет Синодальной типографией в Варшаве.

Серия "Библиотека Православного Христианина". Включала в себя сто нумерованных выпусков, вышедших с конца 1920-х и в 1930-е гг., в том числе и в переизданиях. Имела единую серийную обложку серого, желтого, синего, малинового или фиолетового цветов различных оттенков. Некоторые выпуски серии были иллюстрированными. Серия целиком русскоязычная, объем каждого издания — 8 страниц четкой убористой печати на дешевой бумаге.

- № 1. Великий Подвижник Саровский Серафим.
- № 2. Молодость Св. Подвижника Преп. Серафима.
- № 3. Преп. Отец Серафим Саровский в пустыне.
- № 4. Как боролся Препод. Серафим со врагом спасения.
- № 5. Сила молитвы Саровского Старца Серафима.
- № 6. Любовь Преп. Серафима, Саровского Чудотворца.
- № 7. Беседа Преп. Серафима о том, как сладостно жить по-христиански.

№ 8. Духовное общение праведных (Из жизни Преп. Серафима Саровского).

№ 9. Как Преп. Серафим Саровский согревал любовью своею простой деревенский народ.

№ 10. Заповеди Преп. Серафима Саровского о жизни христианской.

№ 11. Воспоминание боголюбивой вдовы о Преподобном Серафиме Саровском.

№ 12. Прозорливость Преподобного Серафима.

№ 13. Утешитель (Из жизни Преп. Серафима Саровского).

№ 14. Как праведники помогают людям в их семейной жизни.

№ 15. Из воспоминания духовных детей Преподобного Серафима Саровского.

№ 16. Из чудных дел Преп. Серафима Саровского.

№ 17. Устроитель благоденствия людей и их семейного счастья (Из жизни Старца Серафима Саровского).

№ 18. Утешитель в крестоношении (Из жизни Преподобного Серафима Саровского).

№ 19. Воспоминания одной дворянской семьи о Преподобном Серафиме Саровском.

№ 20. Что получали от Преп. Серафима его детки.

№ 21. Преп. Серафим творит людям по вере их.

№ 22. Предсмертная беседа Преп. Серафима Саровского.

№ 23. Блаженная кончина Преп. Серафима Саровского.

№ 24. Небесная слава Преп. Серафима Саровского.

- № 25. Преподобный Серафим. как загробный благодетель одной семьи.
- № 26. Семья, взысканная чудесами Преподобного Серафима Саровского.
- № 27. Чудесные исцеления недугов, бывшие по кончине Преп. Серафима Саровского.
- № 28. Бессмертный врач (Из посмертных чудес Преподобного Серафима Саровского).
- № 29. Целебный источник Преподобного Серафима.
- № 30. Камни Преподобного Серафима.
- № 31. Молитва праведника за праведника (Молитвенное предстательство Святителя Николая за Св. Афонского подвижника Преп. Петра)
- № 32. Соты духовные (Из наставлений Оптинского Старца Амвросия).
- № 33. Пасхальное слово Златоуста.
- № 34. Почему так сладостна песнь: «Христос Воскресе!» Слово Святителя Георгия Коншеского, Архиепископа Белорусского).
- № 35. Светлая радость Воскресения Христова.
- № 36. Пасхальное Евангелие.
- № 37. Величие таинства Св. Причащения (Из «Поучительного Слова» Св. Илии Минятия).
- № 38. Правда о вере (Против католиков и униатов). Что есть Уния восточного обряда?
- № 39. Правда о вере (Против католиков и униатов). Что есть Уния восточного обряда?
- № 40. Всемирная слава Святителя Николая.
- № 41. Почему Святитель Николай Чудотворец изображается с церковью и мечем в руках?
- № 42. Многочисленным именинникам на день Святителя Христова Николая.
- № 43. Дни седмицы.
- № 44. Что такое Святая Четырдесятница?
- № 45. Страшный Суд.

- № 46. Рай.
- № 47. Ад.
- № 48. Об исповеди.
- № 49. Не отлагай покаяния до часа смертного.
- № 50. Весна.
- № 51. Лето.
- № 52. Осень.
- № 53. Зима.
- № 54. Вечер. Вечернее славословие Творцу. Сущность вечерних молитв.
- № 55. Полночь.
- № 56. Утро. Утреннее славословие Творцу. Сущность утренних молитв.
- № 57. Рождество Господа нашего Иисуса Христа.
- № 58. Святки.
- № 59. Богоявление Господне.
- № 60. Сретение Господне во храме.
- № 61. Преображение Господне.
- № 62. Вход Господен в Иерусалим.
- № 63. Страсти Христовы.
- № 64. Сошествие Христа Спасителя во ад.
- № 65. Богослужение Великой Субботы.
- № 66. Песнь Воскресения.
- № 67. Вознесение Господне.
- № 68. Троицын день.
- № 69. Крест Христов — наше оружие на врагов.
- № 70. Рождество Пресвятой Богородицы.
- № 71. Вход во храм Пресвятой Богородицы.
- № 72. Успение Пресвятой Богородицы.
- № 73. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы.
- № 74. Добрые советы о памяти смертной.
- № 75. Десять горьких гроздов пьянства.
- № 76. Матерь Милосердия.
- № 77. Милость за милость.
- № 78. Детская молитва.

- № 79. Смирением побеждай вражду.
- № 80. «Не судите, да не судимы будете».
- № 81. Справедливо-ли мнение, будто в деле нашего спасения чему быть, того не минуешь.
- № 82. Странноприимство пустытника.
- № 83. Доброе слово земледельцу.
- № 84. Почему иногда молимся и не получаем просимого.
- № 85. Кроме Церкви Православной, нигде нельзя обрести спасения.
- № 86. Бойся осуждать иереев Божиих.
- № 87. Цветы.
- № 88. Что такое заповеди церковные.
- № 89. Наши идолы.
- № 90. Церковная молитва выше домашней.
- № 91. Урок любви христианской.
- № 92. От совести никуда не убежишь.
- № 93. Жизнь есть духовная война.
- № 94. С порочным не дружись.
- № 95. Можно ли верить всякому сну?
- № 96. Беседа о сквернословии и о матерном слове.
- № 97. В деле веры и спасения нельзя полагаться на свое мудрование.
- № 98. Две лестницы.
- № 99. Не бегай встречи со священником.
- № 100. Не всякому слуху верь.

Серия «Набожные песни из Богогласника». Включала в себя около ста выпусков, как нумерованных, так и не нумерованных, неоднократно издававшихся и переиздававшихся в 1920—1930-е гг. Издания представляли собой листки с текстами отдельных песнопений и нотами.

1. О, горе мне грешному.
2. Царю Христе незлобивый.
3. Христе Царю справедливый.

4. Уже декрет подписуе.
5. Вижу Тя на кресте распятого.
6. Огонь горящий в сердце моем.
7. Играй Иерусалиме новый.
8. Иерусалиме светел над звезды.
9. Господь вознесся на небеса.
10. Все Тя хоры.
11. Источник духовный.
12. Крестным дровом распятого.
13. Почаевской Божией Матери «Пасли пастырі».
14. Почаевской Божией Матери «Ой зійшла зоря».
15. Холмской Божией Матери «Пречистая Дево».
16. Барградской Чудотворной Иконе Божией Матери «О, Всепетая Мати».
17. Пресвятой Богородице «Мати милосердия».
18. Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову: «Иоанна Богослова и Ритора Сладкомова».
19. Преп. Онуфрию «Помощника кто ищеши».
20. Св. Николаю «Дивный во делах».
21. Св. Николаю «О, кто, кто Николая».
22. На рождество Иоанна Крестителя «Искапайте горы».
23. Почаевской Божией Матери «Многими усты гласы испусти».
24. Свв. Апп. Петру и Павлу «Днесь вси христиане».
25. Свв. Апп. Петру и Павлу «Играй светле и веселися».
26. Иисусе мой прелюбезный.
27. Почаевской Божией Матери «Пречистая Дево, Мати нашего краю».
28. Чудотв. Иконе Божией Матери Леснинской «Спевайте люди».
29. Чудотв. Иконе Божией Матери Леснинской «В Лесной нам ся объявила».
30. Турковицкой Божией Матери «Помози нам, Христе Боже».

31. Св. Великомученику Георгию Победоносцу «Днесь отверзся весна благодати».
32. Св. Николаю Чудотворцу «Явный всему миру».
33. Св. Кириллу и Мефодию «Братья! Двоицу святую».
34. Святому князю Владимиру «Просветителю нашему».
35. Св. Пророку Илии «Галаадский Славный Пророче».
36. Преп. Иову Почаевскому «Из млада возлюби Бога».
37. Преп. Афанасию Брестскому «Блажен Ты, Отче».
38. Св.Великомуч.Параскеве «Радостным сердцем возвысим глас».
39. Пресвятой Богородице «Источнице благодати».
40. Пресвятой Богородице «Светлейша Денницы».
41. Пресвятой Богородице «Вселенная всех стран».
42. Пресвятой Богородице «Пречистая Дево».
43. Пресвятой Богородице «О, Пречистая Царице».
44. Пресвятой Богородице «Пресвятая Дево, светла зарнице».
45. Сретению Господню «Приноси Дева Младенца».
46. Сретению Господню «Светло днесь ликуем».
47. Сретению Господню «Предивное торжество».
48. Благовещению Пресвятой Богородицы «Да приидет».
49. Преображению Господню «На горе преобразился».
50. Успению Божией Матери «Троне вышний».
51. Рождеству Пресвятой Богородицы «Рождество славно».
52. Рождеству Пресвятой Богородицы «Светло небо с ангелы веселися днесь».
53. Введению во храм Пресвятой Богородицы «Патриаси торжествуйте».
54. Введение во храм Пресвятой Богородицы «Архиерее Захарие».
55. Покрову Божией Матери «Истинная Мати света».
56. Покрову Божией Матери «Воспойте согласно».
57. Покрову Божией Матери «Богом избранная Мати».
58. I-я песнь о вечности «Глеть боязнь сердце».

59. II-я песнь о вечности «Памятайте, христиане».
60. I-я песнь покаянная «Согреших, о, Боже мой».
61. II-я песнь покаянная «Востревожимся, устранимся».
62. I-я песнь о смерти «Возстани, о, душе».
63. II-я песнь о смерти «Кажуть люди, шо я умру».
64. III-я песнь о смерти «Приде годына».
65. О зло прожитом времени «Ох ушли-ж мои года».
66. Песнь о дожде «Царю Боже Авраама».
67. Песнь «Хвалите Господа с небес».
68. Песнь вечерняя «Сподоби, Господи».
69. Рождеству Христову «Виде Бог».
70. Рождеству Христову «Весела света новина».
71. Рождеству Христову «Небо и земля».
72. Рождеству Христову «Цвете мысленный».
73. Рождеству Христову «Ликующе возыграймо».
74. Рождеству Христову «Дивная новина».
75. Рождеству Христову «Нова радость стала».
76. Рождеству Христову «Предвечный родися».
77. Рождеству Христову «Вселенная веселися».
78. Рождеству Христову «Скиння златая».
79. Рождеству Христову «Новая радость свету ся зъявила».
80. Рождеству Христову «Бог предвечный».
81. Рождеству Христову «Радуйтеся вси людие».
82. Рождеству Христову «Ныне Адаме возвеселися».
83. Рождеству Христову «Я умом ходила».
84. Богоявлению «Вонми небо».
85. Богоявлению «Иордан реко уготовися».
86. Богоявлению «Глагол Господень».
87. Богоявлению «Иордане уготовися».

Серия «Миссионерские листки». Включала в себя более ста различных выпусков на русском и украинском языках, как нумерованных, так и не нумерованных, неоднократно издававшихся и переиздававшихся в 1920—1930-е гг.

Листки были разного формата, в основном четырехстраничные, часто иллюстрированные. Печатались на бумаге различного качества, иногда очень хорошей, четкими убористыми шрифтами.

№ 1. а) Дочь Иаира, воскресшая от смерти в жизнь.
б) Кто такой Иисус.

№ 2. а) Слепой. б) Как спастись?

№ 3. Неразумные девы.

№ 4. а) Работники в винограднике. б) Как спастись?

№ 5. а) Сеятель. б) Как спастись?

№ 6. Блудный сын.

№ 7. а) Богатый и Лазарь. б) Как спастись?

№ 8. а) Фарисей и Мытарь. б) Молитва смирения и покаяния.

№ 9. а) Расслабленный. б) Рассказчик (Свидетельство штундиста).

№ 10. а) Иисус в доме Фарисея. б) Бог хочет, чтобы все люди спаслись.

№ 11. О возрождении в Таинстве Крещения.

№ 12. О церковной Иерархии.

№ 13. О крестном знаменнии.

№ 14. Об иконопочитании.

№ 15. О почитании Св. храмов.

№ 16. О молитве за умерших.

№ 17. О церковных обрядах.

№ 18. О пути к спасению.

№ 20. О почитании Пресвятой Девы Марии.

№ 21. Житие и кончина Св. Великомученика Георгия.

№ 22. Житие Св. Великомученицы Варвары.

№ 23. Памяти Священномученика Дионисия Ареопагита.

№ 24. Житие Алексия, человека Божия.

№ 25. Почему мы называемся православными христианами.

№ 26. Памяти Св. Великомученицы Параскевы.

№ 27. О церковной свече.

№ 28. Свечи и лампы в храме Божием.

Временные несчастья — благодеяния Божия.

В скорби — к Богу поскорее.

Два пути жизни — широкий и узкий.

Есть ли ныне чудотворцы?

Загаецкий Св. Иоанна Милостивого Монастырь.

Загаецкий образ Божией Матери «Всемилодивейшей».

Иже во Святых Отца нашего Василия Великого (Поучение о гордости).

К Ангелу-Хранителю. Молитвенное обращение.

Какое должно быть истинное покаяние (Поучение в неделю Сыропустную).

Крест Христов и крестное знамение.

Летит время во дни и ноши, яко крылами. Смерть всегда бдит с косою да посетит яко траву с росою. Св. Димитрия, Митрополита Ростовского.

Миссионерский гимн (с текстом и нотами).

Молитвенное воздыхание ко Пресвятой Деве Богородице.

Молитесь Божией Матери!

Молитесь об умерших!

На богомолье в Почаевскую Лавру.

На неделю Всех Святых. Св. Отца нашего Ефрема Сирина.

Не жалеи об оказанной помощи ближнему.

Наказанные клятвopеступники.

Начало Христианства на Холмшине.

Неделя 6-я по Пятидесятнице. Св. Отца нашего Иоанна Златоустого.

Неделя 10-я по Пятидесятнице. Св. Отца нашего Иоанна Златоустого.

Неделя 12-я по Пятидесятнице. Св. Отца нашего Иоанна Златоустого.

Непрестанно молитесь.

О жизни и смерти.

О поведении в храме Божием.

О почитании Святых Икон (Поучение в неделю Православия).

О причащении Святых Таин (Поучение Св. Отца нашего Иоанна Златоустого).

О путях жизни.

О силе ходатайства Пресвятой Богородицы пред Богом и достойным Ее убожением.

О терпении (Святителя Димитрия Ростовского).

Об истовом изображении на себе крестного знамения (Поучение в неделю Крестопоклонную).

Об обязанности каждого христианина слушать поучения своих пастырей.

Памятка для Православных Паломников о Почаевской Лавре.

Плач Пресвятой Богородицы. Канон (Творения Симеона Логофета).

Пост — обличитель грехов, проповедник покаяния. Беседа в первую седмицу Св. Четырдесятницы.

Праздник Пасхи — Праздник радости духовной для всех.

Пред исповедью.

Поучение к прихожанам в Неделю Сыропустную.

Пятница Светлой Седмицы.

Родителям о воспитании детей (По Св. Иоанну Златоустому).

Самоослепленность неверующих.

Св. великий Князь Владимир и Холмская Икона Божией Матери.

Св. Иоанна Златоустого. О входе Иисуса Христа в Иерусалим.

Слово о покаянии Святого Отца нашего Иоанна Златоустого.

О необходимости и силе покаяния.

Св. Отца нашего Антония Великого, о том, что духи злобы всегда стараются совратить благочестивых людей с пути добродетели, и что смирение необходимо для спасения.

Слепота юних.

Слово в день Благовещенія Пресвятої Богородици.

Слово в Неділю Сыропустную.

Слово Св. Отца нашего Димитрія Ростовского.

Уроки благочестивой жизни для христианина от Успения Пресвятої Богородици.

Что нужно делать, чтобы спастись?

Что я видела на том свете?

Чудо от Иконы Спасителя Господа нашего Иисуса Христа в г. Вирите, обратившее евреев к вере во Христа.

Єдино стадо і Єдин Пастир. Відповідь зрадникові Православної віри.

Житіє Св. Николая.

Життя й страждання Св. Великомученика Діонісія Ареопагита.

Життя Преподобной Матері нашої Марії Єгипетської.

Життя Преподобного Отця нашого Онуфрія Великого.

Загаецкий Св. Іоана Милостивого Манастир.

На богомілля до Почаївської Лаври.

Нерукотворений Образ Господа Ісуса Христа.

Память Святого Славного Великомученика Побідоносця Георгія.

Положення ризи Пресвятої Богородиці.

Почаївська Чудотворна Ікона Божої Матері.

Преображення Господне.

Преподобний Іов, Ігумен і Чудотворец Почаївський.

Прочанка.

Страждання Св. Великомучениці Параскеви.

Усікновення Глави Іоана Хрестителя.

Чи треба шанувати Святі Ікони?

Чудеса Св. Великомученика Побідоносця Георгія.

Чудеса Св. Николая.

Що таке совість у людини?

Серия «Беседы об устройстве Святого Храма и о совершаемых в нем Богослужениях». Включала в себя четырнадцать выпусков на русском языке, издававшихся в 1920—1930-е гг.¹ Издания представляли собой небольшие, в основном восьмистраничные, брошюры, напечатанные четкими убористыми шрифтами. К серии как бы примыкают отдельные книжечки аналогичной тематики, выпускавшиеся Синодальной типографией в 1920—1930-е гг. Например, неоднократно печатавшаяся двенадцатистраничная «миссионерская беседа» «О значении обрядов в Церкви Христовой» и другие.

1. Беседа об устройстве Св. Храма как места общественного Богослужения.

2. Беседа об облачении Св. Престола и о священных вещах, необходимых при совершении Божественной Литургии.

3. Беседа о священных сосудах и вещах, какие употребляются в Православной Церкви при совершении разных Богослужений и треб, и об облачении диакона.

4. Беседа о священных одеждах, или облачениях священническом и архиерейском.

5. Беседа о том, когда и где христианин должен молиться, и о Богослужениях девятого часа.

6. Беседа о вечернем Богослужении.

7. Беседа о всенощном бдении (до начала утрени).

8. Беседа о всенощном бдении (с начала утрени до конца).

9. Беседа о полунощном и утреннем Богослужении.

10. Беседа о Божественной Литургии. Что такое Литургия? Установление ее и составители чина ее — Св. Василий Великий и Иоанн Златоуст.

---

¹ Государственная «Bibliografia polska 1901—1939» (Warszawa, 1991. Т. 2. S. 277) зафиксировала всего лишь три издания этой серии из четырнадцати: 1) Беседу о Божественной Литургии; 2) Беседу о всенощном бдении (в двух частях).

11. Беседа о Божественной Литургии. Первая часть — Проскомидия.

12. Беседа о Божественной Литургии. Вторая часть — Литургия оглашенных.

13. Беседа о Божественной Литургии. От начала Литургии верных до великого входа.

14. Беседа о Божественной Литургии. Приготовление Святых Даров при причащении; благодарение за причащение и окончание Литургии.

Серия противосектантских брошюр и книг. Включала в себя до тридцати различных изданий на русском, украинском и польском языках, печатавшихся в 1920—1930-е гг. Отдельные издания представляли собой весьма объемные трактаты и справочники, в основном же это были брошюры от 0,5 до 2 авторских листов.

Краткий Библейско-Миссионерский Словарь.

Łapiński A. Współczesny ruch sekciarski wśród prawosławnego społeczeństwa Polski.

Мельников Ф. О сектантском священстве.

Мельник Х. Опыт и наука от ошибки.

Носаль М., свящ. Лжемудрствование штундистов о Божией Матери, Пречистой Деве Марии. Миссионерская беседа.

О значении обрядов в Церкви Христовой. Миссионерская беседа.

О молитве за умерших. Миссионерская беседа.

Об основных заблуждениях штундизма.

Огицкий П., свящ. Разбор баптистских брошюр: 1. Спасение, уверенность и радость. 2. Дело Христово и ваше спасение. 3. Нейтрального места нет. 4. Великое поручение. 5. Права Божии. 6. Погиб или спасен. 7. Великое спасение.

Оружие правды. Конспект для ведения противосектантских бесед.

От Бога-ли они? Ответ адвентистам и субботникам.

Очаповский Н., протонерей. Всякая-ли вера спасает?

Пантелеймон, архиеп. Вне спасительного ковчега. Миссионерская беседа о значении Священного Предания.

Перетрухин И.К. Истинный смысл 2 и 3 стихов 20-й главы Апокалипсиса.

Перетрухин И.К. Короткий підручник по спростованню штундо-баптизму. 3 викладів у Кременецькій Духовній Семинарії.

Перетрухин И.К. Мир таинственный.

Перетрухин И.К. О почитании святых мощей угодников Божиих. Миссионерская беседа.

Перетрухин И.К. Обновляются иконы. Повесть наших дней.

Перетрухин И.К. Разбор сектантской брошюры: «Что ожидает вас».

Перетрухин И.К. Разговор о чуде.

Перетрухин И.К. Руководство по обличению рационалистических сект штундо-баптизма и адвентизма.

Перетрухин И.К. Что должны праздновать христиане: Субботу ли, или день воскресный? Миссионерская лекция.

Происхождение секты «Изведователей Священного Писания» (Badaczy Pisma Świętego) и краткое опровержение ее лжеучения.

Сомкович И., свящ. Баптистские браки, или незаконные сожителства и семейные неурядицы у штундо-баптистов. Миссионерский очерк.

Сомкович И., свящ. Вечная память, или в защиту почитания Креста Христова.

Сомкович И., свящ. Плохая слава, или штундо-баптизм - богопротивная ересь. Миссионерский очерк.

Сомкович И., прот. «Наши благодетели». Против баптистов.

Субботин А., протоиерей. Пастырское разъяснение недомыслию. Почему духовные пастыри называются отцами и другими высокими наименованиями, с прибавлением даже слова «святые».

О восточнославянских летописях и летописании в давней Польше и Великом княжестве Литовском известно немало. Существуют даже специальные библиографии работ, посвященных этой проблематике, например, составленная Р.П. Дмитриевой, учитывающая литературу на многих языках вплоть до 1960 г. [1]. Обилие исследований о древних и старинных летописях как нельзя более красноречиво свидетельствует о значительном интересе к этим историческим источникам и литературным памятникам, исследователями и публикаторами которых начиная с XVII столетия выступали гуманитарии различных специальностей, в основном историки и литературоведы. Последние во все времена проявляли к летописанию особый интерес. Не случайно одним из крупнейших знатоков летописей в наши дни являлся Д.С. Лихачев.

Впрочем, все это относится преимущественно к древнейшим и древним летописям, менее — к старинным. Летописи позднейшие почти не привлекали внимания [2. С. 1423—1488]. Исследования церковного летописания XIX в. не проводилось вовсе, и лишь сейчас вопрос о его существовании, как нам кажется, может быть наконец поставлен.

Куда более сложное положение с церковным летописанием в XX столетии, особенно в послереволюционные (после 1917 г.) годы, когда начался небывалый до той поры процесс тотального уничтожения Православной церкви. Церковное летописание этого совсем недавнего времени видится чем-то совершенно невероятным, едва ли вообще возможным. Тем не менее такое летописание существовало и связано оно было как с древними восточнославянскими традициями, так и непосредственно с традициями Русской Православной церкви, заложенными в XIX в.

Удивительной страной, где церковные летописи писались вплоть до наших дней, а особенно интенсивно в 1920-

1930-е гг., оказалась Польша. И Речь Посполитая с ее Православной церковью, почти 5 миллионами православных, традициями и культурой Русской Православной церкви, которые были переняты от Церкви-Матери, стала уникальным местом, где традиции эти и культура не только сохранялись, но и отчасти развивались, примером чему служит и приходское церковное летописание.

В церковных приходских архивах Варшавско-Бельской и Белостокско-Гданьской епархий Польской Автокефальной Православной церкви до сих пор берегаются местные церковные летописи, составленные священниками во второй половине XIX-го и XX-м вв. Начало этой работе было положено в 1860—1870-е гг., когда по распоряжению Святейшего Правительствующего Синода ведение погодных летописей вменялось в обязанность настоятелю каждой приходской церкви по всем епархиям. Впервые в епархии Литовско-Виленской решение о ведении церковных летописей оглашено в 1867 г., когда ею управлял известный митрополит Иосиф (Семашко). Помимо соответствующих письменных указаний, доведенных до сведения всех приходских священников, решение о ведении церковных летописей было опубликовано в «Литовских епархиальных ведомостях» (1867. № 2). В дальнейшем внимание к этому вопросу со стороны руководства епархией все время возрастало. Был подготовлен даже целый ряд специальных инструкций, касающихся церковного летописания, первой из них стали правила [3. С. 423—425], разработанные при митрополите Макарии (Булгакове), известном церковном историке, который тогда управлял Литовско-Виленской епархией. Очень подробной была и тщательно составленная записка «Об описании церквей и приходов Литовской епархии», появившаяся в 1886 г. и утвержденная Литовской духовной консисторией [4. С. 336—345]. Вместе с тем, дело с возрождением церковного летописания не везде шло успешно, в некоторых приходах летописи не велись вовсе, что заставляло отцов благочинных

и консисторию постоянно напоминать приходским священникам об их новой обязанности [5. С. 9].

Впрочем, было и немало удивительных исключений, когда ведение погодных летописей превращалось в настоящую исследовательскую работу, плоды которой стали особенно ценны уже в наши дни. Пример тому «Церковно-историческое и статистическое описание Чарнянской церкви и ее прихода», сделанное священником Алексеем Волковским в начале 90-х гг. XIX в. Этот «документ был найден в январе 1992 г. во время подготовительных работ по упорядочиванию приходского архива в Чарней Церковной, проводившихся Дорофеем Фиоником» [6. С.6]. Находка оказалась столь значительной для местной истории, что почти сразу же Д. Фионик и С. Иванюк приступили к ее публикации на языке оригинала (русском) и в переводе на польский. Этот перевод вместе с публикаторами осуществила известная белорусская поэтесса с Белостотчины Надежда Артымович.

Труд о. Алексея представляет большой научный, культурный и чисто церковный интерес, ибо в нем священнику удалось почти с фотографической точностью запечатлеть особенности основных сторон жизни нескольких православных селений самого края польско-восточнославянского пограничья в XIX в. О. Алексей изучал местные традиции, материалы богатого церковного архива, во многом ныне утраченные, собирал народные предания и даже проводил археологические раскопки [подробнее см. нашу рецензию на эту публикацию — 7. С. 164—168]. Вместе с тем, данная публикация явилась, пожалуй, первым столь удачным примером возобновления археографической работы по выявлению памятников кирилловской письменной традиции на территории современной Польши, предпринятого православными молодежными братствами. А ведь восточнославянское рукописное и печатное наследие в нынешней Польше столь значительно, что требует специального систематического изучения, включая и самые настоящие археографические

экспедиции, своего рода опыт проведения которых был впервые поставлен Варшавским университетом в 1970-е гг. [8. С. 80—83]. Собственно, без систематического обследования всех без исключения архивов приходских православных церквей в Польше, Западной Беларуси, Западной Украине и Литве, а также отчасти целевого поиска в некоторых епархиальных и ряде государственных хранилищ, невозможно представить полную картину церковного летописания во II Речи Посполитой.

В нашем распоряжении оказалось всего лишь около десятка церковных летописей, ведшихся в межвоенной Польше в основном в местах, населенных белорусами, отчасти украинцами. Некоторые из этих памятников удалось полностью или частично скопировать, с остальными более или менее подробно ознакомиться. Примечательно, что наиболее тщательно и умело составленные церковные летописи писались в том приходе, который имел значительный опыт в составлении различного рода отчетов, обладал хорошим архивом, иногда с документами двух или даже трехсотлетней давности, неплохой библиотекой. Были и выдающиеся летописцы, обладавшие исключительным литературным талантом, которые оставили нам записки, читающиеся с огромным интересом. В них оказалась запечатленной не одна человеческая жизнь, история нескольких поколений, порой почти сокровенные мысли самого писателя, его раздумья о событиях, лицах, своей эпохе в целом.

Существовали и своего рода апологеты церковного летописания. К таковым мы бы отнесли протоиерея Ксенофонта Милькова, оставившего нам интереснейшее повествование — «Нечто новое о ведении церковных летописей» [9. С. 211—212]. «Материала для записей в церк. летопись, — сообщал о. Ксенофонт, — имеется достаточно в каждом приходе. Самое главное — это, чтобы отцы настоятели приходов имели охоту вести церк. летопись не за страх, а за совесть, не отступая от Указов Консистории и не ожидая

деликатных напоминаний отцов благочинных. Писать о всем, не мудрствуя лукаво, что имеет то или иное отношение, прямое или косвенное, к данной церкви и приходу, даже — о погоде, от которой зависит посещаемость прихожанами церкви, — об урожае, от которого, ведь, зависит жертвенность прихожан и т.п.... Летописец, должен в себе воспитать любовь к записыванию, вырезыванию и наклеиванию и надолго не откладывать своих записей: подождать, когда материал соберется, — сейчас его и вписывать в церк. летопись. Откладывать же дело записи надолго, это значит: никогда не записать ее. Интересно всегда то, что записано “по свежему”, а “отклад — не идет в лад”, как говорит народная пословица».

Все известные нам церковные летописи, ведшиеся в межвоенной Польше, можно разделить по степени их подробности и таланта записывавшего на три группы. К первой, весьма многочисленной, относятся очень краткие погодные записи, порой с пропуском ряда годов. Объем таких летописей за весь межвоенный период равняется всего лишь нескольким страницам. Такова в основном церковная летопись из Беловежа, ведшаяся при храме во имя св. Николая Чудотворца. Вторую группу образуют более или менее обширные летописные сборники, многие из которых стали составляться еще в предвоенные годы, то есть до начала I мировой войны и трагического периода в жизни православных межвоенной Польши, который получил название «беженства», когда местное православное население и духовенство были почти полностью эвакуированы в глубь России и Украины, а затем в течение нескольких лет возвращались в разоренные и опустошенные войной родные места, где при новой власти долгое время (годами) не получали гражданских прав. Обо всех этих событиях, а также о многочисленных человеческих жертвах военного времени, периода эвакуации и «беженства», пришедшихся на годы революционного переворота в Российской империи и ее распада, можно прочитать в

этих церковных хрониках. Порой они единственные достоверные свидетельства по истории той или иной местности 1910—1930-х гг., уникальные документы, характеризующие умонастроения крестьянства и духовенства — белорусов, украинцев, русских, «тутэйшних». Так, в разделе «О церкви или храме» второй части «Церковно-приходской Летописи Кожанской Крестовоздвиженской церкви» записано: «Во время мировой войны в 1915-м году колокола церковные прихожане затопили в реке Нареве. Утварь церковную зарыли в землю. Две иконы месночтимыя Божией Матери прихожане взяли с собою и одна из них осталась в России, а другую прихожанин деревни Кожан Илья Алексюк привез с собою назад, когда возвратился из эвакуации. По возвращении из эвакуации в 1921 году прихожане извлекли колокола из реки Наревы и повесили на колокольню. Зарытая утварь в земле была откопана ими и перенесена в церковь». В разделе «Имущество церкви» той же летописи сказано: «До мировой войны при церкви было 58 десятин 548 квадратных сажён. В 1925 году при церкви оставлено лишь 2 гектара, а остальная земля отошла к Дирекции Лесов Правительственных, которая отдаёт местному населению церковную землю в арендное содержание... Священник получает от казны в месяц 55 злотых вспомоществования, а псаломщик — 20 злотых. Кружечного дохода причт имеет за 1932-ый год 600 злотых, за 1931-ый год 750 злотых и за 1930-ый год 700 злотых».

Летопись содержит достаточно подробные сведения о причте, знакомит нас с его образовательным уровнем, особенностями поставления: «Священник Николай Лебедев, по прошению, перемещенный из Виленской епархии, Его Высокопреосвященством Архиепископом Алексием назначен 6 июня 1932 года в Кожанский приход. Окончил полный курс учения в Виленском Духовном училище и по особому испытанию при Комиссии Гродненской Духовной Консистории выдержал экзамен на звание священника. Псаломщик Александр Савоневский окончил Васильковское народное

училище и его Высокопреосвященством Архиепископом Алексием 11 июня 1927 года назначен и.д. псаломщика». В год своего назначения «в Кожанский приход» о. Николай Лебедев запишет о здешних прихожанах: «В настоящее время числится прихожан — мужского пола 700, а женского — 800 человек. Прихожане довольно усердно посещают церковные богослужения; за редкими исключениями бывают у исповеди Св. Причастия. Нравы женатых прихожан хорошие, что же касается молодежи мужского пола, то они под влиянием алкоголя на своих собраниях заводят драки. Во время мировой войны, в 1915-м году, немногие из прихожан остались на насиженных местах, а большинство уехало в глубь России. Вернулись из эвакуации они в 1921, а частью в 1922 году. Прихожане занимаются земледелием, а в деревнях, расположенных вблизи реки Нарева, еще — рыбным промыслом. — За время, когда не было священника в Кожанском приходе — в деревню Дорожки стали наезжать возжаки сектантов баптистов и таким образом из православия совертилось в баптизм 5 семейств, но больше сектантство не распространяется».

В погодных записях с различной степенью подробности освещаются те или иные важнейшие события, произошедшие в приходе, особенно тщательно описывается все, что связано с церковной жизнью, а также выдающиеся случаи в судьбах прихожан. Постоянно фиксируются число браков, рождений и погребений; финансовое состояние приходской церкви; деятельность при церкви различных объединений прихожан, например, таких как церковные братства; все «церковно-тарелочные сборы», в том числе шедшие на многочисленные «церковно-благотворительные цели», такие, например, как поддержка образовательных учреждений православных, «русских Православных обителей на Афоне», «Православной Духовной Миссии на Лемковщине», «Церковно-строительного фонда Холмщины», «восстановления Турковицкой обители на Холмщине», работ «по ремонту

церкви в селе Тыляве на Лемковщине (в Малопольше)» и другие. Некоторые погодные записи содержат своеобразные лирические отступления летописца, порой увеличивающие их обычный объем в 2—3 страницы большого формата еще на 1—2 страницы. Пожалуй, самые подробные записи делались по случаю приезда в приход правящего архиерея. В сентябре 1937 г. подобное событие случилось и в селе Кожаны: «Его Преосвященство Епископ Савва освящал церковь в Райске 12 сентября 1937 года и из Райска по маршруту Владыка прибыл в этот же день в село Кожаны. В деревне Заячках была устроена арка, при которой население деревни, сплошь православное, встречало Архипастыря. Попечитель деревни Антон Деменчук поднес Владыке хлеб, соль и просил принять его, и благословить насельников деревни. От деревни Заячков до села Кожан 2 версты. За полчаса до приезда Архипастыря в село Кожаны, прибыла свита: Уездный Миссионер Бельский — О. Владимир Вишневецкий, Пасынковский священник — О. Димитрий Дорошкевич, О. Протоиерей, Диакон: Бельской Михаило-Архангельской церкви — О. Николай Вишневецкий и два Иподиакона. Пред алеей, обсаженной липами, устроена тоже была арка, в которой для встречи Владыки вышел Крестный ход. Владыку в автомобиле сопровождал Бельский Благодетель О. Протоиерей Симеон Цебрук. При выходе из автомобиля, Архипастыря приветствовала следующими словами ученица 5-го отдела Богданковского Народного училища Лидия Валесюк: «Ваше Преосвященство! Дети Кожанского прихода просят Вашего благословения и принятия цветов». Девочки прихода, в количестве восьми, посыпали цветами дорогу алей, а братчицы — 12 женщин, — с возженными свечами сопровождали Владыку. У ворот ограды церковной Архипастыря встретил Церковный Староста Алексей Ильич Куприянюк, приветствовавший Его Преосвященство и поднесший ему хлеб-соль. Когда Владыка вошел в храм, его встретил настоятель-священник Николай Лебедев, подчеркнувший радость свя-

щенника и вверенной ему паствы видеть Архипастыря, получить от него святительское благословение, помолиться с ним. После встречи, был отслужен молебен с акафистом Воздвижению Честнаго Животворящаго Креста и Крестный ход с положенными Евангелиями. После Крестнаго хода, на церковном погосте, Владыка сказал поучение народу и благословлял его. Со славою Архипастыря ввели в дом священника, при входе в который жена настоятеля Феодосия Климентовна Лебедева встретила Высокаго Гостя хлебом-солью и просила Владыку посетить дом. Во время пребывания Архипастыря в доме, хор, под управлением псаломщика Александра Савоневского, пел песни из Богогласника. К сожалению, Архипастырь не мог быть гостем священника продолжительно, ибо торопился на всенощное бдение в Рыболовский храм».

Очень резко многие церковные летописи проводят границу нового, военного времени: «Началась Польско-Немецкая война во второй половине с.г. и в начале сентября в нашу местность, — сообщает Кожанская летопись, — вступили немецкие войска, а после них Советские... Епископ Гродненский и Новогрудский Савва пред приходом Советской власти уехал за границу, а потому Архиерейский дом, как пустующий, в Гродне, был занят Советской властью. Епископы Тимофей и Матвей, из военных священников Польской армии, были хиротонисованы во Епископов и тоже, при приходе Советской власти, уехали за границу... Митрополит Дионисий, пред приходом Советской власти, тоже уехал за границу».

Примечательно, что все церковные летописи писались исключительно на русском языке. Последние записи в них относятся, как правило, к 1950-м гг. Все они, за исключением летописей третьей группы, имеют более или менее одинаковый состав. В начале такой летописи помещалась историческая справка о приходе и приходской церкви, составлявшаяся на основе различных документов, прежде всего па-

ходившихся в архиве самой церкви, а также различных литературных источников на нескольких языках, в основном польском, русском, латинском. Объем таких исторических справок в некоторых летописях доходил до 70 и более рукописных страниц большого формата. Справка превращалась в хорошо документированную историю данной местности по крайней мере за последние четыреста, а то и пятьсот лет, нередко со дня основания здесь поселений. Справки содержали выдержки из многих древних, ныне утраченных, документов, записи различных легенд, описания случавшихся здесь выдающихся событий и многое другое. В них, как правило, включались краткие резюме различных визитаций, что дает огромный по ценности материал по церковной истории.

Первая, или общая часть летописи включала и подробные сведения о духовно-нравственном облике прихожан, готовность которых «нуждающимся в помощи всегда можно видеть..., за исключением немногих единичных случаев», — сообщила Кожанская летопись. «Целомудрие нарушается в редких случаях. Сироты, калек и нищие не бывают забыты, и милостыня там, где она нужна, охотно подается требующим ее. Заходит нищий в дом, ему не отказывают в подаении никогда, и можно видеть, с каким смирением и готовностью десятки женщин под церковью каждый праздничный и воскресный день наделяют хлебом и деньгами многих нищих, прося их молиться или за живых или за умерших». Эта же общая часть летописей сохранила для нас образцы местного говора, «простого», «тутэйшага», «нашего», «своего». В разделе Кожанской летописи, посвященном знахарству, читаем: «Указывая на какого-либо человека-знахаря, отвечают так: “О зь им цяжко возицися. Он може такой беды нарабиць, што до віьку не забудзеш”». В той же общей части помещались и специальные разделы, отображающие духовную культуру прихожан, причем в них были рубрики, специально касающиеся культуры словесной, устной и пись-

менной, такие, например, как «Народная словесность», «Книги», «Чтение» и другие, дающие представление о местном фольклоре, рукописной и печатной книжности, бытовавшей здесь.

Вторая часть летописей, составлявшая погодные записи, собственно, являвшаяся «повременной церковно-приходской летописью», должна была в идеале выдерживаться по следующей схеме: сведения о чисто церковных событиях, в том числе и в местной жизни; имущественном положении приходского храма; о церковнослужителях; о прихожанах; о различных сборах; церковная статистика и «годовые выводы».

Конечно же, далеко не все настоятели приходских церквей ответственно относились к составлению церковных летописей. Многие даже в малой степени едва ли разделяли суждение протоиерея Ксенофонта Милькова: «Всякая вещь имеет свою историю. И церковь, и приход, и епархия — тоже имеют свою историю. Знание истории церкви, прихода в целом и каждого селения в отдельности — весьма необходимо и для Высшей Церковной Власти вообще, и в частности для приходского духовенства» [9. С. 211].

Потому-то «предвоенные Дух. Консистории требовали, чтобы в каждом приходе велись церковные летописи, а на обязанности о.о. благочинных лежала проверка: пишутся ли церковные летописи. При сдаче годового отчета о.о. настоятели должны были в числе множества книг и актов представлять о.о. благочинным и Летопись Церковную» [9. С. 211]. Однако, «к сожалению, и отцы настоятели приходов (в большинстве), и отцы благочинные (некоторые) — не придавали большого значения церковным летописям, и потому последние велись, надо сказать правду, — небрежно. В некоторых летописях за какой-либо год было всего 2—3 записи, обыкновенно писанные в конце года пред представлением отчетности о.о. благочинному» [9. С. 211]. Не удивительно, что «попадались и такие “упорствующие”

отцы настоятели», которые «"принципиально", целыми годами ничего не писали, и только ожидаемый объезд Владыки заставлял их присесть на один-два вечера и "с потолка" хватать материал для записей в церковной летописи» [9. С. 211-212].

В целом, церковная летопись, ведшаяся в том или ином приходе, плод труда нескольких летописцев, нескольких настоятелей данного прихода, труд общий, коллективный. В этом особое, даже принципиальное отличие церковных летописей первой и второй групп от группы третьей. Последнюю, весьма малочисленную, составляют обширные церковные хроники и описания, настоящие энциклопедии почти в духе Д' Аламбера, отличающиеся всеми качествами замечательного литературного и исторического памятника. Они написаны единственным автором, который одновременно выступает в роли и историка, и этнографа, и талантливого бытописателя, порой философа. Летописи этой группы заслуживают особого, отдельного изучения, специального исследования, так как каждая представляет собой значительный научный и общепознавательный интерес. К числу таких памятников принадлежит и «Описание Рыболовского Прихода за двухсотлетний период с 1751 по 1951 год по данным архива Рыболовской церкви» в двух книгах, составившееся в межвоенные, военные и первые послевоенные годы местным священником о. Николаем Круковским, родившимся в семье священника «в селе Малая Плотница бывшего Пинского уезда Минской губернии 21-го октября 1895 года».

Посвящение, помещенное о. Николаем в самом начале его «Описания», раскрывает особенности настроения и вдохновения автора, внутреннюю духовную атмосферу, в которой им осуществлялось церковное летописание.

«Труд этот посвящаю моим предшественникам — настоятелям Рыболовского Прихода, — нашедшим у стен Рыболовского приходского храма и других храмов прихода место вечного покоя.

Часто, идя в церковь, я думаю о том, что по этой же дорожке ходили в течение нескольких сотен лет мои предшественники. И, также, как и я, входили в храм не только с благоговением, но, по человеческой слабости, вносили туда с собою и житейския думы, житейския чувства, переживания и настроения.

И чудится мне, что в этот момент мои предшественники смотрят на меня, понимают мое душевное состояние, сорадуются моим радостям, сочувствуют моим горестям и, сами пережившие много и уже обретшие покой, готовы на помощь мне, своему малодушному и слабому преемнику.

Протоиерей Николай Круковский».

Восьмисотстраничное сочинение о Николае Круковско-го составлено на основании следующих источников, которые он в основном перечислил на 5—6 страницах первой книги своего труда:

«I. Wizyty Generalne, Dziekańskie i Inwentarze с 1751-го по 1822 год включительно. Подробно о них найдем в отделе XVI сего труда «Церковный архив» /Книга вторая/.

II. Метрические книги:

1. Метрические книги о умерших за 1751—1757 г.г. и в ней же книга о бракосочетавшихся и родившихся за 1751—1766 г.

2. Метрическая книга о родившихся за 1767—1786 г.

3. Метрическая книга о бракосочетавшихся за 1767—1793 г.г. и умерших за 1782—1798 г.г.

4. Метрическая книга Рыб. ц. о родившихся за 1786—1798 г.

5. Метрическая книга о бракосочетавшихся за 1794—1826 г.

III. Księga różnych Ukazów i Zaleceń Rządowych Kozańskiej cerkwi od 1814—1835 г.

IV. Клировыя Ведомости Рыболовской Церкви за годы: 1843, 1847—1858; 1860—1865; 1867—1877; 1879—1880;

1882—1889; 1891—1908; 1910, 1911, 1921—1922; 1924—1926; 1928—1936; 1938, 1939; 1941—1989.

V. Разные документы Рыболовской Церкви:

а) Правила об обеспечении духовенства от 20/VII-1842.

б) Копии указов и ревизий благочиннических 1852—1859 г.

в) Копии указов за 1858—1910 г.г.

г) Опись Церковного имущества и Предметы, вывезенные в Россию в 1915 г.

д) Опись кирпичного дома священника и всех построек причтовых до 1912 г.

е) Акт о разделе земли между членами причта от 17/VI и 15/IX-1888 г.

VI. Дела Рыболовской Церкви за годы: 1856—1869; 1870—1872; 1873—1879; 1880—1882; 1883—1885; 1886—1888; 1889—1891; 1892—1901; 1918—1949.

VII. Копии исходящих бумаг Рыболовской Церкви.

VIII. Летопись Рыболовской Церкви за 1931—1950 г.

IX. Литовские Епархиальные Ведомости за годы: 1863—1865; 1866—1877; 1879—1890; 1892; 1894—1896; 1889—1901.

X. Гродненские Епархиальные Ведомости за годы: 1902—1914.

XI. «Судьбы Православия в Гродненской Губернии в связи с историей Латинства и Унии в XIX веке».

XII. Роман Генриха Сенкевича «Потоп».

XIII. Устные предания о старине, сохранившиеся в приходе.»

«Описание» содержит обширную вступительную историческую часть; биографии более 20 о.о. благочинных; исторические справки почти о 40 архиереях, начиная со знаменитого униатского митрополита Льва Кишки и кончая современными летописцу Владыками; подробные сведения о «составе прихода и его численности»; многостраничный рассказ об основной приходской церкви в селе Рыболах и нескольких приписных церквах и часовнях, находящихся в

Рыболовском приходе, древних и современных кладбищах. Особое место в «Описании» отведено рассмотрению церковной утвари и убранству церкви и часовен, а также обетным, придорожным и иным крестам и памятникам. Таково в основном содержание первой книги «Описания».

Вторая книга открывается разделом «Источники содержания Причта», в котором повествуется о «вознаграждениях за требоисправления», «земельных угодьях», «движимом и недвижимом имуществе по завещанию», основных капиталах, «пособиях от казны», «вознаграждении за преподавание Закона Божия в школах». Сто страниц текста книги отдано тщательно выписанным биографиям местных настоятелей и викарных. Почти столько же — биографиям приходских «dziaków», дьяконов, дьячков, псаломщиков, церковных сторожей, пономарей. Очень значителен в «Описании» раздел «Народное образование в приходе», посвященный пяти местным школам — в Рыболах, Павлах, Войшках, Каниюках, Плёсках, Заячках. Раздел «Церковно-приходские организации» посвящен рассмотрению деятельности здешних «церковного Братства» и «приходского попечительства», истории образования православных церковных хоров.

«В настоящее время, — писал о. Николай, — трудно себе представить службу Воскресного или Праздничного дня, которую пел бы на клиросе один псаломщик. Я, конечно, не принимаю во внимание случаев исключительных, которые всегда могли быть, которые бывают и теперь, хотя теперь уже нет церкви, при которой не было бы хора.

Думаю, что и в те времена, когда еще не было правильно организованных церковных хоров, при псаломщике на клирос всегда собирался кружок любителей пения преимущественно из мужчин, ознакомившись предварительно с церковными мотивами и церковно-славянским языком. Любители эти пели, конечно, без всякого управления, подтягивая

псаломщику разными голосами. Да и псаломщики в старину лишь немногие могли управлять хором.

Кадры этих любителей церковного пения пополнялись из толпы молящихся. Я представляю это так:

Любитель пения долго подтягивал псаломщику, стоя в толпе молящихся, по возможности ближе к клиросу. В начале он подпевал немного, а затем все смелее и смелее. Когда ему казалось, что он уже кое-что знает, он появлялся на клиросе просто явочным порядком и для соблюдения формальности просил у псаломщика позволения, а более наивные в дипломатическом отношении не соблюдали даже и этой формальности.

Бывали, конечно, и такие случаи, когда псаломщик, если он радел о благолепии церковных служб, сам обращал внимание на искусного и голосистого певца в толпе и приглашал его на клирос. Этот кружок любителей церковного пения, спевок, конечно, не устраивал, а пел всегда одно и то же.

Из дней раннего детства мне припоминаются хриплые тенора и неуклюжие басы пожилых и среднего возраста мужчин, старательно выводивших церковные мелодии на клиросе в приходе моего отца.

Помню и начало организации в том же приходе уже правильного четырехголосного смешанного хора, помню его первые выступления в церкви, восторженные суждения об этой новинке моих родителей за обеденным столом после богослужений, на которых выступал молодой хор, и их добродушный смех при воспоминании о моментах, не лишенных комизма, которые всегда сопутствуют всяким новым начинаниям.

В организации молодого церковного хора принимала участие и моя мать, помогавшая в этом деле старику диакону и обучавшая собиравшихся к нам девушек нотной гамме и пению наиболее простых церковных песнопений. Помню, что первой песней из богогласника, выученной этим хором,

была песнь Св. Николаю: «Дивна дела Твоя, Святитель Великий». А также и рождественские песни из богогласника же. Это было в начале девятисотых годов. Думая, что и в Рыболах до организации правильного хора был неформированный кружок самоучек — любителей церковного пения.

Первоначальную организованность этому хору придал, как говорят старожилы, учитель Савошинский около 1891 г. Дело его продолжал сын псаломщика Иван Долбенский. Вел также некоторое время хор один из местных любителей церковного пения Сергей Боровский. Хор этот выступал только по большим праздникам, а прихожане заранее знали об этих днях и ожидали их с нетерпением.

Правильный же стройный четырехголосный церковный хор в Рыболах был организован по свидетельству старых певчих учителем Рыболовской школы Василюком, бывшим здесь в 1900 по 1905 г.

Организация церковных хоров в то время облегчалась тем, что в школах основательно проходилась церковно-славянский язык и участники церковных хоров свободно читали славянский текст».

Историю письменной культуры здешнего края иллюстрируют документы церковного архива Рыболовского прихода, обзору которых посвящен специальный раздел. В нем рассмотрены «Wizyty Generalne i Dziekańskie», «клировые ведомости», «приходские посемейные списки», «исповедные ведомости», «брачные обыски», «предбрачные свидетельства», «метрические книги», «Protokoły i Akta znań» о рождении, браках и смерти, «Дела Рыболовской Церкви», «разные документы», «копии исходящих бумаг», «церковная летопись».

Книжную культуру местного населения, его интерес к литературе, чтению, круг его чтения, знакомство с богослужебными, литургическими текстами, духовно-нравственными сочинениями и иными церковными произведениями как

ничто иное отображают церковные библиотеки, храмовые и приходские. Эти библиотеки, наряду с архивами, на протяжении всей истории того или иного прихода являлись главнейшими хранительницами многовековой христианской письменной культуры, тысячелетней кирилло-мефодисвской книжной традиции, центрами, в которых сберегались историческая память и родное слово. Согласно «Wizyty Generalnej z dnia 13 grudnia 1751 г.» в Рыболовской церкви были следующие книги: «Ewangelia in folio pisana w aksamit oprawna zielony, narożników srebrnych cztery z Ewangielistami, na srodku blacha srebrna z ukrzyżowanym P.Jezusem, klauzury dwie srebrne y pukle cztery srebrne, z drugiej strony puklow cztery srebrnych okrągłych po rogach, a na srodku tabliczka srebrna z Nayśw.Panna. Mszał Wilenski i folio. Ewangelia jedna pisana, druga drukowana in folio ta nie cała. Apostoł Lwowski. Mszałik podręczny. Praznieja /праздничная минея/ pisana. Ochtoy /октоих/ pisany. Psalterz drukowany in qwarto /в четвертую долю листа/ Morał pisany. Ewangeliyki Polskie. Morał Lacinski y brewiarz. Trebnik Supraślski, drugie książki są, ale stare».

Таким образом, визитатор не считал нужным более подробно описать «другие книги», которые были слишком старыми, древними, ветхими и, вероятно, самыми интересными. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы, относящиеся к более давнему времени, свидетельствуют, что в XVII и XVIII вв. в некоторых церквях Подляшья имелись даже пергаменные рукописи («na pergaminie», «pergaminowy»).

В 1784 г. «Inwentarz» передачи Рыболовского прихода новому настоятелю, приведенный в «Описании» о. Николая Круковского, фиксирует такой состав церковных книг: «Ewangelia Prestolna In folio pisana w axamit zielony oprawna, na ktorey narożnikow z osobami Ewangelistow cztery, na srodku blacha srebrna z wyrażeniem ukrzyżowanego P. Jezusa, na

drugiej stronie puklow cztery y blaszka srebrna. Mszał In folio druku Wileńskiego, dwa Mszałiki małych. Mszał trzeci łacinski y Brewiarz. Antymis J.W. Wołodkowiza Metropolity Catey Rusi, Drugi portatel Ritus Lacini. Apostoł druku Lwowskiego, Prazdnija y Oktoich pisane. Psalterz drukowany. Trebnik Supraslski, wykład Ewangelii, drukowany po Rusku).

В начале XIX в., в 1822 г., то есть за 17 лет до перехода местного населения из униатства в православие, Рыболовской церкви принадлежали такие книги: «Ewangelia ołtarzowa in folio pisana, stara niezdatna w axamit zielony oprawna z puklami srebrnemi i Tabliczką. Mszał in folio edycji Wilenskiej w skórkę oprawny I. Supraslskiy takiz I. Mnieyszych dwa. Prazdniejów dwie, z ktorych iedna pisana. Tryod ćwietna i Postna edycji Lwowskiej (a в Inwentarzu от 5/V.-1811 г. «Druku Kijowskiego») w skórkę oprawne 2. Psalterz I. Trebnik I. Osmońłasniki pisany I. drukomany in 4-to (quarto) ieden Ewangelia Polska i Nauki X-a Noralskiego na Niedz. i S-ta in 8-wo drukowane w skórkę oprawne».

А вот уже картина, наблюдаемая почти через 120 лет, в 1939 г. О. Николай Круковский приводит под этим годом следующую опись храмовой библиотеки:

«Богослужебныя книги

1. Служебник большой издания Киево-Печерской Лавры 1822 г.
2. Служебник малый. Издания 1911 г. в Петербурге.
3. Служебник-Литургия Иоанна Златоустаго. Издания Варшавской Синодальной Типографии 1926 г.
4. Служебник-Литургия Василия Великаго — тоже.
5. Служебник-Литургия Преждеосвященных Даров. Тоже.
6. Служебник-Последование Вечерни и Утрени. Тоже.
7. Апостол. Довоен.
8. Следованная Псалтирь. Довоен.
9. Миня месячная за июль и август. Довоен.
10. Миня праздничная. Приобретена в тридцатых годах.

11. «Великий Сборник» Часть I. Изд-во Владимировой (Словакия) в 1942 г. Приобретена в 1942 г.
12. «Великий Сборник» Часть II. Изд-во Владимировой (Словакия) в 1932 г.
13. Октоих Глас 1—4 Довоен.
14. Октоих Глас 5—8 Довоен.
15. Типикон Довоен.
16. Постная Триодь. Первая Седмица Великаго Поста. Издание Варшавской Синод. Типографии 1927 г.
17. Последование Страстной Седмицы. Издание Варшавской Синодальной Типографии 1929 г.
18. Постная Триодь. Издание Киевское (старинное). Взята для временнаго пользования из Заблудовской церкви.
19. Цветная Триодь. Взята для временнаго пользования из Заблудовской церкви.
20. Последования Пасхальной Седмицы в 2-х экземплярах (один издание довоеннаго, другой — Варшавской Синод. Типографии. Один экз — на клиросе, другой — у настоятеля в алтаре).
21. Молебник. Изд. Московское 1831 г.
22. Молебник. Изд. Варшавской Синод. Типографии 1930.
23. Учебный Октоих. Довоен.
23. Часослов. Довоен.
24. Часослов. Изд. Варш. Синод. Типогр. 1925 г. Приобретен 19.VII-1949 г. за 600 зл.
26. Служба Почаевской Бож. Матери с акафистом. Довоен.
27. Служба и акафист Бож. Матери Иверской Довоен.
28. Служба с акафист. Свв. безср. Косме и Дамиану. Довоен.
29. Служба с акафистом Св. Князю Владимиру.
30. Иерейский Молитвослов. Довоен.
31. 2 требника Изд. Варш. Синод. Типографии 1925 г. /Один экз. уже старый, а другой новый приобретен 19-VII-1949 г. за 1500 зл.

32. Дополнительный Требник. Изд. Киево-Печерской Лавры 1884 г..

33. Дополнительный Требник. Изд. Варш. Синод. Типографии 1929 г.

34. Последование Великой Панихиды. Довоен.

35. Чин проскомидии.

36. Литургия Иоанна Златоустаго. Изд. Вышний Свидник (Словакия) 1924 г.

37. Литургия Преждеосвященных Даров. Тоже 1926 г.

38. Последование Вечерни, Полун, Утрени и Всенощного бдения. Изд. Вышний Свидник 1924.

39. Лепта. Сборник Духовных песнопений.

40. Богогласник. Изд. Варш. Синод. Типографии.

41. Богогласник с нотами. Изд. Варш. Синод. Типографии 1935. Приобретен 5 мая 1950 г.

42. Ирмологий нотного пения.

43. Обиход нотного пения (Квадр. ноты).

44. Обиход нотного церк. пения 4 книги (Издание Свящ. Синода в Польше).

45. Бахметев I глас 4 книги.

46. Церковно-певческий сборник Страстной седмицы — Партитура.

47. Церковно-певческий сборник том 3 часть вторая (2-го тома в 2-х экзempl.)

48. Церковно-певческий сборник том 4 (Триодь Цветная 2-й голос).

49. Сборник церковных песнопений. Москва 1911 г.»

Приходская библиотека появилась в Рыболах во второй половине XIX в. Вот как сам летописец, о. Николай Круковский описывает это: «Не сохранилось никаких следов о том, была ли какая либо Церковная библиотека при Рыболовской церкви до 1863 г.

Правда, в Wizytach за разные годы среди церковных богослужебных книг упоминаются:

1. «Morał pisany» и «Morał Laciński» повидимому сборник проповедей (Wizyta gener. za 1751 г.)

2. «Nauki druku Wileńskiego po Polsku» / «Wizyta Generalna 1801 г, 1804, 1811».

3. Nauka na dni niedzielne i świąteczne X. Narolskiego / Wizyta Gener. от 1818 г.

4. «Wykład Ewangelii drukowany po Ruski» / Wizyta Gener. 1784 г.

Конечно, эти несколько сборников проповедей не могли составить библиотеки, может быть потому оне и упоминались в одном списке с богослужбными книгами.

В 1863 году при Литовской Православной Архиепископской Кафедре начинает издаваться епархиальный орган «Литовския Епархиальныя Ведомости».

Сборник еженедельных журналов этого издания за 1863 г. и положил повидимому, основание существующей ныне Рыболовской Церковной библиотеке.

С этого года церковная Библиотека обогащается ежегодно новым томом еженедельнаго журнала «Литовских Епархиальных Ведомостей» а с 1902 г. таким же журналом «Гродненских Епархиальных Ведомостей». И так до 1914 г.

С 1888 г. Церковная библиотека ежегодно начинает пополняться еженедельным журналом «Церковныя Ведомости» — Официальный Орган Русского Священнейшаго Синода.

Одновременно о.о. Настоятели пополняют церковную библиотеку и другими книгами и журналами религиозно нравственного содержания. В клировой ведомости за 1895 г. говорится, что в церковной библиотеке имется книг религиозно-нравственного содержания 71 название — 142 тома.

В 1898 г. — 88 названий — 173 тома.

В 1899 г. — 95 назв. — 205 томов.

В 1901 г. — 103 назв. — 205 томов.

В 1902 г. — 107 назв. — 215 томов.

Несомненно, количество книг и журналов религиозно нравственного содержания продолжает возрастать до самой войны 1914—18 г.г., но об этом в дальнейшем в клировых ведомостях упоминаний уже нет.

Война 1914—18 г. разгромила Церковную библиотеку. Когда и как это случилось неизвестно, но в Клировой Ведомости за 1921 г. в параграфе 21 читаем: «В церковной библиотеке имеется лишь несколько разрозненных и изорванных книг».

Но и из этого жалкого остатка довоенной церковной библиотеки часть книг зачитана прихожанами уже после войны при моих предшественниках и при мне... .

Спустя 6 лет после войны 1914—18 г., когда жизнь молодой польской Православной Церкви наладилась, и при митрополичьей кафедре в Варшаве начал издаваться в 1924 г. еженедельный журнал «Воскресное Чтение» и другие книги религиозно-нравственного содержания, Церковная библиотека постепенно вновь начинает пополняться.

Из изданий Польской Православной Церкви в библиотеке имеются: Журнал «Воскресное Чтение» за годы 1924 до 1939; Журнал: «Вестник Братства Православных Богословов в Польше» за 1934 г. — 1 книга, за 1936 г. — 3 книги, за 1937 г. — 3 книги, 1938 г. — 2 книги; Журнал *Ελπίς* — книги II—X.

«Православное учение о спасении» изд. 1926 г.,

«О современном положении Христианства» Проф. Арсеньев — 1927 г.

«Что такое Живая Церковь» — Проф. Троицкий — 1927 г.

«Перелом в древле Русском богословии» Иеремонах Тарасий — 1928 г.

«О достоинстве Христианства и недостоинстве Христиан» Проф. Н. Бердяев — 1928 г.

«Материализм, как мировоззрение» Проф. Франк — 1928 г.

«Материализм и материя» В.Н. Ильин — 1928 г.

«Христианство и социальный вопрос» Проф. Б.П. Вышеславцев — 1929 г.

«Жил ли Христос» Проф. Г.В. Флоровский 1929 г.

«Атеизм и гибель культуры» В.Н. Ильин — 1929 г.

«О чуде» Проф. В.В. Зеньковский — 1929.

«Марксизм и религия» Проф. Н.А. Бердяев — 1929 г.

«Православная церковь и западное Христианство» Проф. Арсеньев — 1929.

«Archeologia Chrzesjanska w Związku z Historia Sztuki Koscielnej» Prof.N.W.Pokrowski — 1930 г.

«Житие и Страдания Св. Преподобномученика Афанасия, Игумена Брестского» — Прот.Константина Зноско — 1931 г.;

«Что такое уния» Senex — 1931 г.

«Римская неправда о главе вселенской Церкви» прот. К.Зноско — 1932 г.

«Житие и страдания Св. Виленских Мучеников Антония, Иоанна и Евстафия» — Прот. Константин Зноско — 1932 г.

«Святитель Феофан, затворник Вышинский» Архимандрит Феофан — 1934 г.

«К вопросу о принадлежности Супрасльского монастыря» Архиепископ Алексий — 1934 г.

«Что ожидает нас за гробом» Прот. Сайкович — 1935 г.
«Божественное откровение, как источник истинного Богопознания». Митрополит Дионисий — 1937 г.

«Богословствование в Бозе почившаго Блаженнейшаго Митрополита Антония Храповицкаго» прот. Д. Сайкович — 1937 г.

«Аграфы о незаписанных в евангелие изречениях Иисуса Христа» Проф. Бар. М.А. Таубе — 1937.

«Беседы о Православной вере» 1938 г.»

Как видим, описи рыболовских церковных библиотек достаточно наглядно рисуют нам картину развития книжной культуры здешнего края на протяжении двух столетий, на-

чиная с середины XVIII в. Описи эти и записки о. Николая Круковского о «церковной библиотеке» представляют большой интерес и для истории православной литературы в межвоенной Польше, отображают рецепцию этой литературы в крестьянской среде, знакомство с ней церковного причта.

Сами же церковные летописи входили в круг литературы, авторами которой были исключительно настоятели приходов, писавшие для чтения немногими, в основном должностными церковными лицами и самими священниками. Это был священнический круг литературы, создававшейся и распространявшейся почти исключительно в священнической среде. Церковная летопись, церковное летописание становились своего рода заветом, иногда литературной эстафетой отдельных духовных лиц и поколений. Вместе с тем, это была в сущности последняя попытка возрождения летописного жанра, который в большей или меньшей степени порой приобретал черты то исторических записок, то мемуаров, а уже в наши дни целиком или почти целиком трансформировался в рамках традиции ведения хорошо всем известных «памятных книг».

Труд этот посвящаю моим предшественникам — настоятелям Рыболовского Прихода, — нашедшим у стиги Рыболовского приходского храма и других храмов прихода место вечно покоя.

Глго, идя в церковь, я думаю о том, что по этой же дорожке ходили в течение нескольких сотен лет мои предшественники. И, также, как и я, входили в храм не только с благоговением, но, по словеситской обязанности внесли туда с собою и всемирную душу, землейскія гувства, пороженіи и настроенія.

И гудится мнѣ, что в этот момент мои предшественники смотрят на меня, понимают мое душевное состояние, соприкоснулись моим радостным, сочувственным горестям и сами пережившие шкого и уже обратшіе покоя, готовы на помощь мнѣ, своему малодушному и слабому преемнику. *Гроизковскій Митрополит Круковскій.*

Фрагмент страницы из церковной летописи о. Николая Круковского с посвящением «предшественникам — настоятелям Рыболовского Прихода»

Церковно-приходская

Книжка

Рождество-Богородичной Церкви Местечка
Крынок

Часть Первая

Общегосударственной Церкви и прихода

и Крынок

Церковь и придел Мелко была построена в 1649
г. в селении Крынок в Закарпатской
области, но существование ее в 1700 г. не
имеет никаких сведений, времени. Из
старинных книг Градничкой епархии за 1675 г.
идет-словами 156, выданная в Конии 18 сентября
1675 г. и за 1696 г. из Градничкой Псалт
Государственной Милости, набранной
Кристианом Магистером Крынок Губернической
метари Ивану Пуревичу, видно, что Церковь и
селение при богатой своей землевладельческой
земле были поделены на две части, одну
Церковь и село, которая в 1649 г. принадлежала
иной Церкви, на страницах 41 одна Крынок
и другая Крынок принадлежала Губернической
Метари Софие, дог. принадлежала Св. Духу
Крынок, - Лыковича.

Первая страница «Церковно-приходской летописи
Рождество-Богородичной Церкви местечка Крынок»

Старообрядческие книжники

Среди русского старожильского населения II Речи Посполитой старообрядцы были самой многочисленной группой, насчитывавшей около «80 тысяч человек» [1. С. 15]. Число старообрядческих общин превышало пятьдесят. Все они располагались в северо-восточной Польше, преимущественно в районе Браслава, Друи, Глубокого, Постав, Вильно, Сувалк, Августова.

Заселение русскими старообрядцами этих земель относится еще к XVII столетию, когда на берегах Западной Двины вниз по ее течению от городка Друя стали возникать их поселки с первыми моленными, а немного позднее и старообрядческие монастыри. Наиболее полные и точные сведения о первых старообрядческих поселенцах донесла до нас рукописная «Дегуцкая хроника», создававшаяся в монастыре, основанном в середине XVIII в. в поселке Дегуцы к северу от Вильно [2. С. 154—155]. Впрочем, история старообрядцев в Речи Посполитой — особая тема, ибо, как писали они сами в 1937 г., «в истории старообрядчества со времен страшного раскола 1666 года именно Польша явилась первым государством, которое признало нашу Св. Церковь как таковую и обеспечило условия к беспрепятственному и свободному Ее существованию и развитию» [3. С. 40].

Во II Речи Посполитой русским старообрядцам удалось достаточно быстро добиться признания государством их вероисповедных и имущественных прав и даже получать значительные правительственные субсидии, что ставило их организацию — Восточную старообрядческую церковь в Польше, не имеющую духовной иерархии — в более выгодное положение чем Православную церковь в Польше. В 1928 г. правовое положение Старообрядческой церкви в Польше было полностью урегулировано [4; 5; 6]. Старообрядцы даже имели своих представителей в польском Сейме и Сенате.

В 1929 г. «польские старообрядцы», как они сами себя называли, стали издавать свой журнал — «Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше». В редакционной статье первого номера журнала констатировалось: «Как и в дни былых лихолетий, тяжких испытаний и гонений на веру Христову, наша святая Церковь находила полную защиту и теплый приют в границах Польского Королевства, так и теперь, в дни нового расцвета Польши, она пользуется таким же покровительством ее и защитой со стороны нынешнего Правительства Польской Республики».

Подобные утверждения старообрядцев имели весьма веские основания, так как в Российской империи вплоть до 1905 г. они были всемерно гонимы, а в СССР 1920—1930-х гг. старообрядческие организации всех согласий подверглись уничтожению. Поэтому нельзя не признать справедливость слов заведующего отделом вероисповеданий Виленского воеводства В. Пиотровича о том, что русское старообрядчество «находит в Речи Посполитой как бы другую родину, другое государство, которое стало для него новой родиной и никогда не было для старообрядцев неблагожелательным, не было мачехой вместо матери, так как это случилось в России» [7. С. 7].

Следует однако заметить, что подобная благожелательность властей Речи Посполитой в значительной степени объяснялась оппозиционностью старообрядцев в отношении государственных органов старой России и государственной Православной церкви. В условиях новой, возрожденной, межвоенной Польши особое значение по мысли ее государственных органов приобретали автокефальность организации старообрядцев, их полная духовно-каноническая и юридическая независимость. Именно идея автокефальности как Православной церкви в Польше, так и старообрядческого сообщества становится ведущей в видах правительства II Речи Посполитой.

Несмотря на то, что старообрядцы Польши всячески противились отождествлению их с новой русской эмиграцией, отмежевывались от нее («надо прежде всего отличать сравнительно небольшую численно рус. эмиграцию от значительного по своей численности рус. меньшинства») [1. С. 15], им суждено было не только сотрудничать с ней, особенно в деле образования, но и возглавить Союз Русских Меньшинственных Организаций в Польше, председателем которого был избран посол Сейма Б.А. Пимонов — представитель богатейшего старообрядческого рода, после смерти своего отца А.М. Пимонова ставший во главе Высшего Старообрядческого Совета в Польше. В целом старообрядческая элита оказала заметное влияние на устройство русской национальной жизни в Польше, а также на отстаивание прав всего русского меньшинства.

Случилось так, что в границах II Речи Посполитой из старообрядческих согласий оказались представлены почти исключительно беспоповищские. Немногочисленные поповцы не были объединены организационно и даже не имели своих священников. Все это определило особый характер старообрядческого сообщества, весьма отличный от того, что имело место до начала XX в. [8. С. 81—103; 9; 10].

Значительно изменившиеся условия жизни, сильнейшее инокультурное влияние, особенно в городах, невозможность противостоять многим достижениям цивилизации, ранее безоговорочно осуждаемым в старообрядческой среде, например, кинематографу¹, заставили лидеров старообрядчества с новой силой обратиться к слову, собственной лите-

---

¹ Необходимо отметить, что представители рода Пимоновых, самого могущественного старообрядческого рода Вильно и Виленского края, уже в 1920-е гг. занимались увеселительным бизнесом, а «в лице Л.В. Пимонова» «дирекция кино "Hollywood"» предоставляла свои помещения даже различным старообрядческим собраниям, в том числе Дамскому Благотворительному Комитету — под председательством С. Пимоновой [11. С. 25].

ратуре, писательству, письменной и устной проповеди, церковной и школьной². Не была забыта и общерусская литература, в том числе и чисто художественная, по преимуществу классическая.

Одними из любимых тем различных поучений и рассуждений в этот период становятся темы родного разговорного и церковнославянского языков, отношения языка обиходного и церковного. В новых условиях заметно меняются многие прежние ориентиры. «В прежней религиозной старообрядческой семье иначе смотрели на родной русский язык, а тем более на русскую литературу. В старину мало кто сочувствовал “писакам” — литераторам и мало ценился их труд, светской литературе предпочитали литературу духовную» [12. С. 4].

Постепенно к концу 1920-х гг. в Польше определилось несколько старообрядческих писательских групп, в творчестве которых в большей или меньшей и даже преимущественной степени проявились чисто светские элементы в манере письма, языке, жанре, почти как исключение, тематике. Появляется и немало женщин-писательниц, в основном из элитарных слоев. Примером в этом особенно служит род Пимоновых. Представители молодого поколения тяготели по преимуществу к стихотворным жанрам. Их стихи полны всевозможных новаций, ранее совершенно невозможных в старообрядческом литературном обиходе. Молодежь выпускала собственные литературные журналы, размножала их от руки или на шапирографе³, многое переписывалось в

---

² Старообрядцы получили от властей широкую возможность ведения духовно-воспитательной работы в государственной школе, а также возможность создания в аналогичных целях различных молодежных объединений.

³ В этой связи весьма показательна деятельность Религиозно-просветительского Кружка Старообрядческой Молодежи в Вильно, руководимого И.А. Пимоновой. Вилецкий кружок издавал журнал «Самопросветитель». Подобные кружки действовали и в провинции.

специальные тетради — своего рода рукописные сборники нового времени, аналоги которых известны с древнерусских времен. Излюбленными темами стихотворного творчества молодежи были темы традиционные в старообрядчестве, причем, видимо, ряд стихов предназначался прежде всего для индивидуального чтения, некоторые преимущественно для публичного, для декламации, например, посвященные Виленской Старообрядческой Общине. К числу последних относится и стихотворение М. Гущенко «Наши деды», где есть такие слова:

«Вспомянем!
В срубях мученных огнем
Наших делов, что без роптаний,
Не убоявшись скитаний,
Шли за рубеж с молитвой на устах
И Старой Верою в сердцах».

Отдельную группу старообрядческих литераторов составляли представители ее высших кругов, высших не всегда в духовном смысле, получивших хорошее светское образование, таких, например, как Б.А.Пимонов или П.И.Киселев, который, по словам первого, «нес своими многочисленными прекрасными статьями ... в глухие и далеко разбросанные старообрядческие деревни и селения родное слово и луч религиозно-христианского просвещения и тем заслужил всеобщую благодарную память в сердцах всего старообрядчества» [13. С. 5]. П.И. Киселев, редактировавший «Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше» со дня его основания, многое сделал посредством своей литературной работы и для старообрядцев вне Польши, в том числе даже «в далеких уголках Северной Америки, Канады и в угольных копиях Южной Франции», в различных частях «земного шара, населенных ревнителями истинной веры Христовой» [11. С. 3]. К тому же кругу старообрядческих писателей принадлежал и сам А.М.Пимонов, организатор старообряд-

ческой жизни в Вильно и Виленском крае, а затем и во всей Польше, деятельная фигура мирового старообрядчества, ставшая в условиях русского рассеяния одной из самых заметных среди русских национальных лидеров зарубежья. Наряду с ним следует упомянуть и весьма близкого к А.М.Пимонову многолетнего окружного школьного визитатора О.М.Андреева, автора старообрядческого гимна и множества религиозно-назидательных, публицистических и иных произведений.

Следует специально отметить, что во II Речи Посполитой значительную часть старообрядческой литературы составляла литература рукописная, причем подавляющее большинство оригинальных произведений местных авторов существовало лишь в рукописном виде, некоторые, например, книга П.И. Киселева о Виленской Старообрядческой Общине, напротив, только в печатном [14] и целиком не переписывались. Вообще же оригинальная печатная литература была представлена в основном журнальными публикациями, напечатанными в старообрядческих календарях, трудами старообрядческих съездов, а также немногочисленными брошюрами и, как исключение, книгами; хотя общее число изданных книг являлось достаточно заметным⁴, но они представляли собой как правило перепечатки произведений традиционного состава и учебные издания, иногда литографированные, как, например, «Учебный Часослов» (Вильно, 1927).*

---

⁴ Старообрядцы с гордостью подчеркивали, что ими «изданы тысячи религиозно-просветительских книг и учебных пособий» [15. С. 36], имея в виду не число самих изданий, а общее количество экземпляров. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о тиражах тех или иных изданий в среднем в пределах одной тысячи экземпляров.

* Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о тиражах тех или иных изданий в среднем в пределах одной тысячи экземпляров.

Самой значительной писательской группой были конечно же духовные наставники. Это был высший старообрядческий писательский круг, старообрядческая писательская элита, безусловное преимущество которой во всех вопросах почти никем не оспаривалось. Они были творцами разнообразной духовной литературы, по преимуществу назидательной и толковательной. Словесное творчество духовных наставников, а среди них были конечно же самые разные по степени талантливости авторы, и по сей день представляет немалый интерес. Влияние и распространение произведений некоторых из них в основном не выходило из границ той или иной общины, как это имело место, например, в случае известного, всеми уважаемого духовного наставника К.М.Алексеева, бессменного настоятеля Троицкого храма в г. Друя. Другие получали весьма широкую известность своим писательством, а точнее проповедничеством с помощью написанного, рукописного слова к единоверцам, расхвалившегося в большом числе списков как в самой II Речи Посполитой, так и за ее пределами, преимущественно в Латвии, Литве и Эстонии,

Духовные наставники в межвоенной Польше руководствовались и неким собственным писательским кодексом, суть которого может быть кратко выражена в толковании духовного наставника Ф. Кузнецова: «Имеючи убо всяко тщание и подвизание к сохранению и утверждению древлеблагочестиваго святоотеческаго предания, лобызая и с любовию объемля правила св. Апостол, седми Вселенских и девяти Поместных Соборов и св. Отец, яже написашася силою и благодатию Святаго Духа — чрез богомудрые церковные учителя, и присно желая оным всегда быти непревратными, непоколебимыми и во веки нерушимыми» [16. С. 9]. Для каждого члена общины духовный наставник становился главным помощником в поиске «церковной истины, ...в вопросах веры, ...в канонических и церковных запросах», —

как рассуждали сами наставники в своих многочисленных рукописных посланиях.

Отдельные духовные наставники межвоенной Польши, а общее их число доходило тогда до 50 человек, благодаря своим писательским трудам и по сей день весьма известны среди старообрядцев. Среди самых замечательных старообрядческих книжников должен быть назван и духовный наставник Покровского храма в Вильно, старец С.Ф.Егупенок.

О. Симеон родился в г. Видзы в 1850 г., в 1896 г. он становится духовным наставником во Пскове, с 1906 г. служит вторым духовным наставником в Вильно, годы беженства (1915—1918) проводит в г. Бобруйске, где когда-то (в 1870—1890-е гг.) был головщиком, в 1918 г. возвращается в свой приход в Вильно и служит здесь до конца своих дней (15.03.1934). К величайшему сожалению, бóльшая часть литературного наследия этого выдающегося старообрядческого проповедника, литургиста, историографа и поэта, видимо, безвозвратно утрачена. Сохранившееся из его писаний дает представление о нем как об искусном мастере внутри-старообрядческой полемики, наставнике в самых различных вопросах духовной жизни. Гомилетическое творчество, гомилетическое искусство о. Симеона надолго оставалось образцом в старообрядческой среде, а память о нем до сих пор жива в старообрядческом мире. Некоторое представление о поэтических писаниях о. Симеона может дать стихотворное послание одноверцам «К Рождеству Христову» (1920-е гг.), отображающее многие литературные новации как самого писателя, так и большинства его старообрядческих собратьев по перу:

«Вся земная природа под снежной пеленой покоится и мирно дремлет,
А дух мой, в предчувствии чего-то, радостно и бодро внемлет.
Вокруг вода уж льдом покрылась и в твердый камень природа обратилась,

И песнь веселая пернатой птички смолкла вдруг — и прекратилась.

В саду ж деревья, что старички седые, понутив головы задумчиво стоят,

И, белоснежным инеем окутавшись, тоскливо на меня теперь глядят.

Но я унылое мышление на этот миг поспешно ныне оставляю,

И радость общую для мира и людей торжественно сейчас встречаю.

При виде на небе сияния звезды, в пучину новых дум я погружаюсь,

И милосердию сошедшаго с небес Царя царей премного умиляюсь.

Как Он, оставив храм на горней высоте, и светлаго чертога красоту,

Сошел на землю в мир искать ничтожную людскую нищету.

И сонма серафимов, грозный Царь, повит, пригрет, худыми пеленами,

В скотских яслях ныне возлежит, как человек меж нами.

И пастыри в вертепе том предивному событию сему дивятся:

Волхвы ж с дарами на поклон к Царю-Царям спешатся;

И Мельхиор со златом, и Гаспар с ливаном и Валтасар смиренно подходили

К яслям, где Христос, и Богоматерь колено преклонив, дары свои вручили.

Звезда же, путница, что в темном небе ныне ярко миру возсияла,

Спустилась вниз на землю вдруг и близ рожденного Младенца стала.

И свет ея огнистый, лучезарный, она повсюду широко и ярко изливала,

И тем волхвам к Младенцу путь кратчайший «аки перстом» им указала.

Ведомые звездой волхвы, шагами тихими к сему вертепу подступали,

И затаив дыхание, с душевным трепетом, во внутрь его взирали.

А мать Господа, Мария Дева, гостей далеких радостно,
приветливо встречает,
И за дары Младенцу, Сыну Своему, благодарит и на поклоны
тихо отвечает.
Богатые ж цари, пришедшие в вертеп, и грозные земные боги,
Дивятся, шепчутся в тиши, какие у Царя небес прежалкие
чертоги.
Вертеп Господен сумрачен: воистину, убог и скромн, он
холоден и мал,
В нем кабинета нет, как нет просторных комнат и светлых
зал;
В нем вместо мебели и стульев бархатных и пышнаго стола
Стояла лишь природой сотворенная, отвесная и грозная скала.
И ясли грубые собой кроватку детскую Младенцу ныне
представляют,
А сено твердое Ему перинку мягкую и ряд подушек заменяют.
Не сервирован винами и явствами Младенца скромный стол,
Лишь в глубине за яслями — в тени, стоял осел Иосифа, да
вол.
И вместо царской багряницы простыя пелены Младенца тело
прикрывали,
Осел же наш, а с ним угрюмый вол ему прислугу заменяли.
И по ночам при холоде не раз своим дыханьем Младенца тело
согревали,
И должность слуг Царю и Господу усердно этим выполняли.
Ни драгоценных вин, ни кухни со стряпней и поварами здесь
не видно,
Одна лишь нищета в вертепе том казалася пришельцам
очевидно.
С улыбкой дивною Младенец радостно кругом на них
взирает,
И всем трудящимся во Царствии своем небесную награду
обещает.
Мария ж Дева — Мать гостей персидских тепло, заботливо
там принимает,
И вместо явств и сладких вин словами кроткими, что хлебом
их питает.

Взамен тимпанов, музыки бряцанья и громких вогласов
свирели,
Соим ангелов с небес предивно, сладко Богу славу в вышних
пели.
И песнь небесных ангелов, певцов безплотных, над Виф-
леемом громко оглашалась,
Что родился Спаситель наш и весть о сем в ряд быстрых
молний облекалась.
Волхвы и пастыри с Иосифом — отцом сказаньям вещаго
пророка убедились,
Младенцу-Богу, падши до земли, смиренно, склонив колена,
тихо поклонились.
И слезы радости, что бриллианта блеск, по умиленному лицу
из глаз у них катились,
А весть о Господе, пришедшем к нам, по всей земле уже
распространилась.
Небесная картина та свята для мира христиан; она про-
рочески открыта,
И на иконе Рождества, изображением своим осталась также
не забыта.
Изображен на ней вертеп: Младенец в яслях, Богоматерь,
волхвы с дарами,
Иосиф-старец, с ним Соломония, осел и тощий вол и пастухи
с трубами.
Звезда лучами яркими сияет, а ангелы волхвам о чуде том
вещают,
И все в безмолвии стоят, и бережно Младенца колыбельку
окружают.
Иосиф-старец в думу погружен, сидит в пещере, что-то раз-
мышляет,
И нам, сынам земли, о мудрости Творца небес и о пророчест-
ве вещает.
Строками этими я стих свой продолжать писать теперь
кончаю,
И чтущаго духовно с Христовым Рождеством сердечно позд-
равляю.
С высоким праздником ко любящим Христа, привет свой
ныне посылаю,

И много лет им здравствовать сердечно всем я от души
желаю.

Ученых грамотеев — за промахи в стихах прошу меня Вы
извините,

А лишь усердие мое, любовь и труд, как знаете так и цените.
Найдутся в нем неточности, неровности в стихах и
нелогичность слов.

А это потому, что их писал не грамотей, а самоучка старец и
не богослов.

Не для похвал на этом поприще я здесь смиренно потрудился,
А чтобы каждому сказать о том, в чем сам я убедился.

Но разумом моим всех милостей и доброты Творца вселен-
ных не описать,

Я о едином лишь Тебя молю — мне душу грешную дай
помощи спасать.

О, цвете райстии, сидяй в небесех, о жителю превышняго
Сиона!

В своих молитвах у Творца, ты не забудь, писателя сего и
старца Симеона».

Прозаическое слово духовного наставника, обращенное к своей пастве, было в межвоенной Польше самым распространенным. При этом нужно говорить о многожанровости прозаических сочинений, иногда имеющих характер комбинированности, когда в одном произведении был представлен весьма причудливый сплав различных словесных форм и стилей. Были наставники, которым удавалось писать очень просто и ясно, пользуясь по преимуществу лишь средствами русского литературного языка, порой с частой примесью просторечия или даже чисто местных слов и выражений. Их сочинения очень любили в сельских общинах. Некоторые наставники, в основном люди весьма преклонного возраста, употребляли довольно много церковнославянских слов и выражений, представляя в этом смысле «консервативное» направление, борьба с которым и эволюция которого в старообрядчестве очень заметны начиная с первых дней его истории. Почти все старообрядческие писатели, заслужив-

шие признание за свой литературный труд, не были консерваторами в языке, являясь скорее новаторами, причем, нередко и в общерусском смысле, как это случилось, например, с протопопом Аввакумом. Вместе с тем, в условиях межвоенной Польши некоторые традиционные литературные жанры сохраняли свою старинную форму, порой даже древнерусскую оболочку. К их числу принадлежат и отдельные жанры «слова», среди которых «слово-обращение», являлось, пожалуй, самым распространенным и любимым, когда личность наставника-писателя раскрывалась перед всей его паствой наиболее полно, а его учительство было зримым, всегда наполненным призывами к конкретному духовному деланию, духовной работе. Таково «слово-обращение» духовного наставника С.Е. Петрова, руководителя общины в городке Свирь на крайнем северо-западе нынешней Минщины к слушателям вечерних старообрядческих курсов, которые он сам и организовал при своей общине в начале 1930-х гг.

«Милые мои духовные дети! — обращался к слушателям свирских курсов духовный наставник С.Е. Петров, — слезно прошу и молю Вас, будьте всегда внимательны к поучению Закона Божия, ибо оно есть Божиим повелением, исполнением Божественной заповеди. Мой долг, моя святая обязанность внушить вам подробно то, что всем нам верующим христианам необходимо знать. Каждому христианину подobaет знать, во что он должен верить, как молиться Богу и укреплять себя надеждой на помощь Божию и, наконец, как проводить свою земную жизнь, чтобы получить вечную и блаженную жизнь после смерти.

Дорогие дети, необходимо нам знать Закон Божий, ибо в нем излагается душевное наслаждение, сладшее паче меда, ценнейшее паче злата и сребра и прочих благ земных.

Истинные христиане всегда должны сохранять во всей нерушимости тот церковный строй, который держался в Христовой церкви до лет Никона и который способствовал

ея духовному росту вместе с численным ростом последователей правой Христовой веры, и знать, как исторические обстоятельства сложились против истинных чад церкви и как они были преследуемы за свое исповедание.

Гонимые за веру Христову два с половиною века ревнители древняго благочестия на лишены были, однако, возможности проверять себя в правильности исполнения принятых от предков обычаев и церковнообщественных правил. Соединенные общим несчастьем по 2—3 семьи, христиане составляли домашние церкви в лесах, пустынях и на границах соседних держав. И в этих церквах свято и неукоснительно, несмотря на все препятствия, совершался полный круг богослужений, хоть и без иерархических чинов, лишившихся в то время по промыслу Божьему благодатных сил с принятием реформы Никона. Немного осталось последователей благочестия, господствовавшего в России от св. Владимира до второй половины царствования Алексея Михайловича, но эти немногие отличались силою своей веры и красотой нравственной жизни, и, несмотря на все лишения и невзгоды, вызванные преследованиями, сумели сохранить и передать нам в чистоте правую веру. Могучими духом и сильными верой были эти борцы за заветы св. Церкви. Епископ Павел Коломенский, протопоп Аввакум и другие стояли твердо и непоколебимо за веру Христа, несмотря ни на какие невзгоды, а мучения их явились залогом непоколебимости св. Веры их последователей.

Дорогие дети, и мы должны пойти по стопам наших предков и борцов за веру Христову, познавши ее и Закон Божий. Милостивый Господь с высоты своего престола зажег зарю светлаго солнца, которая осветила наш род христианский, затворенный более двухсот лет темницы. Мы должны возблагодарить Бога, что Он позволил нам ныне свободно воскресить в памяти древние времена и свободно познавать Законы Веры. Последуем же ныне призыву наших дорогих вождей, найдем же время, объединимся вокруг

Слова Божия, и будемте познавать его премудрость и величие.

Много сил, много забот положено в помощь нам на осуществление сего великаго, святаго и близкаго сердцу каждаго из нас дела. Трудами и тщанием Высшаго Старообрядческаго Совета создаются по лицу земли при наших общинах курсы церковнаго пения и изучения Слова Божия, создаются религиозно-просветительские кружки молодежи с библиотеками и читальнями, а в школах свободно преподается Закон Божий. Вознесем же всемилостивому Господу Богу сердечные молитвы о здравии и спасении душ наших неутомимых труженников на ниве многополезнаго начинания религиознаго просвещения — семейства Пимоновых и их достойнейших сотрудников, положивших краеугольный камень в деле нашего церковнаго строения и безпрестанно несущих, как рабочая пчела, свой труд. Своим призывом — разжечь светильник древняго благочестия и им освещать пред собою наш жизненный путь они возбудили в наших сердцах такие чувства, какие дети Христовой Церкви давно не переживали и давно не испытывали. Это от пламени их светильника возожглись уже многие светильники по всей нашей земле во славу Вседержителя Бога. Пусть же и наш светильник затеплится нашим усердием, прилежанием и священным огнем ревности в службе Божией.

Поэтому молю и прошу Вас нелицемерно постарайтесь всеми силами воспользоваться такой прекрасной возможностью почерпнуть воду живу для исцеления наших душевных недугов. Не будемте же последними, не лучше ли нам обрести славу и честь, нежели позор и впасть в нечестие, в христианское небытие.

Аминь.

Дух. наст. С.Е. Петров».

Большое влияние на «польских старообрядцев» оказывал хорошо известный своей подвижнической деятельностью, литературными и археографическими трудами И.Н.За-

волоко. Будучи членом Совета Рижской Гребенщиковской Старообрядческой Общины, одной из самых влиятельных в старообрядческой среде всех согласий, И.Н.Заволоко после окончания в середине 1920-х гг. знаменитого Русского юридического факультета при Пражском университете⁵ с удивительной энергией принимается за литературную и издательскую деятельность, которая по его мнению могла в значительной мере помочь возродить старообрядчество, укрепить его основы, способствуя тем самым возрождению и поддержанию общерусского культурного начала. С 1928 по 1933 г. И.Н. Заволоко издает в г. Риге иллюстрированный «древле-православный исторический» журнал «Русская старина», сыгравший, без преувеличения, колоссальную роль в открытии русских духовных сокровищ и пробуждении интереса к ним не только среди старообрядцев. Тоже самое можно сказать и о «Кружке ревнителей русской старины», который организовал и которым руководил И.Н. Заволоко. Деятельность кружка, литературные труды его участников и самого И.Н. Заволоко были хорошо известны среди «польских старообрядцев»⁶, которые высоко ценили роль И.Н. Заволоко

---

⁵ Русский юридический факультет в Праге в действительности стал своего рода «русским Оксфордом» для всех находившихся в русском рассеянии. Факультет и его профессора многое сделали для сплочения молодых сил Русского Зарубежья, их образования, дальнейшей разработки, культивирования и толкования «русской идеи». Все это в той или иной мере оказало влияние и на взгляды студента факультета И.Н.Заволоко.

⁶ По имеющимся материалам можно утверждать, что наиболее популярны среди старообрядцев межвоенной Польши были отдельные номера журнала «Русская старина», например, № 13 (Рига, июль 1933), посвященный знаменному пению; «Духовные стихи старины», записанные И.Н.Заволоко (Рига, 1933), «Духовные стихи старины: Слова и напевы записаны И.Н.Заволоко в д. Войнове (Вост. Пруссия) 20 августа 1936 г.» (Рига, 1937), а также его книги «О старообрядцах г. Риги» (Рига, 1933), 2-е издание «Учебника по Закону Божью» (Рига, 1936), «История Церкви Христовой» (Рига, 1937).

как старообрядческого писателя, издателя и организатора. Иван Никифорович был частым гостем в межвоенной Польше, его хорошо знали и он хорошо знал не только старообрядчество городских центров, но и периферии. Его поездки по глухим уголкам всегда сопровождались поисками памятников старины и некоторые из них были по сути настоящими экспедициями, результатами которых он стремился как можно скорее поделиться с самой широкой читающей и слушающей аудиторией. Все эти обстоятельства способствовали тому, что на «межгосударственном совещании представителей руководящих старообрядческих организаций из Латвии, Литвы, Польши и Эстонии», состоявшемся в сентябре 1938 г. в Вильно, И.Н. Заволоко был избран в качестве главного действующего лица в межгосударственной редакционной комиссии, которой поручалось вести все литературно-издательское дело старообрядцев этих государств. В итоговых документах совещания по этому поводу, в частности, говорилось: «Совещание посвятило особое внимание вопросу планового издания необходимых богослужебных книг, учебников и пособий, а также периодических и непериодических изданий. Совещанием принят был подробный план такого издательства, на ближайшее пятилетие, включающего между прочим кроме указанного уже потребника, издание апологии Старообрядчества (позитивной и полемической), а также издание 2-х журналов, одного монографического характера, посвященного вопросам религии, истории и искусства старообрядцев и второго популярного религиозно-нравственного ежемесячника. Постановлено, что на реализацию этих издательств органы Центральных управлений Восточной Старообрядческой Церкви Литвы, Латвии, Польши и Эстонии сделают специальные бюджетные ассигнования. Фактическая реализация принятой совещанием издательской программы поручена межгосударственной редакционной

Комиссии во главе с Б.А. Пимоновым, И.А. Прозоровым⁷ и И.Н. Заволоко» [17. С. 49]. Иван Никифорович вел активную переписку со многими старообрядцами в межвоенной Польше, часто оказывал им различную помощь, включая и книжную. Без преувеличения можно сказать, что он существенно влиял и на духовных наставников старообрядчества Польши⁸. Влияние его чувствуется на этих территориях и по сей день⁹.

---

⁷ И.А. Прозоров был председателем Литовского Центрального Старообрядческого Совета.

⁸ В «Уставе Восточной Старообрядческой Церкви, не имеющей духовной иерархии, в Польской Республике», утвержденном в 1928 г., о духовных наставниках говорится следующее: «Ст. 57. Для совершения богослужений и исполнения иных религиозных нужд общины избирают духовных наставников (параграф 47). Из среды избранных лиц не могут быть утверждены Высшим Старообрядческим Советом на должности духовных наставников: а) лица, не отвечающие каноническим требованиям; в) лица, не имеющие польского подданства и не владеющие польским языком; с) лица, не достигшие 35-летнего возраста; d) лица, признанные по суду виновными в преступлениях или в заслуживающих наказания проступках совершенных с корыстной целью или противных нравственности; e) лица, осужденные за преступления, влекущая за собой лишение или ограничение прав; f) лица, против коих возбуждено судебное следствие по обвинению их в преступных действиях; g) лица, деятельность которых идет в разрез с безопасностью Государства; h) лица, лишенные правоспособности до момента восстановления в правах.

Ст.58. Для получения прав и привилегий, присвоенных духовным наставникам, лица, избранные на эти должности, должны получить утверждение Высшего Старообрядческого Совета. Перед утверждением избранного духовного лица Высший Старообрядческий Совет осведомляется у соответствующего воеводы: не ставят ли государственная власть каких либо препятствий по отношению к кандидату. Неполучение ответа от воеводы в течение 30 дней уполномочивает Высший Старообрядческий Совет к утверждению выборов духовного наставника.

Ст.59. По соглашению с Министерством вероисповеданий и просвещения духовные лица имеют право носить установленные духовные одежды, устраивать религиозные крестные ходы, церковные торжества и т.д.

Ст.60. Отношение старообрядческих духовных наставников к правительственным властям, распоряжениям и законам определяется словами Христа: «Воздайте Богови — Божие, а кесарю — кесарево» (Мат. XXII-21), и правилами Св. Апостолов, научающих послушанию и верности властям; в своей же деятельности пастырской они должны руководствоваться правилами, изложенными в деяниях Св. Апостола Петра, наказующаго «поучать вверенных их попечению верующих послушанию властям для Бога» (деяние Св. Апостола Петра) и «воспитывать их добрыми гражданами государства» (посл. Ап. Петра к Римлянам).

Ст.61. Отстранение духовного наставника от исполнения им духовных треб и лишение права ведения книг гражданского состояния, а также лишение его всех прав и привилегий, вытекающих из параграфа 14 распоряжения Президента Польской Республики от 22 марта 1928 г. об отношении Государства к Старообрядческой Церкви, происходит в силу распоряжений Высшаго Старообрядческого Совета: а) по требованию воеводы (параграф 15 распоряжения Президента Республики от 22.III.1928 г.), б) в случае удостоверения Высшим Старообрядческим Советом факта совершения духовным наставником преступных действий; в) в случае утверждения Высшим Старообрядческим Советом постановления общего собрания членов соответствующей общины об увольнении духовного наставника (параграф 47), d) по постановлению решения Духовного Суда; e) в случае вошедшаго в законную силу приговора правительственных судов при совершении духовным наставником проступков, предусмотренных в п. d, f, g и в случае п. h параграфа 57.

Высшему Старообрядческому Совету принадлежит право временного приостановления от исполнения обязанностей виновных духовных наставников, в отношении которых производится еще дознание и до окончательного определения, предусмотренного в настоящем параграфе.

Ст.62. Лишение канонических духовных прав, присвоенных духовным наставникам, происходит на основании: 1) приговора Духовного Суда или 2) постановления Всепольскаго Собора. Приговоры эти и постановления подлежат объявлению Высшим Старообрядческим Советом (ст.25, п. h).

Ст.63. Каждый духовный наставник может одновременно быть преподавателем Закона Божия во всех школах своего прихода, в которых обучаются дети старообрядческаго вероисповедания. Полномочия на право преподавания Закона Божия духовные наставники получают от Высшаго Старообрядческаго Совета. В случае необходимости подобныя полномочия могут получать религиозныя светскія лица.

Сотрудничество старообрядцев Прибалтики и Польши межвоенного периода, определившееся уже в 1920-е гг., в значительной степени обуславливалось общностью проблем. К ним относилась и проблема чтения церковнославянской литературы, проблема понимания и владения церковнославянским языком, обучения ему старообрядческой молодежи. «В народных школах, где позволяют это законы страны, желательно приобретение небольшого навыка в церковном чтении и усвоения форм языка. Гораздо успешнее может развиваться процесс церковного чтения в школах домашних или церковно-общинных, что принесет благие плоды лишь в том случае, если параллельная церковная школа не будет мешать общеобразовательной школе и если почин открытия и содержание такой школы будет принадлежать самой общине, как духовной семье» [18. С. 8]. В старообрядческой периодике межвоенной Польши появляется множество статей, посвященных этим вопросам. Одна из лучших, «О пользе чтения книг священного Писания», принадлежит перу П.И. Киселева [19. С. 13-15]. «Равнодушное отношение к духовной литературе, — писал П.И. Киселев, — замечается уже не только среди подрастающего молодого поколения старообрядцев, но и среди некоторых, убеленных сединою, старцев, отцов семейств и даже духовных наставников.

Многие современные семьи старообрядцев не только не имеют у себя в доме книг священного Писания, как св. Евангелие, Апостол и Псалтырь, но даже небольших молитвенников, с необходимыми для каждого христианина повседневными молитвами и псалмами.

Ст.64. К обязанностям утвержденных духовных наставников относится ведение книг гражданского состояния лиц старообрядческого вероисповедания, причем за эти обязанности они могут получать из Государственной Казны соответствующее вознаграждение».

⁹ И.Н. Заволоко умер в г. Риге в 1984 г. В советское время ему пришлось провести около 20 лет жизни в лагерях и ссылке.

В старое доброе время, истинноверующие христиане любили духовную литературу, с великой духовной радостью приобретали, запрещенная к продаже русским правительством, древние книги св. Писания, с благоговением изучали таковые, укрепляли ими свой дух и живую веру и хранили их в домах на «горнем» месте — под образами, в красном углу.

Эти книжные накопления у многих старообрядцев превращались в ценнейшие библиотеки религиозного характера, которые передавались из поколения в поколение и считались своего рода священными реликвиями и гордостью каждого владельца таковых.

Однако, тяжелые годы войны и беженства, а также события последних лет, связанные с гонениями на св. Церковь в нынешней России, разбросали ценнейшие хранилища св. Писания по городам и весям и лишили большинство старообрядцев возможности дальнейшего собирания книг духовного содержания.

Вместе с тем трудность приобретения книг св. Писания на книжном рынке, из-за полного отсутствия их в продаже, способствовало тому, что нынешнее старообрядчество стало постепенно отвыкать от чтения книг духовного содержания, появилось равнодушие к Слову Божию, а вместе с сим уменьшилось и стремление среди христиан к приобретению и накоплению названных книг... Горя искренним желанием возможно полнее подготовить молодое поколение старообрядцев к восприятию истин веры Христовой, передовое старообрядчество Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Румынии стало в последнее время весьма заметно пробуждаться; появилось стремление направить старообрядческую и церковную жизнь в надлежащее русло, дать ей определенную форму — в виде устава св. Церкви, устроить ее внутреннее управление, приступить к изданию книг и журналов духовного содержания и учебных пособий по изучению Закона Божия.

В указанных выше странах учреждены были центральные управления св. Церковью, созваны старообрядческие съезды и Соборы, которые своевременно приступили к разработке основных положений Церкви в каждом государстве и вопросов, связанных с религиозным воспитанием молодого поколения.

Высший Старообрядческий Совет в Польше также не остался равнодушным к общему пробуждению старообрядчества и, принеся в жертву значительную часть своих скудных сбережений, ревностно приступил к изданию книг духовного содержания, одновременно выпустив в свет и ряд учебных пособий». Следует помнить, что «славянская азбука, часовник, псалтырь, шестоднев, канонник, четии-минеи, Страсти, Златоуст» [18. С. 8.] продолжали тогда составлять «основной материал обучения» молодых старообрядцев. Однако всего этого в новых условиях уже было недостаточно. Необходима была специальная учебная литература, одним из творцов которой, наряду с другими видными старообрядческими интеллектуалами, для «польских старообрядцев» стал и И.Н. Заволоко.

*   *
*

Православная церковь в межвоенной Польше проявляла большой интерес к некоторым сочинениям старообрядческих авторов. Среди духовенства и верующих Православной церкви в Польше необычайной популярностью пользовались книги и брошюры известного старообрядческого начетчика, уставщика Старообрядческой церкви в Кишиневе Ф.Е. Мельникова, который до своего отъезда из СССР «вел, с большой опасностью для себя, ожесточенную идейную борьбу с большевицкой идеологией» [20. С. 92]. Секрет подобной популярности был в том, что Ф.Е. Мельников, обладая несомненным писательским талантом и даром проповедничества,

весьма успешно и бесстрашно полемизировал не только с отдельными видными идеологами атеизма в СССР, причем открыто, на публичных диспутах, собиравших множество слушателей, но и всей советской атеистической системой в целом, практически всегда побеждая. «Острие его блестящей диалектики, отточенное раньше в долголетних бесконечных спорах с беспоповцами, сектантами и миссионерами господствующей церкви, сейчас почти исключительно направлено в защиту основ человеческой религиозности вообще», — писал о нем, также находясь в эмиграции, потомок известного рода старообрядцев-поповцев В.П. Рябушинский.

«Защите основ человеческой религиозности» прежде всего и были посвящены произведения старообрядческого книжника Ф.Е. Мельникова, широко разошедшиеся среди православных в межвоенной Польше. Священный Синод Православной церкви в Польше постоянно рекомендовал их для чтения верующим, большое число экземпляров этих книг находилось на Синодальном складе в Варшаве, купить их можно было и в приходских церквях, а также получить во многих церковных библиотеках¹⁰. Наконец, несколько книг Ф.Е. Мельникова переиздала в Польше варшавская Синодальная типография. В 1933 г. в Варшаве были перепечатаны его «Безбожники сами верующие, хотя и бессознательно: Непредвиденный диспут при приеме на пчеловодче-

---

¹⁰ Помимо произведений Ф.Е. Мельникова, таких, как «Мир по единогласному учению великих авторитетов науки создан Богом», «Ответ на вопрос безбожников: “Откуда взялся Бог?”», «Современное безбожие опровергаемое им самим», «О человеческой душе и ее происхождении», «Отвергает ли наука веру в Бога», «О безбожнических и христианских догматах, таинствах и обрядах», «Нужна ли вера в Бога?», «Спутник Христианина» и других, напечатанных в Кишиневе в 1930-е гг., среди православных в межвоенной Польше расходились и сочинения других старообрядческих авторов, например, лекции известного старообрядческого епископа Кишиневского, прежде Нижегородского, Иннокентия «В защиту религии», печатавшиеся в те же годы в Кишиневе.

ские курсы в Советской России», «Основы безбожия», «Безбожие недоказуемо», а в 1934 г. даже «О сектантском священстве».

Столь заметный интерес к сочинениям Ф.Е. Мельникова — еще одно свидетельство возможности взаимопонимания и сближения старообрядцев и новообрядцев, о котором писал потомок старообрядческой династии Рябушинских В.П.Рябушинский: «Теперь нам время подойти к важнейшему вопросу, который всегда приходит в голову, когда говорят о старообрядчестве. Почему оно продолжает быть, почему братья не сойдутся?»

Думается, потому, что у них пока все еще разная тональность, разный характер религиозного чувства. Это — первопричина, а различие в обрядах - лишь следствие.

Снятие клятв собора 1666-7 года — великое дело, но это еще не все.

Однако нужно сказать, что сближение происходит. Старообрядцы не только умом, что было и раньше, но и чувством живей воспринимают вселенский, не русский только, характер православия...

С другой стороны замечаем, как господствующая церковь сбрасывает многое навязанное Петром I-м: видим патриаршество, видим и другие признаки возврата древнего духа, например, — точно под влиянием тайного подсознательного действия старообрядческих идей, — происходящее какое-то естественное, никем не приказанное, почти повсеместное водружение восьмиконечного креста, и предпочтение, оказываемое нередко по-старому написанным иконам перед образами итальянского пошиба.

Чуем дух древлего благочестия и во многих писаниях современных авторов, особенно у Шмелева. Ему это впрочем легко, ибо стихия, его породившая — мужичья стихия, создавшая московское купечество, из которого этот писатель происходит.

Однако, несмотря на такие благоприятные признаки, есть одно обстоятельство, которое может сильно задержать или даже помешать сближению: — сильно развивающееся в последнее время пристрастие в богословскому блужданию на гностической подкладке в интеллигентских кругах великороссийской церкви, считающих себя преданными православию» [20. С. 92].

Сближение это было тогда тем более возможно, а отчасти, в чем-то, как видим на примере литературного обмена, и осуществлялось, что и старообрядцы и новообрядцы во многом оказались в одинаковых социально-политических условиях. И если в СССР все они гонимы были одинаково, а господствовавшая ранее Русская Православная церковь сама теперь превратилась там во всемерно гонимую, то в межвоенной Польше старообрядцы попали почти в привилегированное положение, в то время как Православная церковь испытала на себе силу государственного диктата, включавшего порой настоящие военные погромы и постоянное варварское разрушение сотен храмов, включая крупнейшие городские соборы, в том числе замечательнейшие памятники мирового искусства, такие, например, как Александро-Невский кафедральный собор в Варшаве, уничтоженный властями в 1920—1926 гг.¹¹

Гонение во многом объединяло тогда русских старообрядцев и новообрядцев. «Свидетельство того, что дух старых ревнителй древлего благочестия возрождается сейчас и в нестарообрядческой среде, — писал В.П. Рябушинский, — находим во многих теперешних даже печатных источниках, уже не говоря о тайных, рукописных.

---

¹¹ Гибель этого памятника, часто называемого «восьмым чудом света» [21. С. 4], создававшегося по проекту Л.Н. Бенуа и расписывавшегося лучшими художниками России, сравнима лишь с разрушением храма Христа Спасителя в Москве.

“Наступили времена выполнения предсказаний Господних. Антихрист властвует над Русью”.

Другое: “Постоим, православные, за веру христианскую, не дадим восторжествовать антихристу”.

Можно думать, что это взято из “раскольничьих”, выражаясь казенным слогом, “тетрадок” 17 и 18 веков — язык тот же самый, но так напечатано в современных большевицких журналах, где описывались случаи сопротивления верующих, принадлежащих к бывшей госпоств. церкви, при закрытии церквей, снятии колоколов и т.д.

В России идет сейчас отчаянная борьба за душу, борьба еще более грозная, чем та, что шла при Петре: тогда удалось только частично искалечить душу русского народа — теперь хотят ее добить окончательно. Явление это настолько важно, что все остальное, происходящее в России, ничто перед ним. И вот можно сказать: одолеет в этой борьбе, отстоит свою душу русский народ лишь тогда, если во всем нем возродится и разгорится тот старообрядческий дух, об отдельных случаях проявления которого было только что сказано...

Думается, что и сейчас призвание старообрядцев состоит в том, чтобы находиться в первых рядах тех русских людей, которые и в подъяремной России, и за рубежом, кому как Господь посылает, кровью своей и муками, или же безропотным несением креста и безбоязненным исповеданием веры христианской, спасают русскую душу от заповенения ее сатанинской прелестью» [20. С. 95—96].

Фотография духовного наставника Симсона Федоровича Егупенка

Литературное творчество «православных поляков»

К середине 1930-х гг. во II Речи Посполитой, преимущественно в северо-восточной ее части, оформилось движение, получившее именование «польского Православия» [1. С. 123—126]. В оценке этого явления немногочисленные историки из самых различных, порой противоположных лагерей почти единодушны — оно в конечном итоге могло серьезным образом повлиять на национальный характер местного православного населения, прежде всего белорусов, если бы не началась II мировая война [2. С. 170—184; 3. С. 202—206]. Весьма интересна оценка этого движения, сделанная изнутри — представителем сельского приходского духовенства с Подляшья, который дает ему резко отрицательную характеристику, солидаризируясь, по его словам, с абсолютным большинством местных православных, духовных и светских [4].

Точную дату возникновения данного движения определить невозможно, однако несомненно, что его начало было связано с усилившейся в первой половине 1930-х гг. работой по переводу многих церковнославянских текстов на польский язык, прежде всего с созданием в ноябре 1934 г. специальной Комиссии по переводу под руководством епископа Саввы (Советова) [5]. Примечательно, что деятельными членами этой Комиссии были профессора Отделения православной теологии при Варшавском университете, где преподавание велось на польском языке, а также руководство православного капелланства.

9 декабря 1934 г. в г. Белостоке состоялось первое собрание «Поляков православного исповедания», на котором председательствовавший Александр Савицкий зачитал резолюцию, призывавшую употреблять польский язык при произнесении проповедей [6. С. 99]. Духовным опекуном движения, поддержанного воеводской администрацией и военным православным духовенством, стал о. Ростислав Олехно-

вич, недавний выпускник Отделения православной теологии Варшавского университета. Через месяц эта группа направила православному архиепископу Антонию петицию, в которой требовала выделить для «Поляков православного исповедания» особую церковь, где они могли бы проводить свои богослужения [7. С. 244]. В апреле 1935 г., несмотря на весьма малый успех движения, в Белостоке было зарегистрировано общество «Дом Православных Поляков им. Юзефа Пилсудского», а еще через полтора года в Гродно, со временем ставшим центром движения, появился «Дом Поляков православного вероисповедания им. Короля Стефана Батория».

«Многим казалось, — писал очевидец событий А.Сви-тич, — что основателями этого Общества являются чиновники, прибывшие в Гродну из центральных воеводств Польши и принадлежавшие к так называемому “Польскому Национальному Костелу”. Однако, оказалось, что инициаторами создания Общества были жители города Гродны, известные там доселе, как русские и белорусы по национальности, а именно: сын Гродненского (дореволюционного времени) Уездного Исправника Иван Марцинкевич, б. офицер Белорусской Армии Аркадий Артишевич, житель гор. Бреста на Буге Александр Ананченко и сын станового пристава Борис Смольский» [2. С. 171].

Постепенно движение «Поляков православного вероисповедания» расширяло географию своей деятельности, основывая соответствующие общества и их отделения во всем Белостокском воеводстве и в гораздо меньших масштабах в Виленском и Новогрудском воеводствах. Общее число приверженцев данного направления едва ли превышало несколько сот человек, хотя сами его лидеры называли весьма фантастичную цифру более чем в полмиллиона последователей [8. С. 12—13]. Тем не менее, постоянная поддержка государственных властей, наличие весьма деятельного инициативного ядра, достаточная лояльность церковной иерар-

хии и самого митрополита Дионисия, способствовали созданию в движении ряда структур, значение и влияние которых на православную жизнь в Польше становилось все более заметным. Прежде всего это коснулось практически повсеместной попытки введения в церковный обиход польского языка и польскоязычных православных текстов, польскоязычной православной литературы, появление которой отмечается уже в 1920-е гг. [9. С. 29—47].

«Православные поляки», провозгласившие в 1938 г. польский язык единственным языком школьного образования православных в Польше, в конце концов, несмотря на массовые протесты со стороны прихожан и духовенства, придерживаться той точки зрения, что польский язык вообще является главным языком всей православной культуры в государстве. Апогеем такого подхода стало создание в Гродно «Православного Научно-Издательского Института», торжественно открытого 7 декабря 1938 г.

Институт ставил перед собой масштабные задачи, реализация которых в значительной мере могла бы изменить характер православной жизни в Польше. Работу Института планировалось вести в шести секциях: теологической, исторической, архивно-библиографической, «православной энциклопедии», терминологической и церковного искусства. Особой частью Института становился его издательский отдел, тесно сотрудничающий со всеми шестью секциями. Предполагалось, что в ближайшее время издательский план Института включит следующие позиции:

- 1) проповеди для священников;
- 2) научное периодическое издание теологического характера для духовенства и интеллигенции;
- 3) различные молитвенники;
- 4) всевозможные календари;
- 5) школьные учебники;
- 6) издание иконок и различных литовок религиозного плана.

Языком всех изданий, разумеется, должен быть польский, на котором предполагалось создавать новую литературу путем перевода или же написания оригинальных работ. Наиболее трудным делом во всем этом был перевод православного богослужения на польский язык, против чего выступали не только многие православные, что естественно, но и католики, в том числе иезуиты. Созданная в ноябре 1934 г. Комиссия по переводу православных богослужebных книг на польский язык за два года смогла подготовить перевод текста литургии св. Иоанна Златоуста, Благодарственного молебна и панихиды. В срочном порядке Священный Синод рассмотрел и одобрил эти переводы и 11 ноября 1936 г. в присутствии членов правительства и дипломатического корпуса в Варшаве состоялась торжественная православная служба на польском языке.

Через пять дней после этого события митрополит Дионисий направляет в Министерство религиозных исповеданий и народного образования письмо с просьбой начать финансирование издания богослужebной православной литературы на польском языке [10. Л. 147]. Это было началом регулярного издания литературы «православных поляков», осуществлявшегося Варшавской Синодальной типографией и другими типографиями Варшавы и Гродно.

Первоначальная нехватка богослужebных текстов на польском языке устранялась путем их переписки, что на время способствовало появлению своего рода небольших «скрипториев» сугубо местного, приходского значения. Впрочем, рукописным путем размножались польскоязычные православные тексты и для торжественной службы в Варшавском кафедральном соборе поздней осенью 1936 г. «Рукописный период» продолжался недолго и уже в самом конце 1936 г. уступил место «печатному», когда в Варшавской Синодальной типографии были изданы литургия св. Иоанна Златоуста [11], Благодарственный молебен [12] и панихида [13].

1 марта 1936 г. Бюро некаатолических исповеданий Министерства военных дел стало издавать на польском языке «Православную газету», ставившую своей целью интеграцию православия с польским государственным организмом и польской культурой [14]. Позднее ее редакция напечатала в серии «Библиотека “Православной газеты”» несколько брошюр, первая из которых носила симптоматичное заглавие — «Православные поляки в Польше» [15]. Тогда же военными был издан объемный православный молитвенник под названием «Друг солдата» [16], включавший переводы на польский язык многих молитв, псалмов и других текстов, переведенных с церковнославянского языка.

Важное место в полонизации жизни Православной церкви во II Речи Посполитой принадлежало довольно многочисленным научно-богословским и учебным изданиям, в том числе периодическим. С середины 1930-х гг. число их многократно возрастает, а с 1938 г. практически все православные школьные издания начинают выходить на польском языке [9. С. 31—47]. Очень заметной в этом отношении является периодика молодых православных богословов Польши, получавших образование на Отделении православной теологии Варшавского университета. Их писания так сильно проникнуты идеей «единства польского народа», наполнены восторженными благодарениями «Великому Поляку» (Ю. Пилсудскому), прославлением важнейших событий польской истории, что, например, при чтении номеров журнала «Наша мысль» [17] невольно соглашаешься с краковскими и варшавскими иезуитами, не без иронии писавшими в журнале «Ориенс» «о поляках довольно свежей выпечки» [18. С. 91]. Впечатление это особенно усиливается, когда читашь фамилии молодых авторов материалов, помещенных в «Нашей мысли» — А.Андреев, В.Озеров, О.Рябцов.

Реализуя свою программу, «Православный Научно-Издательский Институт» в Гродно начал с января 1939 г.

регулярно издавать свой собственный ежемесячник — журнал «Православное обозрение» [19]. Его редактором был директор Института о. Леонид Касперский. Помимо журнала Институт довольно быстро наладил выпуск различных книг и брошюр, а также листовок. Несомненной издательской удачей Института стала публикация польскоязычного сборника проповедей, подготовленного по проекту и при самом деятельном участии священника из Белостока о. Ростислава Олехновича, являвшегося, видимо, и основным автором этой достаточно объемной книги [20]. Предполагалось, что за этим первым выпуском последуют другие аналогичные сборники, о чем сообщала в феврале 1939 г. редколлегия издания, обращавшаяся к «духовенству с просьбой о присылке текстов проповедей, которые могли бы быть использованы при подготовке следующих выпусков нашего издания» [20. С. 6].

Весной 1939 г. Институт приступил к выпуску специальных миссионерских изданий, подготовленных миссионером Полесской епархии о. Павлом Калиновичем. Был издан ряд сочинений о. Павла, в том числе брошюра «Несколько слов о происхождении сектантства» [21]. Тогда же Институт в Гродно начинает выпускать на правах рукописи небольшой по объему журнал «Обозрение печати» [22], редакция которого находилась в главном здании Института на ул. Бригидской, 11. С мая 1939 г. в филиале «Православного Научно-Издательского Института» в Вильно начинает издаваться «Православный двухнедельник» [23].

9 июня 1939 г. в Варшаве под председательством митрополита Дионисия состоялось заседание «Научной Комиссии по переводу на польский язык Священного Писания, Творений Святых Отцов и научных произведений из области догматики и других православных дисциплин». В своем выступлении митрополит Дионисий отметил особую важность подобных переводов для Православной церкви в Польше и выразил особое удовлетворение от того, что в состав новой

Комиссии вошли его ученики по Отделению православной теологии при Варшавском университете, на которых и возлагалась основная работа по переводу. Во многом сказанное на этом заседании митрополитом перекликалось со словами одного из активистов «Дома Православных Поляков им. Стефана Батория» в Гродно Дмитрия Курилло, который в канун двадцатилетия независимости Польши писал: «Традиция польского православия, а также понятие Православного Поляка такие же древние как и христианская традиция в Польше... Известно..., что ученики св. Кирилла и Мефодия в своих апостольских походах не минули и земель, ныне входящих в состав Польши... Однако уже в X в. на польских землях начинает распространяться христианство латинского обряда, постепенно вытесняя восточное христианство... Православие уступает место католицизму... Оно остается на окраинах Польши, прежде всего на польско-русском пограничьи, сохраняя с точки зрения национальной и культурной польский характер... Возродилась для новой жизни Польша, а вместе в Ней возродилось и национальное самосознание польского православного народа» [24. С. 8].

По прошествии более чем полувека, в наши дни, многие из событий тех предвоенных лет воспринимаются критически. Достаточно негативно в целом оценивается сейчас и движение «православных поляков», иногда его трактуют как некий временный исторический курьез. Попыток всесторонне оценить это движение в контексте не только предвоенного периода, но и всего уходящего века, а главное в жизни послевоенной Польской Автокефальной Православной Церкви не делалось пока вовсе. А это сейчас очень важно, ибо именно она, Польская Автокефальная Православная Церковь, объединяет в себе не только православных белорусов, украинцев, русских, лемков, но и православных поляков, о существовании которых время от времени кратко упоминается в современной польской прессе, в том числе православной. Т. Вышомирский даже выделил три отдель-

ные группы современных православных поляков, ориентируясь на их этническое происхождение и декларируемое этно-культурное самоощущение [25. С. 27].

Мы же, основываясь на наших многолетних исследованиях православной литературы Польши, можем сказать, что литературное наследие «православных поляков» ныне в определенной своей части представляет значительный интерес. Прежде всего ценен общий опыт перевода на польский язык с церковнославянского и русского самой разнообразной церковной литературы. Нельзя не учитывать и того, что некоторые издания «православных поляков» межвоенного периода активно используются в Польской Автокефальной Православной Церкви и сегодня. Пожалуй, в большей степени это относится к учебной литературе, а также теологической, отчасти переводам с церковнославянского языка. Наш экспедиционный поиск на территории современной Польши фиксирует примеры распространения ряда сочинений «православных поляков» в настоящее время в самой разнообразной среде. Некоторые из них существуют в рукописном виде*.

---

* В разделе «Приложения» мы публикуем текст польскоязычной молитвы и проповеди на день празднования независимости Польши.

Обложка юбилейного издания «Głos Prawosławia», вышедшего в канун 20-летия «возрождения Польской Речи Посполитой»

GŁOS PRAWOSŁAWIA

JEDNODNIÓWKA

W DWUDZIESTĄ ROCZNICĘ ODRODZENIA RZECZYPOSPOLITEJ POLSKIEJ

GRODNO

11 LISTOPADA

1938 ROKU

ANTONI BOCUŚLAWSKI

WOLNOŚĆ

*Diwadzieścia ledwo lat minęto,
od kiedy wstała z krwi i woźny...
I dotąd na to Boże dzieło
spogląda wzrok nasz mienkójny.*

*Bo wyęsknułiśmy ją długo,
przez setkę lat i dwa dziesiątki.
Pod młocnych, mdławych dni szarą
naszego życia łąły szczątki.*

*Bo za nią, duchem niepodlegli,
nie ujarzmieni, nie poddam,
cierpieli jedni, drudzy leghi —
i szeregowi, i helmani.*

*Więc, kiedy nam so łąg stala,
królowa, w sworoh szat skartacie,
pragniemy, aby zajasnala
w niepokalanym macz stacie.*

*Za jej purpurą dany si łąwie
i życie — za jej skądlet białość;
w polęcnych lotach, jak orłowie,
strącimy w nicość pul i matość.*

*Bo czymże by naprosz łą rany,
te, które były czy by, moga,
gdą w wolny świat, w sero i łąlak wybrany
szybuje Polska Boją drogą?*

Заглавная страница юбилейного издания «Głos Prawosławia»

Opisana posłowa skazana potowa

Cena zamora 90 groszy

Przegląd Prawosławny

ORGAN POLSKIEGO PRAWOSŁAWIA
wychodzi raz na miesiąc

Nr. 1

Grodno, 1 styczeń 1939 r.

Rok I

CHRYSTUS SIĘ RODZI, CHWALCIE!...

„I znaleźli Maryję i Józefa, i niemowlętko potokone w łłobłe... (Łuk. 11 18).

Обложка первого номера журнала «Przegląd Prawosławny»
(Гродно, 1939)

Журнал «Воскресное чтение»

Практически неизвестная ныне в России православная периодика межвоенной Польши, насчитывающая около 40 различных изданий на нескольких языках (в основном на русском), сохранила для нас множество важнейших свидетельств по истории православия, особенно периода 1914—1939 гг. В этой связи можно говорить о своего рода огромном архиве, где сберегаются документы, касающиеся различных сторон православной жизни в ряде стран мира. Самое большое число подобных материалов напечатал еженедельный журнал «Воскресное чтение», регулярно издававшийся в Варшаве с 1924 по 1939 гг.¹ Номера «Воскресного чтения» сейчас очень редки, в России, например, даже крупнейшие библиотеки не имеют ни одного номера этого журнала. В Москве отдельные номера «Воскресного чтения» за 1933—1936 гг. есть только в Государственной публичной исторической библиотеке России. Впрочем, полного комплекта журнала, насчитывающего свыше 800 номеров, издававшегося тиражом в несколько тысяч экземпляров, не существует вовсе. Даже в большинстве специальных библиографий сведения о нем отсутствуют или же неверны [1]. То же, к сожалению, относится и к энциклопедическим публикациям.

Журнал «Воскресное чтение» был вплоть до конца ноября 1938 г. официальным органом первоиерарха Православной Церкви в Польше и Варшавской митрополии. В конце 1938 г., в силу гонений со стороны польских властей, его стали печатать в той же Варшавской Синодальной типографии на правах частного издания. В этой связи в № 49-50 журнала за 1938 г. появилось сообщение: «Журнал “Воскресное чтение” и газета “Слово” перестали от 1 ноября с.г.

---

¹ Первый номер журнала вышел в свет 20(7) января 1924 г., а последний 27 августа 1939 г. (№ 35 за 1939 г.).

быть официальными органами Митрополии и перешли на положение частных изданий. В дальнейшем, при новых условиях, нашему Издательству трудно сохранить оба органа, и потому в 1939 году будет выходить только журнал «Воскресное Чтение»... [2].

В межвоенной Польше и далеко за ее пределами, прежде всего в близлежащих странах Европы, «Воскресное чтение» было необычайно популярно. Вот как оценивала его номера 1933 г., выходявшие в преддверии десятилетнего юбилея журнала, одна из активных читательниц: «В каждой картине яснее выделяется ее содержание и художественная красота, если она вставлена в подходящую ей раму и благоприятно освещена.

Тоже самое можно сказать и о церковно-народном журнале «Воскресное Чтение», рисующем пред нашими духовными очами не мало картин священных, художественно-содержательных, живых, что оно, в текущем юбилейном году, удачно, как бы вставленное в подходящую ему раму-обложку, полную заветных Символов, благоприятно осветилось в своем направлении и святой цели своей: давать полезное и приятное для души. А что приятно для души, то умиляет, возвышает, приближает к Небу; к тому мы стремимся, тем интересуемся.

Вот, в руках наших 1-й номер «Воскреснаго Чтения». Глаза прежде всего останавливаются на Символах, украшающих раму-обложку его, и вдруг... мы читаем: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы»...

А с появлением следующих №№ «Воскреснаго Чтения» интерес растет, читаем: «Доколе не приду, занимайся чтением», — говорит словами Апостола автор статьи «Неделя о Закхее». Как эти древния апостольския слова подошли к нашему времени! Когда многие и многие любители «послевоенной литературы», начитавшись ею досыта и оставаясь с пустой душой, жалуется, что нечего читать, забывая, что

есть другая литература, она — вечно прекрасна, как небо, как солнце, без которых душа жить не может, ея отголоски слышатся и теперь в творчестве людей, руководимых рукою Бога, дающих нам книги, брошюры, журналы... .

«Доколе не приду, занимайся чтением», — словами Апостола напоминает автор статьи «Неделя о Закхее» об этой ничем не знаменитой литературе. И хочется заглянуть в душу того, кто напоминает нам о таком благе; прибегаем к, сродному с «вечно-прекрасной Литературой», «Воскресному Чтению» и читаем его статью: «Неделя о Закхее». Она напоминает журчащий, по раз избранному пути, ручей, потому что в ней нет, бьющей на эффект, витиеватости, лишних слов, часто затмевающих суть задуманного автором. И нам яснее видно то, что нужно, важно и полезно, что так ясно обрисовывается и в глубоко обдуманной статье Е.Л. «Причины упадка нравственности», в ней так мягко высказанная правда, заставляет читателей невольно заглянуть в себя, что необходимо делать часто. Но главное достоинство этой статьи то, что она не громоздкая, без лести простая, а потому и доступна простому уму с средним образованием людей, которых везде — большинство.

«Один из самых великих даров, данных человеку Богом, является слово. Его влияние прямо безгранично», — говорит автор прекрасной статьи «Неделя о Закхее».

Таким безграничным влиянием, по своей задушевности, поэтической красоте и ясности, отличается «Слово» отца Протоиерея, известного всем проповедника в Варшавской Пещерной церкви у Плащаницы... .

Статья «Из печати» — это просветы, дающие возможность ориентироваться среди добра и зла, вредных для мира души и порядка... .

В таком стройном составе (включая и другия статьи), и для полноты с добавлением, как свежей зелени к букету живых цветов, беллетристики, «Воскресное Чтение», помимо того, что оно всегда было и есть нравственным руко-

водством, оно в сем юбилейном году в высшей степени занимательное и желательное в каждой благочестивой семье» [3].

А вот оценка сделанного за десятилетие и программа на будущее, сообщенная самой редакцией журнала: «“Воскресное чтение” — единственный в Польше еженедельный церковно-народный иллюстрированный журнал — вступает, с Божией помощью, в одиннадцатый год своего существования.

Десять лет регулярного выхода в свет журнала, имеющего особое, как показывает само название, назначение, — срок немалый. Наш солидный, можно сказать, опыт, наши наблюдения, далее живой интерес к своему, ставшему уже родным, печатному органу и отклики на него читателей, наконец, то внимание, каким “Воскресное Чтение” пользуется в среде Всечестного Духовенства и Боголюбивых Верующих, дают нам полное основание с большим удовлетворением констатировать, что пройденный нами десятилетний путь отмечен на всем его протяжении прочными и твердыми вехами... .

На пороге Нового Года, на пороге нового, второго, десятилетия существования “Воскресного Чтения”, приветствуя с любовью во Христе, с братскими пожеланиями щедрот и милостей от Десницы Всевышнего, наших друзей, подписчиков и читателей, мы считаем своим долгом отметить, что наш путь будет отвечать началам соборного устройства нашей Церкви. Мы будем соборно служить Воплотившемуся Слову. Мы будем соборно продолжать защиту нашей Св. Церкви и Веры от всех враждебных Ей сил. Мы будем подробно излагать важнейшие события из церковной жизни в Польше и за границей и давать им надлежащее освещение. Церковная соборность, вопросы веры и нравственности православно-христианской, пастырство, учительство, миссионерство, законоучительство, церковно-исторические труды,

очерки и исследования и т.д. — всему этому будет уделяться возможное внимание на страницах нашего журнала... .

Издание “Воскресного Чтения” — наше общее, святое дело. Этому делу, — сеянию добраго, разумнаго, вечнаго, — должны быть посвящены и наши общия силы. А поэтому мы усердно просим дорогих друзей и читателей присылать нам статьи, очерки, заметки, корреспонденции, как из разных областей православно-богословскаго знания, так и из области современнаго церковно-практическаго делания на Ниве Христовой» [4].

*   *
*   *

В качестве приложений, выходивших отдельными изданиями или же вкладывавшихся в тот или иной номер, журнал «Воскресное чтение» издал большое число произведений многих десятков авторов. Среди этих приложений были и такие объемные книги, как трехтомное исследование профессора Варшавскаго университета М. Зызыкина «Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи», неоднократно переиздававшиеся уже в наши дни за рубежом и в России; и совсем небольшие, такие как восьмистраничная брошюра «Из молебнаго пения о гонимых и страждущих за веру в советских республиках» (1930—1931). Составленное в ответ на гонения Православной Церкви в СССР, оно стало одним из самых высших актов единения и духовной поддержки православными Польши православных христиан в советских республиках, а также выражением солидарности с православной русской эмиграцией в Польше².

---

² Примечательно, что во времена Народной Польши это молебное пение всячески укрывалось православными священниками от посторонних глаз, так как указание в нем на преследование верующих «в советских республиках» могло послужить основанием для репрессий со стороны властей.

«О еже услышати вопль и воздыхание братьий наших, поработенных врагами Господа Вседержителя, и в страдании вопиющих к Нему о заступлении и помощи, и даровати им терпение и силу даже до последняго издыхания сохранить и небоязненно исповедати Святую Православную Веру, Господу помолимся.

О еже вскоре услышати глас моления нашего, исповедников же имени Великаго Бога нашего, за веру и правду Божию в темницах, и заточении страждущих, свободити от уз, прещения и всякаго лишения, Господу помолимся.

О еже низложити богохульное безбожие и отступничество от правыя веры, и обратити всех отступльших к познанию Божественнаго учения, и соединити их Святей Своей Церкви, Господу помолимся.

О еже упокоити души братьий наших, за веру и правду Божию живот свой положивших, зле умученных, потопленных, сожженных, избиенных, удушенных, наипаче же за Церковь Христову венец мученический приявших, Господу помолимся».

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Адресъ Редакции и Администраціи: Walszawa-Praga, Zygmunowska 13. «Woskresnoje Chtenie».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. на годъ съ доставкой и пересылкой 24 злотыхъ, на полгода 13 злотыхъ, на 3 мѣсяца 7 злотыхъ, на 1 мѣсяць 2 зл. 50 гр.; отдѣльнѣе ислеръ 75 грошей. Загранично: на годъ 3 доллара, на полгода 1 долл. 75 центовъ, на 3 мѣсяца 1 долларъ, на 1 мѣсяць 50 центовъ; отдѣльный номеръ 20 центовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ помѣщаются по особому соглашенію съ Администраціей журнала. **РУКОПИСИ** безъ обозначенія гонорара считаются безплатными. Неприятныя къ напечатанію рукописи хранятся въ Редакціи не болѣе 1 года и могутъ быть возвращены автору по его просьбѣ и за его счетъ.

Содержаніе

1. Воскресеніе Христово, какъ источникъ величайшихъ чудесъ въ жизни Церкви и человечества. **В. М. Сиворцовъ.**
2. Голосъ Священника къ Пастырю Церкви.
3. Апокалипсисъ библейской космогоніи. **Г. Паладоуло.**
4. Изъ Богогласника. **Нижельо.**
5. Важное научное открытіе. **Р.**
6. Изъ печати. **Джуличіе. Уох.**
7. Повесть о коврѣ. **Священникъ М. Ностко.**
8. Церковное обозрѣніе.
9. Политическое обозрѣніе.
10. **Басилій Михайловичъ Скворцовъ.** (Изъ мемуаровъ юбиляра).
11. Библиографическія замѣтки.
12. Хроника.
13. Кorespondенція.
14. Сельскохозяйственные эскизы.
15. Объявленія.

РИСУНКИ:

1. Азъ семь овѣтъ міру:
2. **В. М. Скворцовъ.**

Новыя изданія ВАРШАВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.

1. Набожныя пѣсни изъ Богогласника

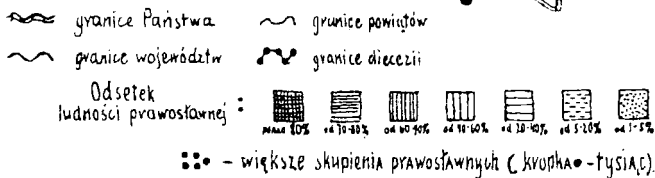
(листки съ текстомъ и нотами):

	Стр.
14) Холмской Чудотворной Иконой Божіей Матери «Пречистая Дѣво. Мати рускаго краіа»...	— 3
16) Варшавской Чудотворной Иконой Божіей Матери: «О, вселѣна Мате! о, Мате! Мате благодати»...	— 3
17) Иконой Пресвятой Богородицы: «Мате милостива!»...	— 5
18) Агосталу и Козимилесу Іоанну Богогласу: «Іоаннъ Богогласникъ и Викторъ славковода»...	— 3
19) Промодскому Оуфрину: «Помогни мѣ какъ вѣсти»...	— 3
20) Святителю Николаю Чудотворцу пѣсни: «Девочка во дѣлѣхъ»...	— 3
21) Святителю Николаю Чудотворцу пѣсни: «О, кто, кто Николае любяи?»...	— 3

2. Разныя нотныя листки:

1) Троекъ Почтенной Чудотворной Иконой Божіей Матери: «Предъ святымъ Твоемъ иконой, Владычице!»...	—
2) Мессіевскій гимнъ: «Въ правдоу арміи хорой надвигалася грозна селитана на насъ»...	— 1
3) Пастырьскій гимнъ: «Воскресъ Христосъ в дѣлаи дѣла!»...	— 4
4) Пѣсня въ день Воскресенія Христова: «Въ почетный часъ какъ гроба»...	— 4
5) Пѣсня, софъ Польскіи: «Polski hymn narodowy»...	— 5

Обложка журнала «Воскресное Чтение» № 21 за 1926 г.

Схематическая карта размещения православного населения
 II Речи Посполитой (по В. Косоноцкому, 1939)

Заключение

«Время бежит дальше — оканчивается вторая тысяча лет новозаветной эпохи. Все в наших руках, все зависит от нас. Перед нами — и целыми народами, и отдельными личностями — всегда стоит один и тот же вопрос: идти ли нам или мне по пути Вавилонского столпотворения, или по пути Христовой Пятидесятницы?» Эти слова принадлежат предстоятелю Православной церкви в межвоенной Польше митрополиту Дионисию [1. С. 9]. Они были написаны и произнесены в 1926 г. человеком, видимо, уже тогда предчувствовавшим трагизм своей дальнейшей жизни, драматическую судьбу православия в Польше. Драматизм этот отразился и на православной литературе. За межвоенное двадцатилетие она испытала множество больших и малых превращений, коснувшихся языковой, тематической, стилистической и рецепционной ее сторон. Перед самым началом II мировой войны в литературу эту вошло значительное идейно-организационное движение, получившее название «православные поляки», пытавшееся стать, и в чем-то ставшее, самостоятельным литературным направлением, по-иному видевшим многие важнейшие постулаты православия, стремившемся к радикальным нововведениям вплоть до употребления польского языка в литургической практике. Все это было прямой реакцией на менявшиеся условия, которые, по словам очевидца, знаменитого русского богослова Н. Арсеньева, тогдашнего профессора православного отделения теологического факультета Варшавского университета, в значительной степени усугублялись «поведением ряда членов высшей иерархии польской Православной Церкви», что «до известной степени вызывало и поощряло неуважительное отношение к этой самой иерархии и ко всей Православной Церкви со стороны польского правительства» [2. С. II]. «В то самое время, когда безбожная советская

власть разрушала православные храмы в Советской России», подобное происходило и во II Речи Посполитой [2. С. II]. Н. Арсеньев в конце своей жизни писал, что «есть, к сожалению, некоторое сходство между этими действиями обоих правительств» [2. С. II]. И все же тогда, в межвоенной Польше, могли выходить в свет десятки различных сочинений самого Н. Арсеньева — богословских, философских, культурологических, литературоведческих. Они печатались в нескольких православных «народных» и специальных православных теологических журналах, издавались отдельными книгами и брошюрами. Только там, в Польше, в Синодальной типографии, могла быть издана и книга знаменитого русского богослова — эмигранта профессора Н. Глубоковского «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (Варшава, 1928), который, по его собственным словам, «получил счастливую возможность» ее «напечатать... лишь теперь, благодаря особому покровительству высокопреосвященного Главы Православной Церкви в Польше».

Несмотря на трудности внутреннего порядка, II Речь Посполитая стала одним из центров русской богословской мысли, главнейшим центром украинского и белорусского православного богословия, крупнейшим центром создания и издания восточнославянской православной теологической литературы, значительное число произведений которой имело ярко выраженную национальную ориентацию. Подобная ориентация оказалась тесно связанной с идеей национальных церквей, что, в свою очередь, сказывалось прежде всего на двух важнейших частях православной литературы межвоенной Польши — массовой литературе для народа и элитарной богословской, писавшейся для немногих, но значимой для всего мирового православного сообщества. Высшая церковная иерархия во главе с митрополитом Дионисием пыталась смягчить прямую национальную агитацию, порой даже не допуская ее, опасаясь противостояния и даже раскола в Церкви. Это наложило свой отпечаток и на православную литературу в целом, отразившую все стороны и

этапы борений различных идейных, стилистических и национальных течений, выдвинувших из своей среды ряд виднейших фигур белорусской, русской и украинской интеллектуальной жизни XX столетия, крупнейших деятелей белорусского и украинского национального возрождения, каким был, например, профессор православного отделения теологического факультета Варшавского университета И. Огиенко, будущий митрополит Илларион.

Начав свою историю с русскоязычного «Православного календаря», выпущенного в 1919 г. в Холме «Rossyjskim Wydawnictwom»¹, православная литература межвоенной Польши постепенно становится полилингвистичной. При этом Варшава является местом притяжения всех литературно-языковых ориентаций, а ее синодальные учреждения и университет в значительной мере способствуют сложению общей православной писательской среды, единой православной литературы. Украиноязычные произведения и издания появляются в основном в местах постоянного проживания украинцев — преимущественно на Волыни, а также в Варшаве и там, где были поселены украинские эмигранты, например, в

---

¹ Это первое точно нами установленное православное издание в межвоенной Польше [З. С. 3—8]. Вопрос о его выпуске, о потребности коренного православного населения Польши в собственной литературе был поднят священником из Холма о. Александром Ярацевичем уже через полгода после обретения Польшей самостоятельности. Насколько существенной эта проблема казалась высшим властям новой Польши, свидетельствуют решения Президиума Совета Министров и Министерства религиозных исповеданий и народного образования 1919 г. [З. С. 3—6], в конце концов разрешивших издание «согласно прошения на русском языке» [З. С. 6], а также последующие дебаты о том, служат ли подобные книги интересам Польши или нет, являются ли они агитационными «в пользу православия» и т.д. [З. С. 7]. В этом споре первых лет новой польской государственности к началу 1920-х гг., пожалуй, побеждает мнение, «что для культуры, а особенно для государственности польской представляет еще большую угрозу нежели русификация» именно «украинские и белорусские национально-политические устремления» [З. С. 9].

Тарнове. Белорусскоязычные — в Вильно и Варшаве. Русскоязычные — повсеместно, преимущественно же в столице и крупнейших городах II Речи Посполитой. Со временем появляется и польскоязычная православная литература. Первоначально представляющая собой простой перевод-кальку с оригинальных восточнославянских или церковнославянских сочинений, а затем преобразовавшаяся в литературу «православных поляков», созданную в значительной степени теми, для кого польский язык стал родным, по крайней мере, вторым родным языком.

Процесс полонизации православной литературы был явлением драматическим, но неизбежным, связанным с новыми реалиями, новыми обстоятельствами жизни Церкви и всех ее членов. То было переходное время от преимущественно великорусской православной традиции к некоторому возрождению местных² и формированию своего рода новой — православной традиции современной Польши, перенявшей и все основные заветы межвоенной православной литературы³.

---

² В подобном возрождении в той или иной мере участвовала и церковная иерархия. Так, в 1934 г. в Вильне была образована Комиссия по переводу учебной литературы на белорусский язык. По согласованию с митрополитом Дионисием в Комиссию вошли: архиепископ Виленский Феодосий (председатель), священник Дзичковский, виленский благочинный (заместитель председателя), о. Николай Кульчицкий, о. Сергей Волынцевич, «бывший директор белорусской гимназии в Вильне Сергей Павлович и нынешний директор Радослав Островский» [З. С. 148].

³ Одним из первых идеологов этой новой традиции стал священник из Люблина о. И. Дынько-Никольский, предлагавший государственным властям в 1923 г. свой план осуществления в православной среде языковой и издательской политики. При этом рекомендовалось печатать православную учебную литературу «только польскими шрифтами», включая «общие молитвы и литургические тексты», правда, без перевода, только в транслитерации, а все остальное в переводе на польский язык [З. С. 9].

Вместе с тем традиция великорусская, в том числе литературная, продолжала играть в жизни польской Церкви главенствующую роль, свидетельством чего может служить издательская продукция, прежде всего многочисленные издания Варшавской Синодальной типографии. Намерение организации этого крупнейшего православного литературно-издательского комплекса в межвоенной Польше принадлежало митрополиту Георгию (Ярошевскому). В 1922 г. он обратился в правительство с просьбой помочь в столь важном деле⁴ и, получив отказ⁵, всего лишь за год смог самостоятельно организовать типографию и начать выпуск необходимых книг и журнала⁶.

Одновременно с печатной, широкое распространение в народной и священнической среде получила рукописная литература. То были произведения гимнографические, старые и вновь сочиненные, и вообще литургические; жития; летописи; нарративные памятники; паломнические записки; описания чудес; наконец, весьма значительная в количественном отношении и по своей роли группа паралитургических сочинений, расхивившихся во множестве списков.

Среди авторов православной литературы межвоенной Польши были люди практически всех сословий, представители всех групп общества. При этом, пожалуй, лишь гимно-

---

⁴ В своем ходатайстве от 26 октября 1922 г. перед Министерством религиозных исповеданий и народного просвещения митрополит Георгий писал о «великой потребности в выпуске собственного периодического издания, а также в печатании книг, необходимых для проведения богослужений... Митрополии необходима собственная типография, которая должна находиться в Варшаве» [4. С. 3].

⁵ Любопытна аргументация отказа со стороны того же Министерства от 10 ноября 1922 г. Оказывается, помощь не могла быть оказана не только «из-за финансовых причин», но и ввиду того, «что лишь небольшая часть православных в Польше пользуется русским языком» [4. С. 2].

⁶ В дальнейшем Синодальная типография выпустила в свет более тысячи книг и брошюр, печатала многие православные периодические издания, среди них «Воскресное Чтение», «Ελλην», «Слово» и другие.

графия являлась уделом лиц духовного звания, правда, паралитургические тексты сочинялись даже крестьянами; а остальное создавалось всеми: митрополитами и епископами, приходскими священниками, профессорами и студентами, семинаристами, профессиональными литераторами, служащими и т.д. В количественном отношении эта литература в ту пору не имела себе равных. Она служила почти пяти миллионам православных, в подавляющем большинстве жившим на своих исконных землях. Совокупный тираж ее изданий составил несколько миллионов экземпляров книг и брошюр. Причем тиражи отдельных книжных изданий колебались в среднем от одной тысячи до нескольких десятков тысяч экземпляров. Были выпущены многие сотни номеров журналов и газет, также расхोдившихся в тысячах экземпляров.

Несмотря на то, что ни светская, ни богословская наука на сегодняшний день не выработали достаточных критериев, произведения православной литературы межвоенной Польши можно классифицировать с той или иной степенью точности. Это библейская книжность; литургическая книжность с произведениями традиционного состава и новосочиненными, такими, например, как акафисты и службы; паралитургическая книжность, почти исключительно народная; дополнительная богослужебная литература; учебная литература; научная литература, включающая очень широкий круг сочинений: по богословию и христианской философии, библеистике, патрологии, церковной истории и археологии, церковному искусству, церковной литературе (литературоведению) и языкознанию, церковной социологии и праву; житийная литература; церковно-летописная и нарративная литература; паломническая литература; духовно-нравственная литература для народа; собственно художественная литература; миссионерская и противосектантская литература. Важнейшей чертой и отличительной особенностью этой литературы являлось то, что она, наряду со своей полилинг-

вистичностью, стала прямой преемницей древнейших и новых православных традиций восточнославянских народов, прежде всего русского, а также народов западнославянских — чешского и польского. Одновременно она оказалась литературой пятимиллионного православного сообщества, почти исключительно крестьянского и неэмигрантского. Литературой в основном на русском языке, но преимущественно не для русских. Отчетливо видны и два главных адресата этой литературы — белорусское и украинское крестьянство, а также священство, состоявшееся и будущее. Отдельную значительную читательскую группу образовывала мирская православная интеллигенция — русская, в основном эмигрантская, украинская, белорусская и «польская». Литература эта, будучи конфессиональной, одновременно являлась в условиях католической Польши и литературой национальной, причем в основном самодостаточной. Вместе с тем, по своему значению, глубине и уровню влияния, масштабам она стала уникальной для Европы XX столетия.

Наше исследование — всего лишь первый опыт, первая попытка собирания и изучения этой литературы. Оно, без сомнения, нуждается в продолжении. Перспективы дальнейшего изучения православной литературы Польши 1918—1939 гг. обнадеживают. И это тем более отрадно, что в самое последнее время в различных частях мира начинают переиздаваться некоторые ее памятники — литургические, богословские, философские, житийные, церковно-исторические.

ПРИМЕЧАНИЯ

Православие и православные во II Речи Посполитой

1. Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia: 1918—1939. Warszawa, 1989.

2. Kosonocki W. Liczba i rozmieszczenie ludności prawosławny w Polsce // Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce. 1939. № 3.

3. Wyszomirski T. Polskie prawosławie // Materiały problemowe. 1988. № 6.

4. Церковный календарь на 1939 год. Варшава, [1938].

5. Powszechny Spis Ludności z dnia 9.XII.1931 // Statystyka Polski. Ser. D. Warszawa, 1939.

6. Simpson J.H. The Refugee Problem // Report of a Survey. London etc., 1939.

7. Православные лемки современной Польши тщательно хранят наследие своих предков, в частности все то, что имеет отношение к процессу их перехода в первой трети нашего века из греко-католичества (униатства) в православие, к истории так называемого «старорусинства», борьбе, порой кровавой, за «русскую идею». На самых видных местах в их селах — у перекрестья дорог и вдоль них, у церквей — можно видеть многочисленные поминальные кресты в честь тех или иных исторических событий. Так, в горном селе Бортном, практически целиком населенном православными лемками, неподалеку от церкви стоит каменный крест с надписью: «В честь и славу Господу Богу создали члени православної църкви в Бортнім возвратившись из унії. 17/3 р.1928».

С кирилло-мефодиевской книжной традицией лемки не порывали никогда, униатские времена повлияли на ее характер незначительно, а сам греко-католицизм лемков был весьма своеобразным, что в конце концов во многом и стало основой для перехода (возвращения) большого их числа в православие. Необходимо подчеркнуть, что среди лемков всегда была широко распространена литература на русском (великорусском) языке, а также церковнославянская книжность.

Самой западной и, пожалуй, самой загадочной областью распространения в межвоенной Польше живой кирилло-мефодиевской традиции была Русь Шляхтовая или иначе Шляхтовская Русь, лежащая в междуречье Дунайца и Попрада у подножия Пенин. Собственно западная граница Руси Шляхтовой начиналась у окраины города Щавницы (Щавниці). Жители Руси Шляхтовой были греко-католиками, активно

использовавшими русский язык. В 1950 г. их насильственно выселили из разных мест в результате акции «Висла». Ныне в четырех селах бывшей Шляхтовской Руси — Яворках, Шляхтовой, Белой и Черной Водах — уцелело не слишком многое от их прежних коренных жителей, обитавших тут в течение нескольких столетий. Правда, до сих пор живы представители нескольких смешанных семей, которые не были выселены в 1950 г., сохраняются и некоторые памятники книжности, бывшие в обиходе коренных жителей в межвоенный период, кое в чем сохраняют свой прежний облик и шляхтовские села, например, Яворки, где есть еще старинные сельские усадьбы с рублеными домами и стоит над речным потоком церковь, превращенная ныне в католический костел. На местном кладбище сохранились надгробия и кресты в память о коренных жителях села, причте и настоятелях здешней греко-католической церкви, в том числе сделанные на русском (великорусском) языке. Вот одна из них:

«Бл. †П.

Наст. прихода

С.Яворки нерсю

Дуркоту Александру

* 1874—1922

Дражайшему мужу

отцу — жена — дети».

По мнению такого видного польского исследователя, как Р. Райнфус, Русь Шляхтовая «разнится от Лемковщины, напоминая с точки зрения культурных особенностей русинские (русские) села на словацком Спише». (см.: Reinfuss R. *Śladami Lemków*. Warszawa, 1990. S. 13).

В то же время известный украинский лингвист О. Горбач прямо пишет об украинской основе говоров русинов словацкого Спиша (см.: Горбач О. Остурня — український острівець на Спіші під Татрами // Горбач О. *Зібрані статті*. Мюнхен, 1993. Т. 5. С. 44—47).

8. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М., 1994.

9. Myslek W. *Przedmurze*. Warszawa, 1987.

10. Александро-Невский собор в Варшаве — крупнейшее культовое здание города, возведенное в его центре на Саской площади по инициативе генерал-губернатора И.В. Гурко. Деньги на строительство храма собирались со всей России. Жертвователями являлись представители всех слоев населения, включая Императора и членов его семьи. 28 августа 1893 г. был учрежден особый Комитет по строительству собора, возглавляемый И.В. Гурко, и объявлен конкурс на лучший проект, каковым была признана работа Л.Н. Бенуа, утвержденная Александром III 13 января 1894 г. Строительство началось летом 1894 г., закончилось в

1900 г. В 1900 г. была образована специальная Художественная комиссия по разработке и реализации проекта убранства храма, к чему оказались привлеченными лучшие художественные силы России. Был одобрен проект, предложенный крупнейшим русским специалистом в области церковной археологии и истории христианского искусства Н.В.Покровским, роспись алтаря и руководство живописными работами было поручено В.М. Васнецову. Особым украшением собора стали огромные мозаичные композиции, которые до сих пор могут считаться лучшими в своем роде. Самый большой соборный колокол был пятым по величине в России. Со временем в храме находилось около десяти тысяч произведений и предметов, представляющих художественную ценность мирового уровня.

20 мая 1912 г. собор освятили во имя благоверного великого князя Александра Невского. Собор стал «апогеем сакрального строительства в Варшаве, а вершина его семидесятиметровой отдельно стоящей колокольни — самой высокой точкой города. После эвакуации в 1915 г., в связи с началом I мировой войны, русской администрации и православного духовенства из Варшавы, занятой вскоре немецкими войсками, собор был превращен в гарнизонный католический костел Св. Генриха. В начале 1919 г., через три месяца после обретения Польшей независимости, варшавский магистрат вынес решение о ликвидации в городе большинства православных церквей. Собор польские искусствоведы признали «малоценным», к тому же занимающим слишком большую площадь в условиях ее «недостатка в Варшаве». Судьба храма была решена, его стали медленно уничтожать. Попытки остановить варварскую акцию, санкционированную государственными властями и поддержанную рядом видных общественных деятелей Польши, ни к чему не привели, не помогли даже громкие протесты в польском Сейме и Сенате. Наоборот, желая придать кампании разрушения крупнейшего в межвоенной Польше православного храма всенародный общегосударственный характер варшавский магистрат выпустил специальные «боны доступные для каждого», «Обеспеченные стоимостью материала полученного в результате сноса» собора, дабы «каждый поляк мог стать причастным к этому делу». Для окончательного разрушения собора магистрат использовал специальные бригады, которые и завершили уничтожение в 1926 г., применяя технологию взрывов малой мощности, число которых приближалось к пятнадцати тысячам. Православный кафедральный Александро-Невский собор в Варшаве стал первым в Европе XX столетия христианским храмом, уничтоженным по решению государственной власти христианской страны, закрепившей свою приверженность христианским идеалам в особых статьях Конституции и положениях конкордата с Римским престолом 1925 г.

Подробнее см.: Молчанов К. Новый Православный собор во имя Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского в Варшаве. Б.м., б.г.; Paszkiewicz P. Pod berłem Romanowów: Sztuka rosyjska w Warszawie 1815—1915. Warszawa, 1991; Этенко Л. О судьбе Варшавского собора во имя святого благоверного великого князя Александра Невского // Вестник Белорусского Экзархата. 1992. № 1. С. 30—35; Лабынцев Ю., Щавинская Л. Александро-Невский собор в Варшаве // Радонеж. 1999. № 9/10. С. 10—11.

11. Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви: 1917—1990. М., 1994.

Язык церкви, религиозное образование и учебные издания

1. Постанови Волинск. Епархіяльн. Зібрання представників духовенства і мирян 3—10 жовтня 1921 р. Кременець, 1922.

2. Кравецкий А.Г. Дискусси о церковнославянском языке (1917—1943) // Славяноведение. 1993. № 5.

3. Воскресное чтение. 1927. № 24.

4. Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви. Нью Йорк-Бавнд Брук, 1961. Т. 4. Ч. 1.

5. Дорошенко Д. Православна Церква в минулому й сучасному житті українського народу. Берлін, 1940.

6. Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви. Нью Йорк-Бавнд Брук, 1961, Т. 4. Ч. 2.

7. Воронин О. Коротка історія Української Православної Церкви. Саут Баунд Брук — Нью-Джерсі, 1989.

8. Рагуля В. Успаміны. Менск, 1993.

9. Sosna, Grzegorz. Kościół Prawosławny na Białostotczyźnie w ocenie władz II Rzeczypospolitej: Wybór dokumentów. Ryboły, 1991.

10. Червяковский Е.О. В помощь пастырям и в назидание пасомым. Варшава, 1928. Вып. 3.

11. Тучемский, Михаил. Церковь, семья и школа, как факторы религиозно-нравственного воспитания и просвещения подрастающего поколения // Воскресное чтение. 1933. № 2.

12. Часослов. Варшава, 1925.

13. Mały modlitewnik dla dzieci prawosławnych. Warszawa, 1929 и др. издания.

14. Лабынцев Ю.А. Русская советская художественная литература в предвоенной Польше (1918—1939) с точки зрения ее читателя // Книга и культура. М., 1979.

15. Program nauki w szkołach powszechnych siedmioklasowych: Religia prawosławna. Warszawa, 1926.

16. Lobman J. Tak było: Polska A — Polska B // Trybuna Ludu. 1985. № 103.

17. Ostaszewski, Bazyli. Współpraca księdza prawosławnego z nauczycielem na wspólnym terenie społecznym wsi kresowej // Nasza myśl. 1938. № 1.

18. Лабынцаў Ю. Архіў беларускага Адраджэння. Мінск, 1993.

19. Мэморыял // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 2.

Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель

1. Теодорович Т. Все так ясно и так повелительно // Молва. 1933. № 225.

2. Теодорович Т. Прощальное литургийное слово пастыря в день Первоверховных Апостолов Петра и Павла // Воскресное чтение. 1939. № 29.

3. Топоров В.Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX в.: Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Тренто, 1990.

4. Неугасимая лампада: Сборник статей памяти М.П. Арцыбашева. Варшава, 1928. Т. 1.

5. Булгаков В.Ф. Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993.

6. Теодорович Т.П. К сорокалетию пастырства: 1895 17(30).IX.1935. Ч. 1. Сборник статей по церковным вопросам, напечатанных (есть и непечатавшиеся) в русских изданиях с 1923 по 1935 годы. Варшава, 1935.

7. [Теодорович Т.П. К сорокалетию пастырства: 1895 17(30).IX.1935]. Ч. 2. Автобиографические воспоминания с связи с церковными событиями и переживаниями моей прошедшей жизни — школьной и служебной — до возвращения моего в Варшаву в 1921 году. [Варшава, 1935].

8. [Теодорович Т.П.] К сорокалетию пастырства: 1895 17(30).IX.1935. Ч. 3. Приложение. [Варшава, 1935].

9. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1905. № 8, 44, 47.

10. Теодорович, Терентий. Современные задачи церковного прихода. Варшава, 1907.

11. Теодорович, Терентий. Религия в жизни Гоголя. Варшава, 1909.

12. Теодорович, Терентий. Благотворительность в церковном приходе. Варшава, 1910.

13. Теодорович, Терентий. Путь Православия // Воскресное чтение. 1924. № 26—29.

14. Теодорович, Терентий. «Живая Церковь» и религиозное возрождение России // Воскресное чтение. 1924. № 37—40.
15. Теодорович, Терентий. Существо русского православного сознания // Воскресное чтение. 1924. № 9—11.
16. Теодорович, Терентий. Страстная неделя. Варшава, 1932.
17. Теодорович, Терентий. Пасха: Светлая седмица. Варшава, 1933.
18. Теодорович, Терентий. В защиту Московского Всероссийского Церковного Собора // Воскресное чтение. 1927. № 11.
19. Теодорович, Терентий. Памяти Святейшего Патриарха Тихона // Свет Истины. 1927. № 1.
20. Теодорович, Терентий. После панихиды во вторую годовщину смерти Патриарха Тихона // За Свободу. 1927. № 84.
21. Теодорович, Терентий. Патриарх Тихон и жизнь Церкви // За Свободу. 1927. № 265.
22. Теодорович, Терентий. Третья горестная годовщина // За Свободу. 1928. № 82.
23. Теодорович, Терентий. Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона // За Свободу. 1929. № 91.
24. Теодорович, Терентий. Псабываемая скорбная годовщина // За Свободу. 1931. № 9.
25. Теодорович, Терентий. Почаевская Успенская Лавра и ее святыни. Варшава, 1930.
26. Теодорович, Терентий. Голос «иной немирской» о «Дне Русской культуры» // Молва. 1933. № 126.
27. Теодорович, Терентий. Конечно — «постыдное молчание» // Молва. 1933. № 163.
28. Теодорович, Терентий. Братский призыв. Варшава, 1933.
29. Теодорович, Терентий. Ко дню Рождества Христова // Меч. 1935. № 1.
30. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1.
31. Арсеньев Н. Предисловие // Свитич А. Православная церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос-Айрес, 1959.

Письменное наследие сенатора Вячеслава Богдановича

1. Беларускія пісьменнікі: Біябібліягр. слоўнік. Мінск, 1992—1995. Т. 1—6.
2. Васілевіч В. Віленская праваслаўная сэмінарыя // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 4.
3. Lietuvos centrinis valstybinis istorijos archyvas. F. 605. № 1433.

4. Сябра: Беларуская выбарная справа // Праваслаўная Беларусь. 1928. № 6.
5. Багдановіч В. 10 гадоў таму назад: 3 успамінаў аб працы Маскоўскага Сабору ў часе бальшавіцкага перавароту // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 5, 6; 1928. № 1—7.
6. Речь сенатора В.В. Богдановича, произнесенная 23 июня 1925 г. на заседании Сената Польской Республики при обсуждении бюджета министерства исповеданий и просвещения. Вильно, 1925.
7. Słowo. 1927. № 279.
8. Праваслаўная Беларусь. 1927. № 6.
9. Сын Беларуса. 1924. № 22. Отгиск: Прамова сэнатара В. Багдановіча ў Сэнаце 23.VII.24. [Вільна, 1924].
10. Багдановіч В. Патрыярх Ціхан // Праваслаўная Беларусь. 1928. № 9.
11. Багдановіч В. Царква і Дзяржава // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 1.
12. Праваслаўная Беларусь. 1927. № 1.
13. Праваслаўная Беларусь. 1927. № 2.
14. Праваслаўная Беларусь. 1927. № 3.
15. Виленский православный календарь на 1927 год. Вильна, 1927.
16. Богданович В.В. Церковно-Славянский Язык как религиозно-культурная ценность. Гродно, 1938.
17. Обращение Святейшего Гихона, Патриарха Московского и всея России, к Архипастырям и Пастырям Православной Российской Церкви // Литовские епархиальные ведомости. 1922. № 1—4.
18. Голад Л. Нацыянальная мова ў праваслаўнай царкве // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 1.
19. Литовские епархиальные ведомости. 1922. № 1.
20. Воскресное чгение. 1926. №8.
21. Николаев К.Н. Восточный обряд. Париж, 1950.
22. Багдановіч В. Беларускі Пасольскі клуб і яго праца ў Сойме і Сэнаце ў 1922—1927 гг. // Праваслаўная Беларусь. 1928. № 3.
23. Царкоўная хроніка // Праваслаўная Беларусь. 1928. № 10.
24. Свитич А. Православная церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос-Айрес, 1959.
25. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. MWP i OP. № 1261.

Народная літаратура

1. Прывіч к Праваславным Хрыціанам // Воскресное чтение. 1927. № 13.
2. Русенко И.Ю. Народ воскрес // Ваврик В.Р. Крестьяне-поэты. Лувен, 1973.

3. Wołkowski, Aleksy. Historyczny oraz statystyczny opis cerkwi i parafii w Czarnej Cerkiewnej. Czarna Cerkiewna-Bielsk Podlaski, 1994.
4. Теодорович, Терентий. В защиту Московского Всероссийского Церковного Собора (1917—1918 гг.). Варшава, 1927.
5. Архив Православной Митрополии в Варшаве. RV-8B/266, л. 21—22
6. Типикон си есть Церковный Устав на 1939 год // Православный календарь на 1939 год. Варшава, 1938.
7. Православный календарь на 1924 год. Варшава, 1924.
8. Стенной календарь Русской селянской организации (PCO) на 1931 год. [Львов, 1930]; Стенной Календарь на 1934 год Русской Селянской Организации. [Львов, 1933] и др.
9. Православный церковно-народный календарь на 1928 год. [Варшава, 1927] и др.
10. Богогласник или сборник пабожных песнопений праздникам Господним, Богородичным, нарочитых святых и чудотворным иконам, а также и других благоговейных, молигвенных, покаянных и умильных песней. Варшава, 1924.
11. Богогласник с потами / Изд. Миссионерского Ком. при Священном Синоде. Варшава, 1935.
12. Богогласник: Песні благоговейныя Праздником Господским, Богородичным и Нарочитых Святых чрез весь год приключаяющимся. Почаев, 1790.
13. Щурат В. Из студій над почаївським «Богогласником». Львів, 1908; Щеглова С.А. «Богогласник»: Ист.-лит. исслед. Киев, 1918.
14. Памятка для православных паломников о Почаевской Лавре и Ея Святынях. Варшава, 1934.
15. Летит время во дни и нощи, яко крылами. Warszawa, 1937; Два пути жизни — широкий и узкий. Warszawa, 1937; О поведении в храме Божиим. Warszawa, 1937 и др.
16. Житие Преподобного Иова, Игумена и Чудотворца Почаевского (1550—1651) / Сост. протоиерей Константин Зноско. Варшава, 1932.
17. Житие и страдания Святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (1347) / Сост. протоиерей Константин Зноско. Варшава, 1932.
18. Житие и страдания Святого Преподобномученика Афанасия, Игумена Брестского (1595—1648) / Сост. протоиерей Константин Зноско. Варшава, 1931.
19. Алексий, архиеп. Преподобный Серафим Саровский, Великий Угодник Божий и Чудотворец. Варшава, 1931.
20. Холмская чудотворная икона Божией Матери. Варшава, 1930.

Репертуар серийных народных изданий

1. Bibliografia polska 1901—1939 / Pod red. Janiny Wilgat. Wrocław-etc., 1986. Т. 1— .
2. Miśiło E. Spis tytułów prasy ukraińskiej II Rzeczypospolitej 1918—1939. Warszawa, 1983. Місило Е. Бібліографія української преси у Польщі (1918—1939) і Західньо-Українській Народній Республіці (1918—1939). Едмонтон, 1991.
3. Traczuk J. Prasa białoruska w II Rzeczypospolitej (1918—1939) // Studia Polono-Slavica-Orientalia. 1992. Т. 13.

Церковное летописание

1. Дмитриева Р.П. Библиография русского летописания. М.-Л., 1962.
2. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2.
3. Литовские епархиальные ведомости. 1879. № 52.
4. Литовские епархиальные ведомости. 1886. № 37.
5. Литовские епархиальные ведомости. 1880. № 2.
6. Wołkowski, Aleksy. Historyczny oraz statystyczny opis cerkwi i parafii w Czarnej Cerkiewnej / Wstęp i przypisy Doroteusz Fionik, Sławomir Iwaniuk. Czarna Cerkiewna-Bielsk Podlaski, 1994.
7. Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1994. № 2.
8. Лабынцев Ю.А. К вопросу об изучении памятников кирилловской традиции в Польше // Славяноведение. 1995. № 2.
9. Мильков, Ксенофонт. Нечто новое о ведении церковных летописей // Воскресное чтение. 1938. № 18—19.

Старобрядческие книжники

1. Пимонов Б.А. О нуждах Восточных воеводств (Польши “Б”): Речи депутата Б.А. Пимонова, произнесенные в Сейме в 1937—38 гг. Излож. по газ. отчетам и официал. стенограммам. Вильно, 1938.
2. Заволоко И.Н. История Церкви Христовой. Рига, 1937.
3. Календарь Высшего Старобрядческого Совета в Польше на 1938 г. Вильно, 1938.
4. Dziennik Ustaw. 1928. № 38. (26.III).
5. Monitor Polski. 1928. 12.IX.
6. Вестник Высшего Старобрядческого Совета в Польше. 1929. № 1.
7. Пиотрович В. Старобрядцы в Польше // Вестник Высшего Старобрядческого Совета в Польше. 1933. № 1—3.

8. Jakubowski W. Z historii kolonii staroobrzędowców rosyjskich na Mazurach // *Slavia Orientalis*. 1961. № 1.
9. Iwanec E. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich. Warszawa, 1977.
10. Jaroszewicz-Pieresławcew Z. Starowiercy w Polsce i ich księgi. Olsztyn, 1995.
11. Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше. 1929. № 5—6.
12. Парфенов И. Родной язык // Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше. 1931. № 4—5.
13. О.М.А. Похороны р.Б.П.И. Киселева // Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше. 1933. № 1—3.
14. Киселев П.И. Столетие Виленской Старообрядческой Общины 1830—1930 гг. Вильно, 1930.
15. Календарь Высшего Старообрядческого Совета в Польше на 1936 г. Вильно, 1936.
16. Кузнецов Ф. Слово к духовным наставникам старообрядческих общин древлецерковного святоотеческого благочестия и предания, находящимся в Польше // Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше. 1929. № 2.
17. Календарь Высшего Старообрядческого Совета в Польше на 1939 г. Вильно, 1939.
18. Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше 1931. № 6.
19. Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше 1929. № 4.
20. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Б.м. б.г. [Шапирограф, 1930-х гг.].
21. Этенко Л., Иванова С. Пришло время спокойно и взаимоуважительно обсудить проблему Варшавского собора // Сов. Белоруссия. 23 мая 1996 г.; Лабынцев Ю., Щавинская Л. Александро-Невский собор в Варшаве // Радонеж. 1999. № 9/10. С. 10—11.

Литературное творчество «православных поляков»

1. Kuryłowicz S. Niektóre problemy prawosławia na tle polityki wyznaniowej Państwa w okresie międzywojennym // *Posłannictwo*. 1979. № 3—4.
2. Свитич А. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос-Айрес, 1959.
3. Купранець О. Православна Церква в міжвоєнній Польщі: 1918—1939. Рим, 1974.
4. 1939-й год // Церковно-приходская Летопись Кожанской Крестовоздвиженской церкви. С. 80—81.

Местный настоятель писал в 1939 г.: «Когда Западная Украина и Белоруссия находились под владычеством поляков, то некоторые из православных, как духовных так и светских, идя навстречу пожеланиям Польского Правительства и с благословения Синода, организовали кружки православных поляков. Руководствовались эти организаторы кружков и домов теми соображениями, что изменяя своей национальности, они получают все блага мира сего. Польское Правительство, желая ополячить Белоруссов и Украинцев, покровительствовало этим организаторам и организациям и к стыду нас, православных, некоторые из молодых иереев, в особенности те, которые окончили православный Богословский отдел при Варшавском университете, мечтая о карьере, являлись жаркими и деятельными проводниками идеи и вербовщиками членов в дом православных поляков. Православное население западной Белоруссии, население западной Украины более было твердо в своих национальных убеждениях, загнанное и забитое, не видя ни откуда помощи, став апатичным и безразличным к своей вере Православной и Национальности, а некоторые из духовных и светских православных, страха ради иудейска, работали как враги для своего Белорусского Народа, в угоду Польскому Правительству. Верное Православное духовенство и народ Белорусский, видя предательство этих изменников, клеймил их, презирал и дал прозвище им: “Иуды предатели”. Прошедшие в историю эти изменники Белорусского народа под названием “Иуды предатели”, пред приходом Советской власти, чувствуя, что на них будет тяготеть вся вина и ответственность за ихния злодеяния, по отношению к Белорусскому народу, предусмотрительно выбыли за границу. Таким образом план Польского Правительства, при посредстве Православных Белоруссов, как изменников своего народа, сказать, чисто иезуитский, не удался и ополячить и окатоличить его — не смотря на все ухищрения и условия, не привели ни к чему. 1939-ый год» // Церковно-приходская Летопись Кожанской Крестовоздвиженской церкви. С. 80—81.

5. Prawosławna Informacja prasowa. 1934. № 34.

6. Kalina M. Polonizacja Cerkwi prawosławnej w województwie białostockim (1918—1939) // Białoruskie Zeszyty Hist. 1995. № 2.

7. Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia. 1918—1939. Warszawa, 1989.

8. Liczba i rozmieszczenie Polaków Prawosławnych w Polsce // Głos Prawosławia. 1938. 11 list.

9. Щавинская Л. Книжный репертуар крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши — Варшавской Синодальной типографии // Slavia Orientalis. 1999. № 1.

10. Archiwum Akt Nowych. MWP i OP. № 1258.

11. Święta Liturgia Świętego Jana Złotoustego. Warszawa, 1936.

12. Nabożeństwo dziękczynne w dniach świąt Państwowych. Warszawa, 1936.

13. Pannichida, czyli Nabożeństwo za spoczywających w Panu. Warszawa, 1936.

14. Gazeta Prawosłana. 1.III.1936.

15. Polacy prawosławni w Polsce. Warszawa, 1937.

16. Przyjaciel żołnierza. Warszawa, 1937.

17. Nasza myśl: Pismo wychowanków Państwowego Internatu dla Studentów Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Józefa Piłsudskiego. 1937—1939.

18. Oriens. 1938.

19. Przegląd Prawosławny. 1939. № 1—8.

20. Kazania, pogadanki i przemówienia religijne. Grodno, 1939. T. I.

21. Kalinowicz, Paweł. O pochodzeniu sekciarstwa słów kilka. Grodno, 1939.

22. Przegląd prasowy. 1939. № 1—2.

23. Dwutygodnik Prawosławny. 1939. № 1—7.

24. Kuryłło D. Polacy Prawosławni na Grodzieńszczyźnie // Głos Prawosławia. 1938. 11 list.

25. Wyszomirski T. Polak — prawosławny? // Przegląd Prawosławny. 1992. № 7.

Журнал «Воскресное чтение»

1. Щавинская Л.Л. Книги и брошюры крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши — Варшавской Синодальной типографии // Славяноведение. 1998. № 1. С. 76—77.

2. Воскресное чтение. 1938. № 49—50. С. 483.

3. Прорвич С. Ответ на просьбу: сказать свое мнение о «Воскресном Чтении», выходящем в 1933-м юбилейном году // Воскресное чтение. 1933. № 20. С. 320.

4. Наш путь // Воскресное чтение. 1934. № 1. С. 1.

Заключение

1. Слово Высокопреосвященного Митрополита Дионисия в англиканской церкви в Берне в воскресенье 29 августа 1926 года // Елпис. 1927. № 2.

2. Арсеньев Н. Предисловие // Свитич А. Православная церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос-Айрес, 1959.

3. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. MWR i OP. № 1260.

4. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. MWR i OP. № 1261.

Перечень основных книжных изданий и брошюр, выпущенных Варшавской Синодальной типографией

Помещая этот перечень в качестве приложения к нашему исследованию, мы рассчитываем дать в руки заинтересованных лиц самый лаконичный и вместе с тем всеобъемлющий из возможных путеводителей по православной литературе Польши 1918—1939 гг. — библиографический.

На страницах этой книги неоднократно упоминалось, с какими трудностями пришлось столкнуться при сборе необходимых материалов. Многие, очень многие произведения православной литературы межвоенной Польши, видимо, утрачены окончательно. Кое-что, хранящееся в основном в частных и церковных собраниях, не выявлено до сих пор, и существует надежда отыскать эти произведения в будущем. Таким образом, перечень носит предварительный характер. В него не включены серийные народные издания, которые перечислены в соответствующих главах, в том числе и многочисленные календари на русском, украинском и польском языках. Для удобства пользования издания перечислены в алфавитном порядке с указанием (там, где это известно) года выхода в свет.

Преобладающее число приведенных в перечне изданий просмотрено нами *de visu*, значительная часть сведений взята из достоверных архивных источников и различных каталогов¹. К сожалению, данные об изданиях православной литературы Польши 1918—1939 гг. до сих пор практически отсутствовали даже в специальных библиографических указателях. Самый характерный пример — знаменитый двухтомник С.П.Постникова «Политика, идеология, быт и уче-

¹ Подробнее об этом сказано в главе «Репертуар серийных народных изданий».

ные русской эмиграции (1918—1945): Библиография» (Нью-Йорк, 1993)², в котором указана всего лишь одна книга с обозначением, что она издана в Синодальной типографии в Варшаве — «Воссоединение униатов с православной церковью и конкордат Рима с Россией в 1847 году» (Варшава, 1931) и кратко упомянут с ошибкой в годах издания один журнал — «Воскресное чтение»³. Об остальных библиографических указателях говорить просто не приходится, за исключением начавшей недавно выходить «Bibliografii polskiej 1901—1939», включающей часть изданий православной литературы межвоенной Польши, хранящуюся в крупнейших современных польских библиотеках⁴.

Aleksy, biskup. Kanony Św. Apostołów i ich stosunek do obecnego życia Kościoła Prawosławnego i dyscypliny w związku z głównym zadaniem Prawa Kanonicznego, 1928. Odbitka z ks. IV «Ελπις».

Arsenjew M. Doświadczenie religijne Apostoła Pawła, 1935.

Bidnow W. Preoświadczeni Episkop Wasilij Bohdaszewski-Wasilij Iljicz Ekzemplarski (Wspomnienia pośmiertne), 1933.

«Boże! Coś Polskę». Polski hymn narodowy.

Codzienne modlitwy dla dzieci wyznania prawosławnego, 1935.

Dionizy, metropolita. Archeologia chrześcijańska, jej charakter i jej metoda naukowa, 1928.

Dionizy, metropolita. Autentyczność dzieł Świętego Dionizego Areopagity, 1933.

---

² Автор этого важнейшего подробнейшего труда — бывший заведующий Русским заграничным историческим архивом в Праге — описал в своей «Библиографии» около 5000 книг и брошюр, 1435 журналов, 1029 газет на русском и других языках.

³ Необходимо подчеркнуть, что ничего подобного иллюстрированному журналу «Воскресное чтение», еженедельно выходившему в Варшаве с 1924 по 1939 гг. на русском языке с многочисленными приложениями самого разнообразного характера, в мировой славянской православной среде 1920—1930-х гг. не существовало.

⁴ См. главу «Репертуар серийных народных изданий».

- Dionizy, metropolita. Improwizacja i jej znaczenie w kaznodziejstwie kościelnym według dzieła Arcybiskupa Ambrożego Kluczarewa «Żywoje Słowo», 1928.
- Dionizy, metropolita. Najnowsze wykopaliska i odkrycia w katakumbach rzymskich. Sanctuarium męczenników greckich w katakumbach Św.Kaliksta na Via Appia, 1928.
- Dionizy, metropolita. Najnowsze wykopaliska i odkrycia w katakumbach rzymskich. Nowe małowidło żałobnej wieczerzy miłości, czyli agapy w katakumbach Śww.Piotra i Marcellina przy Via.Labicana, 1929.
- Dionizy, metropolita. Objawienie jako źródło prawdziwego poznania Boga: Odczyt wygłoszony w dniu 28 maja 1937 r. w Państwowym Internacie dla Studentów Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Józefa Piłsudskiego w Warszawie, 1937
- Dionizy, metropolita. Pomnikowe dzieło naukowe,-Dictionnaire d'Archeologie Chrétienne et de Liturgie, publié par du R-me Dom Fernand Cabrol, abbé de Saint-Michel de Farnborough (Angleterre) et du R.P.Dom Henri Leclercq, 1932.
- Doroszenko D. Miejsce dziejów Kościoła w Historii Powszechnej. (Wykład inauguracyjny z Historii Powszechnego Kościoła, wygłoszony w dniu 29.IV.1936 roku na Uniwersytecie Józefa Piłsudskiego w Warszawie), 1936.
- Grzegorz (Peradze), archimandryta. List apokryficzny Dionizego Areopagity do Biskupa Efeckiego Tymoteusza o męczeńskiej śmierci Apostołów Piotra i Pawła, 1937.
- Grzegorz (Peradze), archimandryta. Nieznana Ewangelia Apokryficzna, pochodząca z kół monofizyckich, 1935.
- Grzegorz (Peradze), archimandryta. Dokumenty, dotyczące zagadnień odnalezienia i tekstu Kodeksu Synajskiego, 1934.
- Grzegorz (Peradze), archimandryta. Pojęcie, zadanie i metody Patologii w Teologii Prawosławnej, 1934.
- Hilarion (Basdekas), archimandryta. Wiara i wiedza, 1935.
- Hilarion (Basdekas), archimandryta. Streszczenie obrad I-go Kongresu Teologii Prawosławnej w Atenach, 1937.
- Hilarion (Basdekas), archimandryta. Filozofia i jej stosunek do nauki i religii, 1934.

- Hilarion (Basdekas), archimandryta. O tradycji świętej. Wykład inauguracyjny, wygłoszony w dniu 9-go grudnia 1932 r. w auli Uniwersytetu Warszawskiego, 1932.
- Historia Święta Nowego Testamentu: Podręcznik do nauki Religii Prawosławnej, 1938. Wyd. czwarte, popr. i uzupeł.
- Historia Kościelna: Podręcznik do nauki Religii Prawosławnej w szkole powszechnej, 1939.
- Imiona prawosławne w brzmieniu cerkiewno-słowiańskim i polskim, 1934.
- Instrukcja dla o.o. wizytatorów religii prawosławnej powszechnych i średnich szkół. państwowych i prywatnych Rzeczypospolitej Polskiej, 1930.
- Katechizm: Podręcznik do nauki Religii Prawosławnej, 1938.
- Kiryłowicz S. Acta S. Thomae Apostoli, jako źródło historyczne, 1931. Odbitka z czasopisma «Ελπις», 1931, kn.V.
- Kiryłowicz S. Przedmiot i zadanie Liturgiki, jako nauki, 1937.
- Kiryłowicz S. Świadczenia historyczne o chrześcijaństwie w Indjach w związku z apostołem Św. Tomasza, 1932. Odbitka z czasopisma «Ελπις» za r. 1932.
- Kisiel-Kisielewski S. Prawo agrarne w Izraelu według Pentateuchu, 1935.
- Kisiel-Kisielewski S. Starozakonny pogląd na świat i przyrodę w świetle nowej egzegezy biblijnej. Wykład inauguracyjny, wygłoszony w Uniwersytecie Warszawskim dnia 11 lutego 1927 r., 1927.
- Korowicki I. Stan Kaznodziejstwa Prawosławnego na przełomie ww. XVI-XVII w państwie Litewsko-Polskim, 1935.
- Kratke modlitby pro školni dorost, 1926.
- L'Églises orthodoxes, 1928.
- Lebiediew E. Czy istniał Prezbiter Jan, jako osobistość, różna od Apostoła Jana, syna Zabedeusza?, 1933.
- Lotocki A. Początki organizacji kościelnej na Rusi, 1934
- Mały modlitewnik dla dzieci prawosławnych, 1929.
- Modlitewnik prawosławny, 1927.
- Modlitwa domowa i cerkiewna chrześcijanina prawosławnego: Podręcznik szkolny w językach polskim i słowiańskim / Ułożył dla swoich uczniów i uczenie Protoieriej Mikołaj Kusznierek,

- nauczyciel religii prawosławnej w szkołach powszechnych i średnich M. St. Warszawy, 1931.
- Modlitwy codzienne dla dzieci prawosławnych, 1936. Wyd. dziesiąte.
- Nabożeństwo dziękczynne w dniach świąt Państwowych, 1936.
- Nauczanie i wyjaśnienie modlitw: Podręcznik do nauki Religii Prawosławnej, 1934. Wyd. drugie.
- Nauka o Nabożeństwach Prawosławnych: Podręcznik dla IV-tej klasy szkoły powszechnej, 1938. Wyd. czwarte, popr. i uzupeł.
- Obszerny Chrześcijański Katechizm Św. Kościoła Prawosławnego, 1927.
- Ogijenko I. Paleografia cyrylicka, 1928.
- Ogijenko I. Powstanie alfabetu oraz języka literackiego u Słowian, 1927.
- Ogijenko I. Wzory pism Cyrylickich X—XVII w.w. Seminarium paleografii Cyrylickiej Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego, 1927.
- Pannichida, czyli Nabożeństwo za spoczywających w Panu, 1936.
- Pokrowski N.W. Archeologia Chrześcijańska w związku z Historią Sztuki Kościelnej, 1930.
- Rocznik Koła Teologów Prawosławnych, Studentów Uniwersytetu J. Piłsudskiego w Warszawie, 1938.
- Sajkowicz D, protojerej. Dogmat odkupienia, 1937
- Sakowicz E. Kościół Prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego 1788—1792, 1935.
- SENEK. Что такое уния?, 1931.
- Spis imion prawosławnych w brzmieniu polskim i staro-cerkiewnym uzgodniony z Ministerstwem Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, 1936.
- Sprawozdanie z działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego za rok akademicki 1932—1933, przedstawione przez Kierownika Studium, Prof. Zw. Mag. Św. Teologii Księdza Metropolitę Dionizego (Waledyńskiego), 1933.
- Sprawozdanie z działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego za rok akademicki 1933—1934, przedstawione przez Kierownika Studium, Prof. Zw. Mag. Św. Teologii ks. Metropolitę Dionizego (Waledyńskiego), 1935.

- Sprawozdanie z działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Józefa Piłsudskiego w Warszawie za rok akademicki 1935—36, 1937.
- Sprawozdanie z działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Józefa Piłsudskiego w Warszawie za rok 1936—37, 1937.
- Sprawozdanie z działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego, przedstawione przez Kierownika Studium Teologii Prawosławnej, Prof. Zw. Mag. Św. Teologii Prawosławnej księdza Metropolitę Dionizego (Waledyńskiego), 1932.
- Święta Liturgia Świętego Jana Złotoustego: Z błogosławieństwa Świętobliwego Synodu Św. Autokefalnego Kościoła Prawosławnego w Polsce, 1936.
- Teofan, archimandrita. Podróż do Rumunii Jego Eminencji, Najbłogosławszego Dionizego, Metropolity Warszawskiego i całej Polski, w r. 1937, 1938.
- Uroczystość obchodu drugiej rocznicy otwarcia Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego 1925—8.II—1927, 1928. Odbitka z «Ελπις», ks.IV.
- Zajikin W. Chrześcijaństwo w Europie Wschodniej od czasów apostołskich, 1926.
- Zakon Boży pro obecne szkoły, 1926. Podle výkladu Cirkve Východni vzdělal protjerej Vladimir Zach.
- Zyzykin M. Kościół a prawo międzynarodowe: (W związku z międzykościelną Konferencją Chrześcijaństwa Praktycznego w r. 1937 w Oksfordzie «Church, state and Society»), 1936.
- Zyzykin M. Nauki mechaniczne o społeczeństwie a Socjologia Chrześcijańska, 1935.
- Zyzykin M. O prawie kościelnem. (Wykład inauguracyjny wygłoszony na Uniwersytecie Warszawskim dn. 17 maja 1929 r.), 1929.
- A.A. Памяти Высокопреосвященного Митрополита Михаила Ермакова, 1932.
- Арсеньев Н. Несколько слов о Мистике, особенно Христианской, 1931.
- Акафист Божественным Страстям Христовым, 1928.
- Акафист Божией Матери «Светлей Обители странников бездомных», 1934.
- Акафист Воскресению Христову, 1930.

- Акафист Всем Святым от века Богу благоугодившим, их же память совершается Православною Церковью в первую неделю по Святой Пятидесятнице, 1928.
- Акафист Преподобному и Богоносному Отцу нашему Иову, Игумену и Чудотворцу Почаевскому, 1928.
- Акафист Преподобному и Богоносному Отцу нашему Серафиму. Саровскому Чудотворцу, 1929.
- Акафист Преподобному Отцу нашему Онуфрию Великому, 1929.
- Акафист Пресвятой Богородице пред Ее Чудотворною Иконою Жиговицкою, 1937.
- Акафист Пресвятой Богородице перед Святою Иконою Ее «Неувядаемый Цвет», 1926.
- Акафист Пресвятой Богородице, 1928.
- Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице «Взыскание погибших и всех скорбящих Радости», 1929.
- Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице «Всех скорбящих Радости», 1928.
- Акафист Пресвятой Владычице перед Ее чудотворною Иконою Почаевскою, 1928.
- Акафист Пресвятой Владычице перед Ее чудотворною Иконою Холмскою, 1930.
- Акафист Пресвятой и Животворящей Троице, 1928.
- Акафист Покрову Пресвятой Богородицы, 1929.
- Акафист Святителю Христову Николаю, 1928.
- Акафист Святой Великомученице Варваре, 1929.
- Акафист Святой Равноапостольной Марии Магдалине, 1928.
- Акафист Святому Архангелу Михаилу, 1929.
- Акафист Святому Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову, 1926.
- Акафист Святому Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову, 1929.
- Акафист Святому Великомученику и Победоносцу Георгию, 1929.
- Акафист Святому Великомученику и Целителю Пантелеймону, 1928.
- Акафист Святому Иоанну Предтече и Крестителю Господню, 1928.
- Акафист Святому Преподобному Афанасию, Игумену Брестскому, 1929.

- Акафист Святому Пророку Божию Илии, 1923.
- Акафист Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу, 1928.
- Акафист Трем Святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому, 1929.
- Акафист Успению Пресвятой Богородицы, 1929.
- Акафист Честному и Животворящему Кресту Господню. Творение иеромонаха Пахомия, святогорца обители Вознесения Господня, 1931.
- Акафист Честному и животворящему Кресту Господню, 1929.
- Алексий (Громадский), архиепископ. К истории Православной Церкви в Польше за десятилетие пребывания во главе ее Блаженнейшего Митрополита Дионисия (1923—1933), 1937.
- Алексий, архиепископ. К вопросу о составе нашего Церковного Собора и значении на нем епископов, 1930.
- Алексий, архиепископ. Митрополит Георгий (Ярошевский), 1932.
- Алексий, архиепископ. Отношение Митрополита Петра Могилы к Унии с Римом, 1932.
- Алексий, архиепископ. Преподобный Серафим Саровский, Великий Угодник Божий и Чудотворец. Издание Миссионерского Комитета при Свящ. Синоде.
- Алексий, епископ. О каноничности «Положения о внутреннем устройстве Православной Церкви в Польше», 1927.
- Алексий, епископ. Посещение Его Блаженством Блаженнейшим Митрополитом Дионисием Святых Православных Автокефальных Восточных Церквей, 1928. Отгиск из журнала «Воскресное Чтение» за 1928 г.
- Антоний, митрополит. В чем продолжало отражаться влияние Православия на последних произведениях гр. Л.Н. Толстого, 1929.
- Антоний, митрополит. Исповедь: Из воспоминаний по моим лекциям. Записано в 1919 г. в плену, 1928.
- Антоний, митрополит. Творения Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, 1928.
- Апокалипсис или Откровение Апостола Иоанна Богослова с кратким толкованием, 1936.
- Арсеньев Н. Античный мир и раннее христианство, 1933. Ч. II.
- Арсеньев Н. Об искуплении нашем, 1928. Отгиск из книги IV-й журнала «ЕЛЛІС».

- Арсеньев Н. Православная Церковь и Западное Христианство, 1929. Часть I. Православие и Католичество.
- Арсеньев Н. Просветление мира и жизни в христианской мистике Востока и Запада, 1934.
- Арсеньев Н. Работа единения Церквей и современный мир, 1937.
- Арсеньев Н. Работы смешанной Богословской Комиссии по вопросу о сближении Англиканской и Православной Церквей, 1932.
- Арсеньев Н. Религиозный опыт Апостола Павла, 1935.
- Арсеньев Н. Философский идеализм в древней Греции, 1927.
- Арсеньев Н. Эдинбургская Конференция Христианских Церквей, 3—18 августа 1937 г., 1938.
- Арсеньев Н. Еще несколько слов к софиологическому спору.
- Арсеньев Н. Конгресс Православного Богословия в Афинах, 1938.
- Арсеньев Н. Мудрование в богословии?
- Арсеньев Н. О Хомяковс, 1938.
- Баторевич С., священник. Пойдем за Христом!, 1935.
- Бернская Всехристианская Конференция 1928 г. и участие в ней Высокопреосвященнейшего Митрополита Дионисия, 1927.
- Белайц С. Без креста, без молитвы: Рассказ из советского быта, 1930.
- Белайц С. Божья кара, 1929.
- Белайц С. На пароходе, 1929.
- Белайц С. Отшельник, 1929.
- Белайц С. Проклятие странника, 1929.
- Белайц С. Стрелочник, 1929.
- Беларуска-славянські лемантар і першая навука Закону Божага, 1933.
- Біднов В. Адам Зернікав і його догматичні трактати, 1934.
- Біднов В. К.В. Харламповіч (1870—1932), 1933.
- Біднов В. Короткі історичні відомості, 1931.
- Біднов В. Московські митрополіт Макарії, 1932.
- Білоусенко О. Старий Заповіт: Біблійна Історія для шкіл середніх, 1927. Вид. перше.
- Білоусенко О. Новий Заповіт: Біблійна Історія для шкіл середніх, 1927. Вид. друге.

- Благодатная Икона Божией Матери «Взыскание Погибших», обновившаяся 12 апреля 1927 года на хуторе Белеве, Ровенского уезда, на Вольни, 1928.
- Богоспасник с нотами, 1935.
- Богомысленные размышления, извлеченные из творений Святого Отца нашего Ефрема Сириянина, 1938.
- Богоявления Господне, 1927.
- Божественная Вратарница, 1926.
- Божественная Литургия иже во Святых Отца нашего Иоанна Златоустого, 1926.
- Божественная Литургия иже во Святых Отца нашего Василия Великого, 1926.
- Божественная Литургия Преждеосвященных Даров Святого Григория Двоеслова, 1926.
- Брешко-Брешковский Н. Ряса и кровь, 1925.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым: Сборник церковных поучений, 1928. Вып. I. О Правосл. Церкви, ее таинствах и некоторых установлениях (против шпундистов) / Сост. Червяковский Е.О.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым: Сборник церковных поучений, 1928. Вып. II. Проповеди по преимуществу вероучительного содержания / Сост. Червяковский Е.О.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым: Сборник церковных поучений, 1928. Вып. III. Проповеди по преимуществу содержания нравоучительного / Сост. Червяковский Е.О.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым: Сборник церковных поучений, 1928. Вып. IV. Поучения преимущественно о храме и о том, что в нем совершается / Сост. Червяковский Е.О.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым: Сборник церковных поучений, 1928. Вып. V. Поучения преимущественно по разнообразным обстоятельствам церковно-общественной жизни паствы / Сост. Червяковский Е.О.
- Вечерня и утренняя, 1926.
- Витязевский С. Любовь и правда, 1929.
- Воссоединение униатов с Православной Церковью в 1839 г. и конкордат Рима с Россией в 1847 г. Материалы для защиты интересов Православной Церкви против исков, возбужденных р.-католическим епископатом в Польше, 1931.

- Гарднер И. Забытое богатство: (О пении на подобен), 1930.
- Гарднер И. Об инструментальной музыке и о хоровом полифоническом пении в Православном Богослужении, 1931.
- Гарднер И. Таинственный смысл утрени Великой Субботы, 1930.
- Гаврилков К., священник. Беседы по Закону Божию с детьми младшего возраста, 1936.
- Гаврилков К., священник. Церковная жизнь в СССР, 1938.
- Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии, 1928.
- Годичное собрание Исполнительного Комитета и Комитета Продолжения Стокгольмской Всемирной Конференции Практического Христианства 5—9 сентября 1929 г. в городе Эйзенах (Германия), 1930.
- Годичное собрание Комитета Продолжения Лозанской Всемирной Конференции Веры и Церковнаго Строя в Моложа (Engaline) в Швейцарии, 27—30 августа 1929 года, 1930.
- Граббе Ю. Алексей Степанович Хомяков, 1929.
- Граббе Ю. Англикане и Православная Церковь.
- Граббе Ю. Истинная соборность, 1930.
- Граббе Ю.П. Культура, прогресс и Церковь, 1931.
- Граббе Ю.П. Свобода с христианской точки зрения, 1931.
- Д.Ц. «О единстве Церкви»: По поводу брошюрки под вышеуказанным заглавием бывшего православного протоиерея Аркадия Никольского, 1929.
- Двенадцать Евангелий Святых Страстей Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, читаемых во Святый и Великий Пяток на Утрени, 1937.
- Десяния I-го Вселенского Собора: Собор Никейский первый, 1925.
- Динько-Никольский Й., протоиерей. Служба Бога для мирян, 1930.
- Дионисий, митрополит. Новейшие раскопки и открытия в римских катакомбах Св. Каллиста на Аппиевой дороге, 1928.
- Дионисий, митрополит. Божественное Откровение, как источник истинного Богопознания, 1938.
- Дионисий, митрополит. Евхаристичний культ на Україні, 1936. Библиотека «Нашої Культури».
- Дионисий, митрополит. Пасторологія Св.Иоанна Лествичника, 1927.

- Дионисий, митрополит. Пастырское изучение людей и жизни по святоотеческим творениям. Отрывок из вступительной лекции Высокопреосвященного Митрополита Дионисия по Пастырскому Богословию в Варшавском Университете 4 мая 1925 г. 1926.
- Дионисий, митрополит. Христианская археология, ее характер и ее научный метод. 1928.
- Дионисий, митрополит. Христианство и искусство, 1935.
Дополнительный требник. 1929.
- Его Блаженству. Блаженнейшему Дионисию, Митрополиту Варшавскому и Вольнскому и всея Польши, Священно-Архимандриту Почаево-Успенской Лавры, в день его юбилеев: двадцатилетнего епископского (1913 Фомино/воскресение 1933) и десятилетнего митрополичьего (1923 23/IV 1933), «Слово» и «Воскресной Чтение», 1933.
- Житие Св. Великомученицы Параскевы по руководству Четьих-Миней, 1926.
- Життя та страждання Святого Апостола і Евангелиста Іоана Богослова, 1927.
- Життя та страждання Святого Апостола і Евангелиста Луки, 1927.
- Життя та страждання Святого Апостола і Евангелиста Марка, 1927.
- Життя та страждання Святого Апостола і Евангелиста Матфея, 1927.
- Жуковский С., митрофорный протоиерей. Вера и неверие, 1933.
- Заїкін В. Проф. Іван Огієнко як церковни та громадський діяч і як учений, 1925.
- Заикин В. К вопросу о положении Православной Церкви в Польском Государстве в XIV—XVII веках, 1935.
- Заикин В. Униатский Архиепископ Марциан Белозор: Страницы из истории Униатской Церкви в эпоху ее побед и «расцвета», 1935.
- Заикин В. Участие светского элемента в церковном управлении, выборное начало и «соборность» в Киевской Митрополии в XVI и XVII веках, 1930.
- Замечания на проект брачного права, выработанный кодификационной комиссией Польской Республики, 1932.

- Записки по Православно-Христианскому Вероучению. Курс VII класса гимназий / Сост. Протоиерей Антоний Миронович. 1928.
- Зноско К., протоиерей. Виленская Островоротная или Остробрамская Чудотворная Икона Божией Матери. Исторический очерк ее происхождения и захват униатами и католиками, 1932.
- Зноско К., протоиерей. Житие и страдания Святого Преподобномученика Афанасия, Игумена Брестского (1595—1648), 1931.
- Зноско К., протоиерей. Житие и страдания Святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (1347), 1932.
- Зноско К., протоиерей. Житие Преподобного Иова, Игумена и Чудотворца Почаевского (1550—1651), 1932.
- Зноско К., протоиерей. Исторический очерк Церковной Унии, ее происхождение и характер. Часть I. Флорентийская уния. Часть II. Литовская церковная уния, 1933.
- Зноско К., протоиерей. Князь Константин Константинович Острожский и его деятельность в пользу Православия, 1933.
- Зноско К., протоиерей. Латинизация Православного Богослужения в Униатской Церкви, 1932.
- Зноско К., протоиерей. Римская неправда о главе Вселенской Церкви: Разбор католического учения о папском примате в связи в книгой И.А. Забужного «Православие и Католичество», 1932.
- Зызыкин М. Международное общение и положение в нем человеческой личности: (Социологический очерк), 1934.
- Зызыкин М. О каноническом положении правящего Епископа и областного первоиерарха — представителя в Православной Церкви, 1933.
- Зызыкин М. Оксфордская Конференция Практического Христианства «Church, State and Society» 1937 года и ее постановления, 1938.
- Зызыкин М. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Часть I. Историческая почва и источники Никоновских идей, 1931.
- Зызыкин М. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Часть II. Учение Патриарха Никона о природе

- власти государственной и церковной и их взаимоотношении, 1934.
- Зызыкин М. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Часть III. Падение Никона и крушение его идей в Петровском законодательстве. Отзывы о Никоне, 1938.
- Зызыкин М. Философия власти в свете христианской социологии, 1933.
- Зызыкин М. Церковный канон и право государства в замещении епископских кафедр: (Его юридическая природа), 1933.
- Зызыкин М. Церковь и международное право: (К межцерковной конференции практического христианства 1937 г. в Оксфорде «Church, state and Society»), 1938.
- Зызыкин М.В. Функция церковной власти: Епископ, как ее орган, 1931.
- Иверий. Страстная Пятница, 1929.
- Игнатий (Озеров), иеромонах. На Конференции Русского Христианского Студенческого Движения в Латвии в августе 1928 г., 1929.
- Иоанн (Максимович), иеромонах. Учение о Софии Премудрости Божией, 1930.
- Иоанн (Шаховской), иеромонах. Легенда о Великом Инквизиторе: (Опыт религиозного комментария), 1933.
- Иоанн, иеромонах. О духовной жизни: (Лекция), 1935.
- Ирипей, епископ Новосадский. Безопасность народов, основанная на их дружбе, вместо безопасности, основанной на вооружениях. Доклад на III Конгрессе Всемирного Союза нахождения дружбы между народами через посредство Церквей (Прага, 29.08.28), 1929.
- История Православной Церкви: Учебник по Закону Божию для VII класса семиклассных повшехных школ. Изд. второе, испр. и доп., 1932.
- Исторія Православної Церкви: Підручник для православних учнів, 1934. Вид. друге.
- Карташев А. Практика апелляционного права Константинопольских Патриархов, 1936.
- Карташев А. Церковь и Государство: (Восточно-православная точка зрения), 1937.
- Карташов А. Церковь и государство, 1938.

- Касперский Л., священник. Чудо Христова Воскресения, 1936.
- Катехизис: Учебник по Закону Божию для пятого класса семиклассных повсехных школ. Часть первая: о Вере, 1929.
- Катехизис: Учебник по Закону Божию для VI класса семиклассных повсехных школ. Часть вторая: О Надежде. Часть третья: О Любви. Изд. второе, 1935.
- Катихізіс, або в що вірує православний християнин: Підручник релігії для шкіл народніх / З рос. мови переклав прот. Йосиф Динько-Никольский, 1927.
- Кляевский Л., протоиерей. Новогрудская Борисо-Глебская Церковь, 1927.
- Коновалов В.А. Духовный суд и расторжение брака православных. Под редакцией и с разъяснением К.Н. Николаева, юриста-консульта Канцелярии Св. Синода, 1929.
- Котович А. Про релігію та її необхідність, 1927.
- Краткий Молитвослов, 1926.
- Краткий Молитвослов, 1938.
- Краткия Жития Святых на весь год, 1929.
- Краткое толкование Апокалипсиса, или Откровения Апостола Иоанна Богослова, 1925.
- Кулаков В. Новая жизнь во Христе (По Евангельским Блаженствам), 1937.
- Кулаков В. Грех и страдания по учению Св. Василия Великого, 1933.
- Кулаковский С. Белый клобук и шапка Мономаха, 1926.
- Кулаковский С. Коляда-Епифания, 1927.
- Кулаковский С. Сказание о Меркурии Смоленском в обработке Ярослава Ивашкевича, 1926.
- Кулаковский С. Сказания иностранцев о Московской Руси, 1926.
- Кулаковский С. Чудо Богоматери о Феофиле, 1926.
- Куницький А. Заклик до Туркович, 1931. Вірші.
- Л.К., протоиерей. К вопросу о соединении Церквей, 1931.
- Лекции проф. Н.С. Арсеньева, читанные на Богословском факультете Варшавского Университета в 1926—1927 гг., 1927.
- Леляевский Б.Н. Религиозная полемика с коммунистами в XVI-м веке, 1933.
- Лотоцкий Г., священник. Христос, как историческая личность, 1936.

- Лотоцкий О. Автокефалия: Нарис історії автокефальних церков. Т. 2, 1938.
- Любарский С. Турковицький Монастир. 1930.
- Любарский С. Турковицький Образ Божої Матери, 1930.
- Малая Лествица Преподобного Отца нашего Иоанна, Игумена Синайской горы, 1934.
- Мальшевский И. Правда об унии к православным христианам, 1928.
- Международная Христианская Организация: Курс лекций в Женеве 1—4 сентября 1926 г., 1927.
- Мельников Ф. Безбожие недоказуемо, 1933.
- Мельников Ф. Безбожники сами верующие, хотя и бессознательно: Непредвиденный диспут при приеме на пчеловодные курсы в Советской России. Вып. первый. Изд. второе, 1933.
- Мельников Ф. Основы безбожия, 1933.
- Меч духовный, 1927.
- Молебное пение о гонимых и страждущих за веру в Советских Републиках, 1928.
- Молитва разрешительная, от иерея над представившимся читаемая.
- Молитва за Св. Церковь, в скорби и обстоянии сушую, 1931.
- Молитви щоденні для православних дітей, 1937.
- Н.В., протоиерей. К вопросу о так называемой общей исповеди, 1934. (Написано в Советской России одним из исповедников Св. Веры).
- На память о первом пятилетии Православного Митрополитального благотворительного общества в Варшаве, 1929.
- Наука про Службу Божу: Підручник для класи IV семиклясових початкових шкіл. Вид. третє, випр. і доп., 1938.
- Начало христианства на Холмщине, 1938.
- Начатки Христианского Православного Учения, 1924.
- Непрошенные радетели, или около автокефалии Православной Церкви в Польше, 1929.
- Никитюков Н., митрофорный протоиерей. Вышний Покров над миром, 1937.
- Никитюков Н., митрофорный протоиерей. Заживо погребенный: Быль, 1938.

- Николаев К.Н. Суд присяжных в России 1864—1917 гг.: Опыт характеристики, 1927.
- Николаев К.Н. Правовое положение Православной Церкви в Польше и ее имущественные права с точки зрения административной практики, 1929.
- Николаев К.Н. Правовое положение святой Автокефальной Православной Церкви в Польше, 1927.
- Новые материалы об Оптинском старце Амвросии, 1935.
- О Православных Церковных Братствах в Юго-Западной России / Доклад Архиепископа Алексия (Дородницына) Первому Всеукраинскому Православному Церковному Собору в Киеве, 1932.
- Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора, 1931. Часть 1. Воскресное всенощное бдение. Дискант.
- Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора, 1931. Часть 1. Воскресное всенощное бдение. Альт.
- Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора, 1931. Часть 1. Воскресное всенощное бдение. Тенор.
- Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора, 1931. Часть 1. Воскресное всенощное бдение. Бас.
- Огієнко І. Начаткі християнства серед українського народу, 1925.
- Огієнко І. Новочасний церковно-слов'янський правопис: Іст. нарис з палеографії та палеотипії. З семинара церковно-слов'янської мови Православного Богословського Виділу Варшавського Університету, 1926.
- Огієнко І. Дерманська друкарня: Іст.-літ. нарис з культурного життя давньої Волині, 1925.
- Огієнко І. Константин і Мефодій: Їх життя та діяльність, 1927. Ч. 1.
- Огієнко І. Константин і Мефодій: Їх життя та діяльність, 1928. Ч. 2.
- Огієнко І. Константин Філософ: Спроба характеристики на основі історичних матеріалів, 1927.
- Огієнко І. Методологія перекладу Св. Письма та Богослужбових книг на українську мову, 1927.

- Огієнко І. Приднаєнне церкви української в 1686 р., 1925.
- Огієнко І. Присяга молодих на вінчанні, 1925. Бібліотека «Духовної Бесіди».
- Огієнко І. Пам'ятки старо-слов'янської мови X—XI віків, 1929.
- Огієнко І. Повстання азбуки й літературної мови у слов'ян, 1927.
- Огієнко І. Св. Мефодій в вязниці: Іст. нарис з часу боротьби триязичників проти богослуження живою мовою в IX віці, 1927.
- Огієнко І. Слов'янська палеографія, 1928.
- Огієнко І. Триязична ересь за часів Константина й Мефодія: Іст.-літ. розвідка про боротьбу живої мови за право бути мовою церкви в IX віці, 1927. Видбитка з журналу «Духовний Сіяч» за 1927 р.
- Огієнко І. Українська вимова богослужбового тексту в XVII віці: Нарис с історії укр. фонетики, 1926.
- Огієнко І. Фонетика церковно-слов'янської мови, 1927.
- Огієнко І. Хрещення українського народу, 1925.
- Огієнко І. Оповідання ченця Хороброго про письмена словянські: Текст і додатки, 1927. Відбитка з журналу «Елліс» кн. III за 1927 р.
- Огицкий П., протоиерей. Пренепорочность Богоматери: Опровержение латинского догмата о непорочном зачатии Пресвятой Девы Марии, 1932.
- Підручник Закона Божого для семиклясових початкових шкіл. Кляса пята і шоста. Катехизис. Частина перша: Про Віру. Частина друга: Про Надію. Частина третя: Про Любовь. Вид. друге, 1938.
- Памяти в Бозе почившего Патриарха Антиохийского Григория IV, 1929.
- Пантелеймон, архиепископ. Крест Христов в православном понимании, 1933.
- Пантелеймон, архиепископ. Против безбожия, 1933.
- Пападопуло Г. Апология библейской космогонии, 1926.
- Пастырское служение или душепопечение по слову Божию и разумению свв. отцов Вселенской Церкви, 1927.
- Певницкий В. Основные пункты об учении о пастырском служении, 1926.

- Первое собрание представителей духовенства и мирян святой Польской автокефальной Православной Церкви 10—15 января 1917 года в Варшаве.
- Первоначальное Наставление в Законе Божиим. Учебник по Закону Божию для первого класса семиклассных повсехных школ. Изд. третье, испр. и доп., 1929.
- Перетрухин И. Богоматерь: Полное описание ее земной жизни, 1930.
- Перетрухин И. Обновляются иконы: Повесть наших дней. 1927.
- Полный Молитвослов Православного Христианина с переводом на русский язык всех молитв и песнопений и с приложением духовных песен и краткого Православного Катехизиса, 1929.
- Полный Требник, состоящий из Требника и Дополнительного Требника.
- Помазанский М., протоиерей. Христос, Церковь и Государство: Доклад, прочитанный в XIII Духовном Собрании, организованном в Варшаве Братством Православных Богословов, 1938.
- Поминание, 1930.
- Помянник: С последованием общего молебна и панихиды по усопшим, 1930.
- Последование в Святую и Великую Неделю Пасхи и во всю Светлую Седмицу, 1926.
- Последование молебного пения о обращении заблудших, певаемого в неделю Православия и во иных потребных случаях, 1926.
- Последование молебных пений, 1930.
- Последование освящения Храма, егда творить с иерей, избранный на сие от архиерея и искусный, 1925.
- Последование Парастаса сиречь Великия Панихиды и Всенощного Бдения, певаемого по усопшим, 1929.
- Поснов М. Митрополит Антоний, как православный богослов-догматист: По поводу 40-летия его учено-литературной деятельности.
- Похорон світських людей, 1935.
- Початкова наука Закону Божого для класи I семикласових народніх шкіл, 1930.

- Правовое положение святой Автокефальной Православной Церкви в Польше: Доклад I-му Поместному Собору Православной Церкви в Польше, 1931.
- Православие в мировом христианском движении, 1926.
- Православный Молитовник / Пер. проф. Иван Огієнко, 1930.
- Православно-Христианское Нравоучение или Христианская Этика. Изд. второе, испр. и доп., 1934.
- Православно-Христианское Вероучение: Изд. второе, испр. и доп., 1934.
- Православное Богослужение: Учебник по Закону Божию для четвертого класса семиклассных повсехных школ. Изд. третье, испр. и доп., 1931.
- Православное учение о спасении, 1927.
- Притеснение религии в России. Речь, произнесенная в Палате Лордов Архиепископом Кентерберийским 2 апреля 1930 года, 1930
- Прорвич С. Песня соловья: Рассказ для детей, 1933.
- Проскомидия Литургии Святой, или Чин приношения церковного, предложенного в жертву Богу, 1926.
- 50 картин для наглядного преподавания Закона Божия / По благословению Его Блаженства, Блаженнейшего Дионисия, Митрополита Варшавского и всея Польши.
- Религии против войны: Протоколы Подготовительного Комитета «Всемирного Религиозного Конгресса Мира», состоявшегося в Женеве 12—14 сентября 1928 года, 1929.
- Речь М.В. Зызыкина перед диспутом в Париже 26 февраля 1929 года на защите диссертации «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи», 1929.
- Рогальский Н., протоиерей. Краткий очерк религиозно-философских систем теософии и антропософии.
- Рошицкий Ю. Всемирная Конференция Веры и Строя Церковного: Собрание Комитета Продолжения в Праге в сентябре 1928 года, 1929.
- Рошицкий Ю. Всемирная Конференция Практического Христианства: Годичное собрание Исполнительного Комитета Продолжения 31 августа — 5 сентября 1928 года в Праге, 1929.
- Рошицкий Ю. Всеобщая Религиозная Конференция Мира в Женеве 12—14 сентября 1928 года, 1929.

- Русско-Славянский Букварь и первое наставление в Законе Божием: Подарочек добрым деткам. Изд. третье, испр. и доп., 1933.
- Савостьянов А. Светлое Христово Воскресение и празднование Святой Пасхи в изображении русской поэзии, 1929.
- Сагайдаковский А., протоиерей. Святой Великий и Славный Пророк Божий Илия. 1937.
- Сагайдаковский А., священник. Молитвы и мелодии, 1925.
- Сайкович Д., протоиерей. Богословствование в Бозе почившего Блаженнейшего Митрополита Антония Храповицкого, 1938.
- Сайкович Д., протоиерей. Что ожидает нас за гробом? 1935.
- Св. Великий Князь Владимир и Холмская Икона Божией Матери, 1938.
- Светлой памяти Епископа Чарльза Брента, 1929.
- Святе Евангеліє, 1938.
- Священная история Ветхого Завета: Учебник по Закону Божию для второго класса семиклассных повсехных школ. Изд. четвертое, испр. и доп., 1930.
- Священная История Нового Завета: Учебник по Закону Божию для III-го класса семиклассных повсехных школ. Изд. четвертое, испр. и доп., 1935
- Священна Історія Старого Заповіту: Підручник для класи II семи-класових початкових шкіл. Вид. п'яте, 1937.
- Священна Історія Нового Заповіту: Підручник для класи III семи-класових початкових шкіл. Вид. п'яте, випр. і доп., 1937.
- Серафим, архиепископ. Церковь и Советская власть, 1933.
- Серафим, игумен. Светлой памяти столпа Православия Блаженнейшего Дамиана Патриарха Иерусалимского: (Венок на могилу), 1932.
- Сельское хозяйство, 1925.
- Семенюк А., священник. Записки по Православно-Христианскому Нравоучению: Пособие для второго курса лицея (VII класса гимназии), 1936.
- Семенюк А., священник. Записки по Православно-Христианскому нравоучению: Пособие для второго курса лицея (VIII класса гимназии), 1936.
- Скворцов М. Воскресение Христово, как чудо истории христианства, 1929.

- Служба и акафист Святому Равноапостольному Князю Владимиру, 1938.
- Служба на каждый день Первой Седмицы Святой Четырдесятницы, 1927.
- Служба Преподобному Отцу нашему Онуфрию Великому. Пустынножителю Египетскому, 1929.
- Служба Преподобному Отцу нашему Стефану, Епископу Владимировольнскому, игумену Печерскому, 1928.
- Служба Преподобномученику Афанасию, Игумену Брестскому, 1929.
- Службы на каждый день Страстных Седмицы, 1929.
- Страсти Христовы и плач Пресвятыя Богородицы при Кресте Спасителя, 1928.
- Гарасий. иеромонах. Перелом в древнерусском богословии: С предисловием Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония (Храповицкого), 1927.
- Таубе М.А. Аграфы: О незаписанных в Евангелии изречениях Иисуса Христа, 1937.
- Теодорович Т., протопресвитер. К сорокалетию пастырства. 1895 17(30) /X 1935, 1935.
- Теодорович Т., протопресвитер. Пасха. Светлая седмица: Изложение порядка Пасхальных служб с объяснением их внутреннего содержания, 1933.
- Теодорович Т., протопресвитер. Почаевская Успенская Лавра и ее святыни, 1930.
- Теодорович Т., протопресвитер. Руководственные пастырские советы молящимся относительно поведения за богослужением, 1930.
- Теодорович Т., протопресвитер. Страстная Неделя: Воспоминания великих дней Страстной Недели с кратким изложением содержания церковных служб ее, 1932.
- Типикон, 1938.
- Требник, 1925.
- III-й Конгресс Всемирного Союза насаждения дружбы между народами посредством Церквей в Праге Чешской, 24—30 августа 1928 года, 1929.
- Троицкий С. Что такое живая Церковь? 1927.

- Тучемский М., протоиерей. На защиту христианства: Социализм и марксизм как проводники пропаганды безбожия, 1934.
- Українсько-Слов'янський Букварь, перше навчання в Законі Божому: Подарунок добрим діткам, 1933.
- Учебник по Закону Божию для седьмого класса повшехных школ. Седьмая книга. Краткая история Православной Церкви. 1925.
- Феодосий, архиепископ. Можно ли христианину согласиться с учением теософов о перевоплощении людей? 1928.
- Феофан, архимандрит. Пастырское делание на приходе / (Реферат, прочитанный на Варшавско-Холмском Епархиальном собрании духовенства и мирян 20 декабря 1933 г.), 1934.
- Феофан, архимандрит. Путешествие в Румынию Его Блаженства, Блаженнейшего Дионисия, Митрополита Варшавского и всея Польши в 1937 году, 1937.
- Феофан, архимандрит. Святитель Феофан, затворник Вышенский, как образ православного архипастыря, 1934.
- Филарет, митрополит. Православный Христианский Катихизис Митрополита Филарета в общедоступном изложении, 1935.
- Филипп (Гарднер), иеромонах. Два забытых подобна, 1932.
- Филипп (Гарднер), иеромонах. Догматическое содержание Канона Великой Субботы, 1935.
- Филипп (Гарднер), иеромонах. К вопросу о переложениях церковных распевов для хора, 1932.
- Филипп (Гарднер), иеромонах. Религиозные черты в творчестве Есенина, Клюева и в опере «Сказание о невидимом граде Китеже и о девице Февронии», 1932.
- Филипп (Морозов), иеромонах. Религиозно-философское мировоззрение Вл.С. Соловьева, 1928.
- Холмская Чудотворная Икона Божией Матери, 1930.
- Хращевский Ф., священник. Божественность Иисуса Христа, 1937.
- Церковные торжества в гор. Гродне 13—15 октября 1934 года, 1934.
- Часослов, 1925.
- Червяковский Е.О. Катехизические беседы о святом Храме со всеми его необходимыми принадлежностями и о всех церковных службах круга суточного христианского богослужения, 1929.
- Чернавин И., протоиерей. О бытии Божиим, 1937.
- Чин наречения и хиротонии во епископы, 1931.

- Чин присоединения и помазания Св. Миром приходящих ко
Православной Церкви от Римско-Латинского Вероисповеда-
ния, 1934.
- Чин поклонения Святой Плащанице, совершаемый в Варшавской
Митрополичьей Пещерной Церкви во имя Страстей Христо-
вых, 1931.
- Чин последования Божественным Страстям Христовым (Пассий),
1934.
- Шамардин С., священник. Мировое значение Православия и зада-
чи Массонства, 1930.
- Шамардин С., священник. Раскрытие тайн так называемой теосо-
фии или антихристианософии, 1930.
- Ярмолюк И., протоиерей. Стоит ли жить? (Смысл жизни), 1935.
- Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь, 1937.

Заветы русских старцев

«Там Божии звоны гудут...»

Из народного песнопения о Леснянском монастыре

Влияние православного монашества на весь уклад жизни православного населения межвоенной Польши, особенно основной его части — крестьянства, было значительным. Даже закрытые польским правительством монастыри, преимущественно на Холмщине и Подляшье, несмотря на их физическое исчезновение, продолжали, по словам очевидца, нести «то Божие, истинное, доброе, которое оглашалось, насаждалось, внедрялось... в этих обителях в человеческую душу» [1, С. 97]. Все это «не пропало бесследно, не могло исчезнуть» в продолжение целых десятилетий после того, как «исчезли т[ак] наз[ываемые] внешние объекты» [1, С. 97]. Наряду с Почаевской лаврой и другими действовавшими во II Речи Посполитой православными монастырями *de facto* продолжали свою духовную миссию и ликвидированные обители, прежде всего женские, основанные в конце XIX — начале XX вв. по благословию оптинских старцев. Выделялись среди них Леснянский, Вировский, Радочницкий, Красностокский и Турковицкий монастыри. Первый из них к моменту эвакуации в период I мировой войны стал подлинной «женской Лаврой» [1, С. 92], а затем возрождал женскую монастырскую жизнь в Сербии¹.

Митрополит Евлогий (Георгиевский), так много сделавший для православного населения Польши, за что почитается здесь и по сей день, вспоминал в 1936 г.: «Женские монастыри в Холмщине имели огромное значение для местной народной жизни. Их было несколько, но монастырем-колыбелью всех остальных была Леснянская обитель. Она была основана в 1884 году игуменьей Екатериной (в миру

---

¹ Ныне Леснянский монастырь находится в ста километрах от Парижа в городке Провемон (Provémont).

графиня Ефимовская)... . С течением времени он стал... тем культурно-просветительским центром, который матушка Екатерина задумала создать. Она основала приюты для сирот, школы для младшего, среднего и старшего возраста, высшее сельскохозяйственное женское училище, церковно-учительскую школу (церковно-учительную семинарию). В школах ее обучалось до тысячи детей. Можно сказать, что весь народ холмский проходил через ее приюты и школы, вся сельская интеллигенция: учителя, учительницы, волостные писаря, агрономы, псаломщики... — в большинстве были ее воспитанниками... Народ отвечал Леснинской обители благодарной любовью — тянулся к ней за просвещением, за моральной помощью, за материальной поддержкой... . Матушка Екатерина любила свой родной великорусский народ, хотела ему послужить, а Бог привел трудиться среди иного народа, душевно изломанного долголетней борьбой за свою веру и народность, но этому бедному народу она сумела послужить с великим усердием... . В женских монастырях... установилась внутренняя дисциплина: каждая монахиня сознательно относилась к своему долгу, понимая всю серьезность своего призвания. Монастыри были обвеяны одним духом, связаны единством духовно-просветительных методов монашеского труда — и стали для холмского народа необходимой и крепкой опорой» [2].

Духовное наследие того давнего монашества живо в Польше и поныне. В межвоенное же двадцатилетие связь с еще недавним прошлым как бы не прерывалась вовсе — одно из характерных свидетельств тому — большое число сохранившихся до сих пор списков различных паралитургических, назидательных, учительных и иных произведений, созданных в монастырской среде и переписывавшихся крестьянами, мещанами, священниками во II Речи Посполитой.

Особняком среди всей этой литературы стоят рукописи, связанные с традициями русского старчества, явления все еще очень мало изученного, как, впрочем, и вообще история

православного монашества XIX—XX вв. Рукописи эти переписывались в межвоенной Польше в основном, видимо, представителями интеллектуальной элиты, духовной и светской, и ныне сберегаются среди потомков русских эмигрантов, у православного духовенства, старообрядцев. Для публикации мы отобрали три монашеских сочинения, написанных в России в первой трети XIX в., относящихся к сокровенной литературе для немногих, ныне почти неизвестной, имевшей хождение в основном в рукописном виде. Примечательно, что все публикуемые списки непосредственно восходят к авторским рукописным оригиналам. Не случайными среди них оказываются поучения и писания преподобного старца Василиска, пустынноика Туринского (†29 декабря 1824 г.) и «ученика его» — преподобного старца Зосимы Верховского (†24 октября 1833 г.). Они были первыми среди старцев, взявшихся за руководство духовной жизнью русских женщин, за создание женских православных обителей [3].

Публикация осуществляется с некоторыми графическими и орфографическими изменениями относительно оригинала, общепринятыми при издании подобных текстов.

1. И.Б. К истории православного женского монашества на Холмщине и Подляшья // Православный церковный календарь 1966 г. Варшава, 1965.
2. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 104—108.
3. Пимен (Мясников), архим. Монашество и современные о нем толки // ЧОИДР. 1874. Кн. II. С. 295—310.

Наблюдения почерпнутыя из опыта.

Наблюдать за самим собою — тщательно примечать движения духа и плоти, имеет непрременную обязанность каждый. В потребности сего произведения, кроме повсядневных опытов, уверяет и Св: Писание: блюдите, како опасно ходите, т.е. для осторожности замечайте ход ваших дел. Сей благодетельный совет оправдывали отцы в наземной жизни, и в назидание наше оставили незабвенный свой памятник под именем деятельных главизн, состоящий из краткаго изображения мыслей, повсядневно ими приобретаемых — поверенных опытом. — Естли ограничившись ими, не брать перо для изтканья одежды собственному порождению: значит, не нещись о нравственных отросях; что не только в сем виде, но даже и в естественном смысле весьма предосудительно; и — наконец, дав ницу лени, лишать себя полезнейшаго приобретения от собственного сокровища износимаго; а что паче всего не делать подражания, столь достойному подражания примеру Святых и богоугодных отцов: как непременно довлеет быти ученику яко же и Учителю его! ....

I. Бог — единое благо на земле и в небе: кроме Его нет истиннаго блаженства, щастия, и покоя. Опыт души человеческой не могущей довольствоваться ничем преходящим, и ищущей верховнаго — вечнаго блага, ясно сие доказывает.

II. Погружение — вхождение в самага себя открывает, что душа устроена для высшей цели, и непрестанно общится с духовным миром. — Кроме сей внимательности приметить показанное действие почти не можно.

III. На основании сказапшаго общения можно утвердить предчувствия: ибо душа увлекшись в горний мир, из области его может прозирать в будущность; следствием сего есть ощущение в душе необыкновенных явлений, которыя разкрываются во времени.

IV. Духовная мудрость есть чистое созерцание путей промысла во всех и во всем.

V. Тогда я уверюсь, что ты признаешь промысл и суд божий на земле, когда боясь восхитить онаго, никого и ни в чем осуждать не станешь.

VI. Если хочешь быть спокоен ни во что не касающееся до тебя не входи; ограничь любопытство, и все неизключительно приписывай божией воле.

VII. Изыскание средств к спокойствию духа, или обретения внутреннего мира.

Духовная жизнь христианина наполнена беспокойством, скорбями, печальями и горестию. — Кроме повсядневных опытов. Священное Писание на многих местах подтверждает сию истину говоря, что хотяшии благочестно жити во Христе гонимы будут (а) и суции в теле сем въздыханием отягчаеми (б). Не редко случается, находящемуся, в сих обстоятельствах унывать, беспокоится, сетовать и скорбеть: хотя — конечно сие последствие весьма соестественно причинам; однакоже чрезмерная преданность оному, дая силу врагам, являет война побежденным, и разстроивает предположенную цель благочестия. И так, что бы не быть побежденным, но счастливо побеждать о Хр[ис]те, следует не скорбеть во время горести — быть покойну при возмущении — находить сладость в несении креста! Сие с первого взгляда представляется вовсе не возможным и противоестественным; но рассматривая Св: Павла радовавшагося в скорбях (с) и утешавшагося при хулениях (д), должно согласится, что таковая участь может быть присвоена и прочими верующими; а как достигнуть оной, займемся изысканием к тому средства, кои разложим на общия и частныя.

Общая:

Если хочешь иметь спокойствие духа и душевный мир, наблюдай:

1. Смирись всеконечно чрез подробное познание небрежного твоего жития; и всякую скорбь, всякую обиду, возмущение и насмешку признай тебя достойными. Убедись, что если не будешь сетовать и роптать в сем случае, то скорби послужат к очищению души твоея.

2. Разсуди, что возмущение и беспокойство происходят без всякаго сомнения от гордости, которая составляет подлую

(а) 2. Тимоф. Гл. 3. Ст. 12. (б) 2. Кор. Гл. 5. Ст. 4.

(с) 1. Кор. Гл. 4. Ст. 11, 12 и 13. (д) 2. Кор. Гл. 11. Ст. 23 и 30.

страсть, и никогда и ничем напитана быть не может. Отринь гордость и — всегда будешь покоен; чтоб скорей достичь сей цели, побуждай себя являть уничижение в мыслях, словах и делах.

3. При скорбях вообрази, что они приносят тебе величайшую пользу: 1. учат терпению; 2. делают познания твои опытными и совершеннейшими; 3. они смиряют тебя и невольно направляют к исканию внутреннего мира.

4. Представь, что время быстро летит — все мгновенно проходит: все как приятное, так и скорбное на земле, должно вскоре миноваться.

5. Разсуждай, что нет в мире сем ни одного места, ни одного состояния, кроме самоотвержения, которое было бы блаженно: все имеют свои скорби, вытекающая из дальнейших пожеланий. — Всякое видимое удовольствие представляется только до тех пор сладким, пока его не вкусим; после же сего в самую первую секунду делается обыкновенным, после скучным, а наконец и совсем теряет цену. Напр: летняя прогулка до тех пор нравится, пока в природе зима ...

6. Приметь, что скорбение при горести, не помогает, но еще и усиливает оную; напротив мужественный дух умеряет скорбь.

7. Старайся сколь можно верить, что все случающееся с людьми, протекает чрез промысл. Если птицы, власы и пр: неизключены из круга промысла то кольми паче человек и все случающееся с ним?

8. Имей пред глазами непрестанно примеры Христова страдания и терпения, каковыя он начал предлагать тебе в уроки, от первых минут плотскаго своего явления.

9. Чаще взирай на него и прибегай к нему чрез молитву; высший степень которья не только делает скорби не чувствительными, но и питает душу непрестанно небесною сладостию.

10. Читая Св. Писание, вникай в те места кои разсуждают о терпении, о внутреннем покое и самоотвержении; а так же пользуйся и твердостью Св. Отцов в сем случае.

11. Ежедневно наблюдай за собою ход твоих душевных движений, и опытом дознанное, старайся употреблять в свою пользу.

12. Воспоминай непостоянство мира, падение сильных, пагубный конец участи счастливых, и разрушение целых царств; видя

сию непрочность, ничего не будешь желать на земле; а от сего и будешь покоен.

13. Чаше всего поминай о смерти — ея не известности и скорости. А вечность, — ея последствие, должна тебя устроить так, чтоб с истинною преданностию слушая гласа ея, быть самоотверженным.

Вот общие средства ко внутреннему миру!

Частныя:

14. В обществе, где ты живешь, отдавай всем должное почтение; старайся в каждом примечать что-либо благое; худому же не скоро верь, и как можно старайся таковой слух обращать в добро.

15. Имей мир и святыню со всеми, однакож без человекоугодия; ни кому не противоречь и удаляйся споров.

16. Естли хочешь всех любить, то елико можно от всех бегай — по слову Св. Арсения. Певедение злобы, рождает любовь — говорит Св. Исаак.

17. Более молчи. Естли в обществе услышишь не полезное, или двух, или трех празднословящих, положив поклон беги — так учит Св. Симеон.

18. Естли куда придешь, ежеминутно истязуй свою совесть, не имеет ли она лживости; старайся говорить всегда полезное, и никого не осуждай, да не впадешь в его участь.

19. Ни о ком худо не говори отнюдь; даже старайся и ни чего худаго не мыслить; естли увидишь в себе войну, приложи воздержание в пище.

20. Не любопытствуй о братии, с которою живешь: кто каков, из какого звания и каких способностей. Лучше тебе не знать их даже и по имени, нежели узнав, на каждого соблажняться.

21. Без нужды ни в чью келью не ходи, кроме старшей, или единого брата, от коего получаешь пользу. Пред изшествием всегда приуготовляйся к неприятной встрече, моля Бога о управлении пути, о сем учит Св. Лествичник. — Естли идя за пользою, ее не получишь, не сетуй но почти себя недостойным внимания и признай в сем волю божию.

22. Берегись на словах оказывать себя знающим; сие рождает гордость, а напоследок глупость, и подрывает душевный мир.

23. Умей пользоваться и утешаться настоящим, и нежелай явить себя миру: помни, что алмазы и драгоценные металлы до тех пор только растут, пока они сокрыты в земле; и пшеничные колосья закрыты мякиными усиками для того, чтоб не оклевали зерен их птицы. Сие сказал Св. Василий Великий.

24. Не желай начальства и высоких чинов; но будь уверен, что чести переменяют нравы; и каков ты теперь есть, то без сомнения таковым уже не будешь получив земное достоинство.

25. Во всех случаях и о всем благодари Бога, и вся яко от его руки приемли, и не оставляй непрестанной молитвы.

Если сия будешь стараться сохранять, обретешь спокойствие духа, душевный мир и внутреннюю небесную радость на земли, будешь всегда весел, спокоен, доволен, щастлив и во всем благополучен о Хр[ис]те Ии[су]се Г[оспо]де нашем.

VIII. В болезненном состоянии тело лишается сил и способов для подвига; а в здоровом — страсти разстлевают душу: когда находишься в первом — думаешь, что гораздо выгоднее второе; когдаже в оном, то о первом воздыхаешь. Вот, как не постоянны желания человеческия!

IX. Всякая материальная и внешняя добродетель не без пользы: она хотя не приобретает неба, но приуготовляет дух к приятию благодати.

X. Будь уверен, что смириться на высокой степени гораздо труднее; или и совсем неудобно: ибо таковой иногда не вольно увлекается от самопознания ...

XI. Ни сколько и ни когда на себя не надейся: ибо всегда по слабости человеческой более делает перевеса грех, нежели добро; поелику зло соделывает человек по влечению сердца; а добро по убеждению разума; кои оба испорчены, а между тем сердце всегда побеждает разум.

XII. Помни, что всякая обида снесенная тобою в терпении, доставляет спокойствие совести а всякое отмщение мучит дух.

XIII. В случае внутренняго в духе разстройства, одно токмо духовное любомудрие, сильно привести паки к спокойствию; допущение себя до веселостей в то время, хотя бы — казалось нам — и доставляет некоторое утешение, но в самом-то деле оно бывает распространением вышесказанной заразы.

XIII. По обозрении разных страстей, душевных и телесных следует изыскать: каковыя из них в особенности делают вечное препятствие изучению умной молитве — в следствие чего, заключается, что плотския - чувственные страсти, сколько бы ни свирепствовали, как то: блудная, чревоугодная и леностная; однакож при прохождении молитвы от достижения ея цели запинать не могут; но повремени, молитва их поглощает и во-вся искореняет. Напротив того злоба, гордость и зависть никогда, не допустят достичь умной молитвы; поелику они преимущественно образуются в душе... Ясный сему пример можно видеть в событиях Евангельских: злоба, упоившая сердца фарисеев и книжников недопустила им признать Искушителя их истинным Сыном Божиим, хотя они и часто с ним обранались; напротив того блудница, в теле которья разлита была Скверна блуда и сладострастия, не только с верою Его познала, но и учинив переворот жара и любви Своея к нему излила у ног Его Свою душу ...

XV. Любовь к ближнему не есть то, чтобы при встречах показывая ласковость, представлять пред ним человекоугодие и с приятностию вовлекать его в общение с собою; но совершенная любовь к ближним есть внутреннее желание всем спастися и смиренное со всеми обхождение, сопряженное с бегством от всех: а так же и искренняя келейная молитва не только о всем мире, но и о врагах подрывающих честь нашу.

XVI. Если спросил бы кто: можно ли найти человека, который бы переламывал мое произволение к худому; и посредством суждений и слова, мог владеть и располагать душею моею без всякой моей подготовки? — Сему следует отвечать, что не можно — кроме Бога; если допустить сие обстоятельство: то уничтожим человеческую свободу, и лишим его мзды за подвиг, а между тем если и случится найти на некоторое время показаннаго руководителя, однакоже вскоре за сим следует ожидать против него брани, наносимой от врага.

XVII. Многие удивляются разсуждая о том: что за таинство, что инья при сильных волнениях людских бывают спокойными? — Таинство сие сокрыто в приверженности ко Иисусу Христу; и привязанности к нему ума, сердца и непрестанной памяти. Если чье сердце погружено в оном: тот и в жестоких смущениях раз-

мышляя о вездесущии Божисм, щитаег себя всегда находящимся близ неизменнаго стража и мощнаго защитника.

**Изложение мыслей, приобретенных любезною во Христе
нашею монашескою беседою (Арсения с Дионисием) в
25 число сентября 1831-го в продолжении нощи, по памяти
преподобнаго Сергия, в Пешноше.**

Брат от брата помогаем, яко град тверд и высок.

Явственнo есть воистинну, яко ниже по Богу умно дело, и видение и горе простертие подобает удержавати во уме неписано, но и писанию предавати и назнаменованию общия ради пользы за любовь.

Каллист. Антиликуда, Гл. 110.

Да наставит нас Г[оспо]дь Ии[су]с Хр[ис]тос ради Матере своея, нашае Владычицы Пресвятыя Богородицы.

Из опыта.

Д: Часто случается монаху впадать в уныние, которое будучи возведенным на высокую степень, рождает охлаждение не только к духовным, но даже и ко всем вообще предметам; каким образом воюя с ним, побеждать его?

А: Дух уныния, при всяком случае нападающий на монаха, побеждается во первых, чтением замысловатых и высоких книг, кои завлекают внимание; во 2-х рукоделием, в 3-х телесным утруждением; а паче советом опытнаго человека. Некоторые же из Отцов, в совершенном охлаждении духа, старались приводить себе на память подвиги прежде их бывших отцев, принаравливая скорби свои к их терпению, а из сего и снискивали себе утешение и завлечение к добрым подвигам. Иные же дух уныния побеждали послаблением на некоторое время постояннаго их воздержания; они сим способом познав пустоту и суетность светской развлекательности, получали теплое расположение к нудничеству.

2. Рожденная с нами чувственная страсть, ругает — как я вижу — сильнее прочих на душу нашу; к истреблению которой, какое бы удобнее найти средство?

Средство к отсечению телесной страсти, состоит в удалении предметов раздражающих душу в сем смысле, и воздержание соединенное с безмолвием. — Тщетно предприятие наше, дабы можно было уцеломудрствоваться среди мирского шума; ибо воспоминание плодов пагубнаго Вавилона, взрослых в праведном Лоте, оправдывает мысль сию. А наконец тленность, и скорое приближение смертнаго часа к отвращению сего полезно! Тленность, т.е. воображение скаредности блудной страсти, которая кроме отвращения души во все от любви божией (что гибельнее всякаго греха) и сама в существе своем есть гнусна и бедственна: сколько можно видеть людей обладанных Ею, поверженными в неудобн изцельныя болезни, сведенными с ума, лишившими себя жизни, изнуренными ревностью, пронзенными вероломством и изменою; мучащимися прежде смерти во аде страсти Своея? — Приближение смерти. Можноли описать участь того человека, который разлив душу и тело? Сколь мучительно для него воображение смерти, которая скорее всего начинает представляться в сем случае по вражью действию?

3. Часто побеждаются — ищущие спасения, желанием честей и славы мира сего; чрез какое средство можно сделаться к сим равнодушным?

Как многие древние отцы, подобно им и в наши времена спасения ищущие, нижеследующие средства к истреблению тщеславия находят: твердо о себе заключать 1-е, что оне перазумевая благоденний Божиих ежеминутно люющихся на него, вместо благодарности, законопреступствует, щитая дарования Божии собственными своими; за что не похвалы, а порицания бывает достойным, 2. что естли безумно услаждается хвалою человеческою, то презирает Божия щедроты, наградившия его единственно по человеколюбию; при том знать должно, что тот, который наградил оными, без сомнения может и лишить их, 3-е. что хвала и честь напыщающая мысль нашу истекают более от лести нежели от прямого к нам уважения; а потому достойны быть отвергаемыми, как дары подносимыя с презрительным видом, 4-е. что примеры Отцев, которые не токмо убегали чести и славы, но и будучи

возведенными на степень оных, равнодушно с себя свергали, — предохраняют от сей страсти: так Исаак Сирий пробыв полгода Епископом, и презрев его, ушел на безмолвие; так Святой Ефрем влекомый в сан Архиепископа, к избежанию онаго притварил юродство; так Дамаскин, ученый мудрый и сановитый муж, охотно променял всю славу свою на покорение простому монаху.

4. Живущие в общежительных монастырях, желая пустынной жизни, и по многим неудобствам не обретая оной: каким образом могут усовершенствоваться в умозрительности, одним токмо безмолвием постигаемой?

Желающие безмолвия, и находящиеся в невозможности по обстоятельствам жизни, не должны отчаиваться и преставать от толь потребнаго желанія; при чем да просят с надеждою Бога, могущаго устроить спасительный путь. Доколе же находится в невозможности, да терпеть со благодушием, непресекая моления и веруя, что естли полезно для вечности исполнение их плана, то Господь во един час совершить может их благое намерение в настоящее дело. Далее: утешать себя упованием таковым, что Бог зряй вся ясно, хотя и не исполнит таковаго желанія по сокрытым в Его премудрости судьбам, человечеству неведомым; но когда желаніе не ослабно пылать будет до смертнаго часа, увенчает славою подвижников, перенесших все тяготы уединеннаго пребывания; ибо он часто одно намерение награждает, как и самое того исполнение.

5. Как побеждать леность к Спасительным подвигам?

Помни, что ты при торжественном собрании ангелов и человеков в присутствии самаго Бога произнес обеты, что бы готовым быть к исполнению всякаго дела блага. Крепко содержи в памяти твоей оный обетов твоих день. Таковая память, расширяющаяся в мысли породит ревность к стяжанию дел благих; противоположная же оной тягота духа изженется как тать, скрывшийся в углу чуждаго дома; к сему же потребно и маломерное употребление пищи, питія, и удаление от людей, ищущих телеснаго спокойствія.

6. Всякую ли сердечную тайну должно открывать духовному отцу, не моею собственною совестию избранному, но поставленному общими желаніями братства.

Самоотвержение готово пред целым миром исповедать грехи свои. Когда же сего не достигли, то можно соответственно своей доверенности избравши благонамеренного человека, делить с ним все тайны.

7. Чем ободрять себя при трудности в прохождении подвига?

Опытом дознаю, сто противу всякаго рода скорбей облегающих душу, нет полезнейшаго и отменнейшаго врачевства, как благоговейное размышление о спасительных страстях Ии[су]са Хр[ис]та, нашего искупителя; обдумай постоянно: предание его иудеям руками невернаго ученика, премудрое с скромностию молчание пред дерзким вопрошением Пилата о точном происхождении Его, жестокое ударение по ланите, безчисленные раны на чистое тело Его наложенные, падетый на главу венец пригвождение ко кресту, и прободение ребра; и все сие страдание его окончанное молитвою, ясно доказавшею крайнее незлобие: «Отче! Не постави им в грех сего». Мысль скорбящая, странствуя по сим спасительным следам, конечно скажет: недостаточны страдания мои, против страданий любителя моего, всесладоуспейшаго Ии[су]са.

8. Что есть самолюбие; как оно входит в человека и чем истребляется?

Самолюбие, взятое в смысле страсти, есть недостаток самопознания, или излишнее к самому себе уважение; возрастает в душе посредством невнимания и похвалы людей, от корене прирожденной гордости. Уничтожается самолюбие внешним и внутренним смирением, памятованием смерти и изследованием посредством разсуждения своих поступков.

9. Чем предостерегать душу от влюбленности в тленныя вещи, и на основании чего умерять высшую степень веселости в характере?

Представь себе как на картине всю обширность земли, и разсмотри безпристрастно все вещества наполняющие ее; сколь они ничтожны в сравнении с достоинством души человеческой, возведенной Божиим человеколюбием, по неким таинствам выше степени ангельскаго? Из сего видно, что всякая вещь, несравненно есть худшею пред высоким благородством души христианской: несравненно же худшее, недостойно любимо быть презиящю

лучшим, т.е. тленное вещество, нетленную и бессмертною душою; противный же поступок есть весьма гнусен и никак не позволителен. — Что бы не вовлекатся в восхитительность, при созерцании вещественности, то нужно ежеминутно устремлять желание души своея к свойственным ей безтелесным, чистым и тонким естеством, и погружаться в размышление о благодатной вечности, по Св: Апостолу Павлу: о сем воздыхаем, в жилище наше небесное обещися желающе.

10. Как умирить себя с братиею, т.е. соблюдая благоговейную учтивость, смотреть на каждого не приразительными глазами, какого б он низкаго состояния ни был?

При встрече каждого человека и взгляде на лице его, воображать в себе: се ближний мой хранящий в душе своей подобие Бога, моего Создателя. При разговорах с ним естли замечательны будут, какия-либо недостатки, ограничить пронциательность свою сим, что есть и в нем важные таланты, но они другаго рода, и не всякому приметны: или усердное стремление к послужениям или тайное желание всякому спастися, или сокровенная и непрерывная к Творцу благодарность, или то и другое достойное Божияго о нем благотворения, и любви к нему человеков. Чувствовать должно и то, что каждый человек облочен тоужде плотию, и есть естественный наш друг; соестественное же себе любит каждая вещь в природе.

11. Полезноли отдаляться от людей возмущающих душу нестройностию своего нрава, и похвальноли таковое бегство?

Непременно должно; поелику частое обхождение с бесполезными людьми может повреждать душу, ибо належить человеку помышление на злое от юности его, и потому весьма похвально всеми мерами от таковых знакомств удалятся и не подавать вида на содружество с ними, дабы не променять любовь Божию на любление человека приятнаго для страстей наших.

Прод: 28 числа

О.П.

12. Чем разогреть хладную душу в отношении к духовным предметам?

Во первых: представлением сладчайшаго плода спокойствие духа, снискиваемого посредством подвига, 2-е. познанием себя и

натуры, 3. понуждением к терпению, 4. посредством коих напряжением духа к тварению заповедей, и наконец 5-е. памятованием сокрытой в правосудии Божиим вечной казни, и неизъяснимой небесной награды; а при том чаще воображать, что в натуре все произтекающее от известной точки бытия своего, паки имеет к ней непрестанное направление; а как бытие наше вытекает из божественного пункта, то существенного его блага и спокойствия ни что иное, кроме Бога составить не может; сближение с коим совершается посредством подвига и добродетели, то кто отречется понести временный труд дабы получить вечный покой?

13. Страсть дерзости, тончайшую между страстями известными каким образом надлежит замечать при начале, как она вкрадывается в душу, и какия находить средства к отражению ея, и совершенному уничтожению ея действий?

Дерзновение, или вольность входить в душу посредством лености, которая охладив, побуждает вместо скромности наскучившей проходившему, искать суетнаго занятия в пустых предметах; к сему способствует своеволие, которое затмив истинные обязанности, приводит к безстыдству. К отражению сих непременно прежде всего должно покорить волю отсечению, или посредством благоразумнаго совета, или политическим нравом, потом присматриваясь, наблюдать за собою ошибки и падения, производящая тугу в совести; наконец смирить себя как можно более и помнить Ев[анге]лское Слово: что должно непременно отдать ответ за слова и помышления.

14. Чем подкрепляются опечалившемуся в безмолвии?

Тот час поставить навиде пред умным оком псаломское сие слово: «Смутихся»; т.е. внял ухом своего произволения гласу врага, пад многими предложениями вызывающаго от безмолвнаго места к обозрению и наслаждению вещами, которых он решился быть чуждым; потом зазрев свою слабость, отразить врага и предлоги его последующим словом: «не глаголах»; что и означает погружение в молчание снова. Во 2-х. представлением разпростертых вне келлии сетей на опутание ума его; оплетение коих, при всей бдительнейшей осторожности избежать не можно. В 3-х. исследованием, откуда возникло и возросло таковое вредное влечение к свободе, которое состоит из безчисленных препятствий к со-

единению с искомым предметом (Богом). 4. Укарением себя в непостоянстве несвойственном воину держащему в руках знамение Иисусово. 5. Протяжением себя к таковому же безмолвию, полагая оный день брани, основанием новаго безмолвия, с торжественным духа произнесением: ныне (точию) начах!...

15. Как поселить в душу свою печаль, еже по Бозе, и чем оградить постоянную существенность ея?

При телесном воздержании посредством разсуждения, и переборки от юности своя жизнь.

16. Что должно делать, дабы удержать на некоторое продолжение, теплоту ощущенную в душе по действию Божия благодати?

Вначале изследовать вину возникшия теплоты; естли она окажется порожденною или посредством разсуждения, или чрез какую либо благуя деятельность, то устремить все внимание к ея расширению, т.е. к умножению того средства, которое окажется материю согрениа. Естли же никаких из сказанных причин не окажется, и потому должно будет положить справедливое заключение, что ощутившаяся теплота единственно последовала чрез вдохновение благодати, то как можно более надлежит смириться, признав себя не по достоинству, но истинно туне приившим, толико драгоценнейший дар Божий. Присем нужно заметить, что часто получаемая теплота духа остывает и прохлаждается и тем, когда ощутивши ея, приписываем к числу плодов нашего подвига. Наконец к поддержанию теплоты полезно и то, чтоб блюсти всяким хранением свое сердце от страстных помыслов, и молвистых случаев, при посредстве коих любовь чувственная преодолевая небесную, заставляет сердце изменять сладчайшему Ии[сy]су. Далее, естли кто ощутил хотя единою возхищение духа, при охлаждении может подогревать себя и приведением на память тех златых минут, кои разверзали в душе его небесный мир. А так же и божественное рачение с твердою надеждою пресильно есть возгнещать погашенный огонь.

17. Случается иногда, что присредственно шумных разговорах, или делах, нечаянно ощущается, или ясное уразумение важнейшей тайны Священнаго Писания, или неизъяснимое желание положить твердое основание духовному житию, или возбуждение

к созерцанию божественных славы; не можно же напротив того по неким причинам утешиться в сокрытое место, что бы разпространить свое размышление об оном благодатном действии; что должно делать, дабы воспользоваться оным благодеянием и в полном смысле посвятить его своей пользе?

При движении благодати человеческим сердцем, прежде всего обратить следует все внимание на блюдение ума, и если можно сие произвести, то ни какой народной шум nebude силен пресечь духовного разсуждения; будеще сие окажется не удобным, то непременно под каким-либо изветом следует уклониться хотя на несколько времени, ибо здесь и ложная причина к удалению ни мало не предосудительна, а еще и похвальна, по причине предпочтения беседы с Богом беседе с человеками. — Вспомни Лествичникова старца, который в беседе с духовными мужами ощутил теплоту и расположился к молитве, тотчас ничего не сказавши выбежал, и в отхожем месте пав на колени совершил молитву — излил горящий дух свой пред Богом!

18. Какой удобнейший способ, чтоб приобучить себя к всегдашнему тварению Ии[су]совой молитвы?

Опытом доизано, что ни что так не укореняет в человеке молитву, о которой мы дали Богу обещание, как с верою крепко предубедиться в том, что понуждение к безпрестанному ея тварению весьма удобно доводит к предположенной цели; почему и должно с твердым терпением нудиться безпрестанно и при всех делах ее глаголати, дабы удобно научиться. (Се положение простое...)

Имуще брат брата советники благи. Вопросы Старцы твоя и рекут ти. Негде писано есть. Да и подлинно! Многими опытами изведено, что нет толь сильного и врачбейшего обстоятельства, во всяком душевном недуге, как при истинном его исповедании другому, благоразумный и в вере совет и искреннее наставление, ибо здесь действуют вера и сам Бог. Таковое христианское общение, можно замечать возникшим издревле: Апостолы вопрошали Хр[ис]та, древние иноки каждодневно открывая совесть другому, получали спасительные решения; в особенное важных случаях даже хаживали и в отдаленные места к доверенным старцам, что можно видеть из книги Аввы Варсонофия, которая вся составлена из мудрых его решений на предлагаемые вопросы. — Созерца

сказанное, простремся в духе веры и впредь врачевать душевныя болезни сим наиполезнейшим средством!

Сказание о дивных случаях, монаха Василиска, при прохождении внутренней Иисусовой молитвы, писанных в оное время учеником его — монахом Зосимою.

Опыт монах Василиск — простейший старец Сибирской пустыни, достигший во глубину внутренней молитвы чрез научение симоновского иеросхимонаха Алексия. Имел при себе ученика из дворян монаха Зосиму, кончившаго жизнь 1833-го года в лесу под Боровском, который и написал сии видения старцевы, собственным достовернейшим образом и штилем...

Повествование ученика о старце, то есть о духовном его наставнике, и о внутренних молитвенных в нем действиях.

Благословением, и благодатию, и человеколюбием, Господа нашего Иисуса Христа, спадобихся аз грешный от уст старца моего слышати, еже он (любве ради моя к нему) не утаевая открывал ми грешному, о действиях с ним бывающих во время сердечной Иисусовой молитвы, в ней же он пред успе о Господе нашем.

О первом действии.

Егда он мой старец познав о сей сердечной молитве, зане прежде о ней не веде, вельми порадовася яко таковое внимание есть средство удержати ум в молитве и в единых Божиих размыслах коснети. И тако нача внея подвизатися, до толика, яко многаши в великое изнеможение от долгаго в ней понуждения приходити ему. И чрез то наводя сердцу болезнь велию, до толика, что уже невозможая более не токмо в сердце производити молитву, но ниже ходити, ниже стояти, ниже сидети, от несносных боли сердца. Но долго время лежа на одре едва болезнь от него отхож-

даше, и пришедши мало в силу паки в ней же сердечной молитве упражняшесе зельне нудяся. И виде чрез то упущение чтению, и пению псалмов, и недоумеаяся: угодно ли сие Богу таковое его моление в седении. И вельми о сем смущашесе. Зане не имел другого стаинника, с ним же бы имел о сем разсуждати, токмо единого мя грешного. Приложил великое воздержание в пище, и сне. И усердно помолвися о сем, дея паки по обычаю, и абие внезапно излился в сердце его неизреченная сладость и любовь к единому Богу, и забыв вся века сего. И вельми о сем необычном утешении он удивился, яко же сам поведи ми недостойному. Толико рече: бых услаждаем и утешаем, яко не мнех быти более в царствии небесном, и оттоле бысть ему разныя действия и чистая молитва.

2-е. Иногда при чистой молитве яко что весма хорошее ясть.

3-е. Иногда яко что изливается вон со сладостию из сердца.

4-е. Иногда кипит в сердце от чрезмерной сладости.

5-е. Иногда чувствует себе тако легка яко воздушна, и яко бы летающа утешно.

6-е. Иногда разсуждая о сладости и утешении яже бывает ему, и нещевая яко сам себе только утешает, а не Богу молится. Зане ум его в сердце, а не в небесах пред Богом предстоит. И абие восходит к Богу вознести, и се зрит ум свой яко облак подобием. И возлетающъ на небо к Богу, и тогда в сердце уже нет молитвы дондеже ум возвращаеся паки в сердце внидеть. Но точию едина сладость утешительная в сердце ощущалась.

7-е. Иногда размышляя о словесах Господних во Евангелии яже жене самаряныне глагола: иже пиет от воды юже аз дам ему невозжаждеть во веки: будет в нем источник воды текущ в животе вечный! И от сего размышления сладость велия изливается в сердце его.

8-е. Иногда и о других во Евангелии повествуемых словесах размышляя ощущает подобныя же сладостныя действия. И потому ради множества оных и сходственности незаписывах.

9-е. Иногда чувствует всего себе в молитве. То есть во всех у десех и частях, и членах молитву саму о себе творящуюся. И внимах действию оному не отторжен был от простертия к Б[о]гу. И о сем удивляяся утешашесе. И таковое действие бывало с ним неоднократно.

10-е. Иногда сидя долгое время в единой тощю молитве углублен яко часа четыре и должае, и абие внезапно почувствует не приуподобленную радость, услаждающую, такуюю что уже более и молитвы не творит, но только чрезмерною любовию ко Христу пламенсет.

11-е. Иногда от великаго внутренняго духовнаго о Боже радования и многия чувствуемая в сердце сладости и любве безмерныя, чувствует ко Христу, недоумевае коими словесы именовать Господа нашего Иисуса Христа. Ибо сею молитвою глаголемою Иисусовою, мнится ему мало именовати тако, и о сем жалея и болезнующа, яко не весть како именовати, бывает без молитвы, то есть: глаголы молитвенныя утаеваются, и не видятся, а только едина сладость зельно кипит, и обуревае внутри сердца его, и от чрезмернаго вреняя преизливается вон из сердца подобием аки рекою.

12-е. Иногда потщится вообразить в сердце Христа Господа младенцем, и абие весь сладостию исполняется.

13-е. Иногда от великия молитвенныя сладости, и за утешение многое пребывает сидя во внимании умнаго чистаго моления до шести часов, и более.

14-е. Иногда, от чрезмерной любви ко Господу Богу, и свое помышляя недостойнство сами из очей слезы умилительныя точатся.

15-е. Иногда, нестерпевае многия внутренния сладости: и аки оживотворительныя некия духовныя радости внутри сердца слезы испущаются обильно.

16-е. Иногда приходит сицевая сладость, не токмо сердце наполняет, но и все члены и сотавы преисполняет, и вовсей крови аки кипит, и несть того места, в немже бы не чувствовался таковая чуднодействующая непостижная сладость, до толико что сердце от нестерпения делается трепетно.

17-е. Иногда не токмо сердце трепещет от такового безмерно-умноженныя неизреченныя и нестерпимыя сладости, радости, и распаления любве к Богу, но и все тело трепещет и колеблется подобием именуемая трясавичныя, и лихорадочныя болезни но безболезненно: и так сильно колеблется всем телом, что едва сидети может.

18-е. Иногда при таковой вышесказанной утешительной сладости и трепете сердца, и всего тела, уже не имеет молитвы, и уже силы молиться, или власти ее производит. Кольми паче тогда отрешен от всех помышлений века сего. И бывает уже без всего, токмо единою утешительною сладостию весь аки облиян, или аки погружен. И тако весь чисте превзять и углублен в любовь Божию.

19-е. Иногда сам дремля, или по обычаю спя, но молитва сама собою в сердце усладительно действует, и явственно, сиречь чисто в сердце гласит.

20-е. Иногда со иными разглагольствует, и разсуждается некое уважительное, такожде когда ясть, и пьет, сидит ли или ходит, а молитва непрестанно услаждая в сердце сама творится.

21-е. Аще когда вопрошах старца: како имать молитву, и извествоваше тако сказуя: ныне не вем аще бы когда молитва в сердце не творилася.

22-е. Толико ему от Бога сия молитва даровася, яко единожды восхоте искуситися, и пребысть в ней 12 часов, не востая и не преставая бодрственно, и не только не отягчися ниже изнеможе ниже стужи ей: но сладость молитвенная может быть еще продолжаяся удерживала бы его долее, естлиб я ему не прервал приходом моим. И видел его лицом измененна, умиленна и обрадованна.

23-е. Иногда толика радостельная сладость и утешение палящее любовию Божию впадает в его сердце, так что недоумевает: какими словесы изъяснить; или к чему применить; потому и утаенно от меня недостойнаго.

24-е. Иногда наивеличайшею любовью ко Христу, и сладостию объят будучи от сильнаго онаго действия, ощутительно чувствует яко самага Господа во образе младенца Христа в сердце своем, его же умне обзирая объемлетя умилительне радостельным утешением.

25-е. Иногда от превеликия ко Христу любви, и от неизреченныя сладости, радости со утешением и от таковаго совокупления из сих сильных ощущений действия, уже немладенствующаго но в совершенном возрасте, яков бе пребывая на земли, чувственно объемлет в сердце яко други Христа Господа. И сие действие находит не от воображения: ибо он будучи вельми смирен, никогда не дерзал помышлять о сем: что бы явился ему Христос Господь Б[о]г.

26-е. Иногда из всех жил и составов и костей, зело ощути-тельно и явственно яко некия источники безмерной сладости текут в сердце, со извещением: яко сие ему: от благодати милостию Божию. И хотя от великаго своего смирения не принимал, но и отвергал оное, но и не вольне ощущал таковое извещение.

27-е. Иногда из сердца подобным образом изливается таковая же, и с таковым же ощущением во все члены жилы и составы.

28-е. Иногда седя углубляясь в молитве побеждается естественным изнеможением. И усыпает тонким сном, бывает в видениях различных духовных, от них же из многих сии памяти достойныя. Зреть яко носит младенствующаго Господа нашего Иисуса Христа, и повелевается ему едино сие имети дело еже носити Христа, дондеже возрастет, то есть: во всю жизнь до смерти, хотя и прияти имать его ради поношенис, но он Господь хранит его. И тако пробудясь от радости и любве и благодарности к Богу, многия надолзе проливает слезы. Иногда созерцает яко рай, то есть; утешныя несказанныя красоты, жилища, и дома, и места; и возбудившись умильнейше много слез испускает.

Такожде иногда видит страшныя разнovidныя позорища и мучительная места, и муки. И возбудясь сокрушенно печалуя, на долзе плачет.

В таковых сонных видениях, иногда зрит аки откровением будущая быти имущая грешным, и праведным воздаяния, но обоя зная недоумея изъяснить: сказуя исповедимы та быти. Грешных за страшную ужась, и нестерпимую мучительную лютость. А праведных за пречудную славу и неизреченную сладость. Иногда же пред'узнавал, и некоторые перемены в своей жизни, и других отцев, которыя по времени и исполнились.

29-е. Иногда от долгаго седения возболит сердце, и сам весь изнеможет и уже не чая получитьи некоего действия бываемаго от молитвы, ниже возмогая долее молитву продолжать. И се вдруг нечаятельно нападет действие молитвы с неизреченными утешении, и ту абие вся болезнь исчезает, а бывает здрав в сердце и мужествен во всем теле. И молитва чистейшая истекает с ясным выражением молитвенных слов.

30-е. Иногда весьма жадает и крайне тщится изобрести сичевое некое божественное размышление, имже бы возмог произвести в себе молитвенное действие. И того ради усиленным внима-

нием чистейше внемлет умне простертием к Богу внутрь сердца своего но все таковыя усилия свои видя тщетными, известуется: что бываемыя с ним действия происходят не иначе как по милости Божией.

31-е. Бысть единожды яко свет осенял над главою его и распространяясь простирался к небесам и по оному свету аки цветы являлися на подобие прекраснейших польных маковых цветов. Ибо не весть чему оныя приудобити [и не возможе отнюдь тогда молитвы производить] но отъ чрезмерно усугубленной сладости, аки сильно вреющейся и кипящей в сердце и во всем теле, и от нестерпения, великия сжимания творит. И не стерпевая оной сладости множества аки в изумление прииде, ожидая: что после сего последует. И нача утихати и умалятися видение света. И по утишии всего света, паки аки во время мраза нестерпевая иной нападшей сладости, но все тело и в сердце такожде крепкия сжимания производил. И се вящше, и вящше нача услаждать умножаяся и сердце аки бы распространилось в подобие великаго горна, и наполнилось аки жара огненного. Чему удивляясь и недоумеая что творити, и приложил перст правыя руки к сердцу. И абие перст приложенной опалився весьма болезненно, того ради отъяв руку прочь. И размышляше в себе что будет далее, и думая о сем, абие аки овлако мрачное нача около онаго жара находить. И се видя, тако помышляшеся ему, видно уже более мне от милости Божией ничего недается, и отнято все от меня грешнаго. И тако стала более умножатся темность, и по сем все исчезло, и молитва со сладостию преста, и долго сидя нетворилась молитва. И едва паки пошла по обычаю, но и по востании от молитвы несколько времени дней чувствовал болезнь в персте подобием от опаления бывасмаго от приложения чему нибудь разженному. Но не токмо бывшей в сем действии сладости отменной ни к чему невозможно приуподобити, или как изъяснить и наименовать, но и в прочих действиях бываемыя услаждения иначе изъяснить не может, как только именуется сладость.

32-е. Во время услаждающей молитвы чувствует иногда аки некое благовоние, хотя и тупое обоняние имеет по естеству: но во время молитвы ощущает весма благоуханно, наподобие неких благовонных духов, и ароматных цветов, и ягод, или благовоннаго меда. И еще явственнее хотел бы изъяснить ощущаемое им бла-

говоние, но не вестъ к чему приуподобит. И бо показуется ему душистее и приятнее многоценнаго мира, и сие по часту ему бывает.

33-е. Толико дадесе ему от Бога в сердце действовати сей молитве, тако почти все время, в нощи, и во дни, в ней провождает того ради и всякое рукоделие остави и умали.

34-е. А иногда потребы ради некия востает от седалища, хотя окончати стоя свое моление обычным малым чтением: и тщится вниманием ум свой удержати во глаголах прочитываемаго, но не может. Понже сама собою молитва, Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй мя грешнаго, говорится внутрь сердца, явственню и часто со услаждением и нечувственне, аки не вольне отводя память от чтомаго им влечет ко вниманию своему.

35-е. Иногда бывия празден, и стоя думает кое бы дело делать. И абие чувствующуюся в сердце со услаждением молитву и аки влекущую, ею единою занимается.

36-е. Бысть единожды пожела от любви мучим быти за Христа. И во оное время на действии в молитве воздремав, и видит яко сего довлсет ему, аще будет плакати и скорбети.

37-е. Иногда таковой бывает во всем телеси, а наипаче в сердце трепет от великаго кипения, в сердце и во всем теле, аки волнующейся сладости, так что едва от сильнаго колебания возмогает седети на своем седалище. И до толико умучится чрезмерным колебленным трепетанием действующимся от неслезанной оной сладости и радости и утешения происходящаго от любви наичувствительнейшей ко Христу, и от иных недоуменных новых чудных, и уму непостижимых и не вместительных услаждений, так что уже и главы своя не в силах содержать на выи обычно, так же равно руце и нозе от слабости по престатии трепета имать ошущенныя: глава же аки привязанная и лишенная собственныя силы отнюдь не может быть утвердительна в своем положении, но от слабости на все страны опускается. Но поутишии вскоре, и аки вдруг отходит слабость оная от него, и делается во обычном положении своя силы и крепости.

38-е. Иногда будучи одержим безмерною сладчайшею ко Христу любовию, ошущает аки чувственню самаго Господа нашего Иисуса Христа, в подобии человеческом во своем распростра-

ненном сердце, и аки его лобзанием утешится, и тем прохладж-
дает страждущее необычно сладостию сердце свое.

39-е. Иногда бывает аки поражен нестерпимую сладостию так
что неведая каковыми словесы изъяснить свое страдание. Рече:
яко бы копием пронзенно сердце. Сколь же несносна таковая бо-
лезнь и нестерпима всем известно: столь нестерпимую сладость, и
радость самоутешительную ощущает он во своем сердце. От чего
и приходит во оно время вне себя.

40-е. Единожды лежа на обычном своем прискорбном одре,
со вниманием по обычаю своему производимой от него молитвы.
И внезапно вдруг почувствовал в сердце, и во всем себе паче всех
прежде бывших ему сладостей, сладчайшую сладость, от чего и
усумневаяся о таковой необычной сладости, и сице стремительно
во множестве нападшей на него. Того ради встал на седение, но
сидя не ощущал таковой.

41-е. Иногда будучи превзят обычным утешением в сладости.
Зрит: яко два источника текущая сладости, един в сердце от
правыя страны текущий, а другой из сердца лиющийся на подобие
чистаго меда, и аки бы под оный изходящий из сердца источник
подставляем был стакан: и по наполнении онаго сею сладостию
подобствуемому желтому меду, другие стаканы были подставляе-
мы. Пременяся един по единому, и прочь отставляемы сами о
себе. На все же сие он умне с трезвенностию смотря со удивле-
нием, был духом в благодарности ко Господу Богу, и утешался.

42-е. С начала седения его в час един времени ощущал он
разнообразныя движения и действия со обычною сладостию но
потом прииде множайшая сладость и утешение. И иже не он
молитву соблюдал, но не в сказанной сладости сама молитва его
держаше со отъятием от него всех света сего помышлений. И
таковая умноженная сладость продолжается яко ни час: и по
утишии оной, и молитва нача преставать, и сладость умалилась.
По престатии же всего аки дыхание некое, или ветра, или воздуха
подобие напихивало на сердце.

43-е. Иногда сидя и внимая молитве, и всеусильно понудится
заключить свой внимательне ум углубляя внутрь, единого сердца
своего. И тако держа его неослабно, отнюдь не попуская ему пари-
ти, ниже изытти из сердца своего: от чего сердце нестерпевая
начнет аки трепетати, и колебаться и метаться во все страны. И от

такового великаго возмущения, аки обливается сердце зельною сладостию, и посем нападает аки вретище кипение, и иная необычная, уму недоуменная, и ко изьявлению неизъяснимая, и недомыслимая. А по сему и именована тако: точию необычною сладостию, в которой столько же пламенел любовию к Богу.

44-е. Единожды бысть тако: долгое время сидя и восхоть уже востати для посещения своего ученика содружественнаго с ним. Но внезапно почувствова необычное в безмерной сладости подвижение во всем себе а наипаче в сердце. И молитву необычно чувствительну, и весьма явственно творящуюся, чего ради и стал наипаче внимати. И се вскоре пача являтися в сердце множая сладости, которая аки крепко сгущенная покосмуждо изречению в сердце молитвы Господи Иисусе: рассыпалось внутрь сердца. И долго смотря на сие со удивлением, и утешением ощущал более увеличивающуюся в нем оную необычную сладость. От чего и простирался весь горящею любовию к Гоподу Богу. И размышляше в себе: чему бы уподобить оную рассыпающуюся сладость. Но не найде сходственнаго уподобления, но тако рече ми: якобы на подобие ореховаго ядра откусания рассыпающагося тогда же егда оная сладость рассыпашеся, и сердце еще более распространяшеся, и около молитвы аки бы свет стал находити, и умножаться, сердце же еще пространнее распространялось, и толико усладиша его сие странное действие, якобы привело его в забвение, и не уведа: како и сам весь вшел в сердце, и в свет оный. Ибо сердце его чрезмерно распространенным ему показалось.

45-е. Иногда сидя, сон одолеваше его, так что и молитва утаися. Пробудясь же, зрит паки молитву о себе гласящуюся, и душу со услаждением обычным.

46-е. Бывает иногда тако: что вдруг молитва умолкнет и сердце утишится, и толико утаится сердце, аки бы вовсе его нет, даже и естественное его биение престанет. И тако умне в сердце смотря, хочет молитву произвести: но несть молитвы, не показуется, и не чувствуется, точию единою сладостию бывает весь объят.

47-е. Единожды, аки болезни подобно при великом трепете чувствовал кипение сладости в своем сердце. Но вскоре вдруг остановилось оное трепетное движение и молитва, и сердцу трепет преста и утих; на подобие аки бы кто в ладии на гребях плывя вдруг грести престанет. По утолении же всего, то есть:

молитвы, сладости и трепета, нача аки пламень некий охватывать сердце непостижною сладостию, или аки бы некий воздух намахивал то есть: надувал сею неизреченною и недомышленною и утешительною о Бозе сладостию. От чего и все тело сильно разтепелось, до толика, что даже и на все тело пот многий найде.

48-е. Седя долгое время со тцанием понуждаяся и ища внимательнейше великой молитвы. И се нача умножаться, и являтися более; и более, и вскоре обя действие с сильным трепетом и колебанием всего тела, и с неизглаголанною сладостию а наипаче в сердце, и персях. Сильное чувствовал аки терзание, но ни малаго не принося оскорбления, и ни коего возболения, от такового сильного трясения персей, равно и прочим членам тела, не нанося ни малейшаго стужения, или ослабления. Яко же бываше иногда по великом трепете, всем телом быти во изнеможении и расслаблении: но здраво, легко, и радостно услаждая новым утешением, по вдруг остановясь стало разделятися на пол в теле его: то есть: в одной половине правой стороны, головы, персей, и руки и прочее даже и до ноги мало чувствовались сладости. Напротив же сего в левой стране всего тела, негли от сильного в оной стране трепета сердечнаго наипаче углубилось чрезмерное аки обуревание и волнение тако трепет найде. В сердце же умножилось до толика аки бы нестерпимое рвение и терзание, и сосец до толика нача двизатися от онаго сладкоутешительнаго о Бозе радования на подобие как бы кто рукою его хватал, хотя прочь отторгнуть, и по сем нача утишатися мало помалу. И сие действие долгие всех прежде помянутых продолжалося с ним, от разсветия даже до трапезнаго времени.

49-е. Толикое бывает иногда сильное двизание сердцу от произнесения словес молитвенных со сладостию в радовании о Господе Бозе, так что сердце уже аки нестерпевая хотя тело не двизается, но и оно на тоliko от сладости оныя трепетно мятется и мечется и толкается биением великим в перси. От чего вся грудь как окруженная зрится и от сильного двизания сердца необычно взимается до толика так что рукою сильно прижимая хотя удержати но не может. Ибо яко бы прочь отделяется тако грудь высоко вздымается до толика усиливается не попускать, что даже и кожу яже на персях иметь в руке сжатую.

50-е. По прошествии некоего времени, еще мне объяви недостойному понеже любовен Бог, и аз любим ему бех. И сего ради не утай от мене, глаголя тако: ныне совсем изменилась, но иная во мне молитва, ибо в начале и прежде теперешняго времени действовала более со услаждением, а ныне при усугубленном услаждении, и трепет всегда бывает. Аз же вопросих его: в которой чувствует более превосходства. Он же сказа мне, глаголя: несравненно которая с трепетом, чувствительнее и умильнее, хотя и без слез: но сладость несказанная и по престатии трепета бывает, и сердце сладостию обливается аки неким маслом, или миром, и — весь пламенею, и аки таю с неизреченным чувствованием великия любви ко Господу Богу нашему Иисусу Христу.

51-е. Бысть неколико разов таковое действие, сидя с чистейшею молитвою весь умне вперен к Богу в сладчайшей сладости, и трепетом сильным весь содержим, и светом неким весь окружен. И так во свете сидя зрит полевою страну создателя своего Господа Иисуса Христа, на кресте висяща, и пред ним предстоящую Матерь Его Пресвятую Владычицу нашу Богородицу. Зря же сие сильно воспламеняется несказанным желанием и горящею любовью и сам весь ко Христу Господу Иисусу Богу нашему. Но скорбит и болезнует, яко тако в отдаленности от него зрится: зане крайне желает поклониться ему, и лобызати пречистыя язвы его. И тако объят будучи сим великим и нестерпимым желанием, невесть и сам, како приближается к нему, и осмеливается прикоснуться пресвятым и животворящим язвам Его. Едину по единой ощущая объемля и лобызая, яже в руку его и ногу: и яже в пречистом его ребре, уже и рукою осязает, и неустнами токмо прикасается, но и сердце свое к язве его прилагает. Негда прикаснется сердцем своим к язве его, яже в пречистом ребре его, и абие нестерпимо закипит и возчувствует сильнейшую недоуменно действующуюсь сладость зельно возвреющуюсь в сердце и аки пронзающую оное, и бывает уже тогда вне себя аки изумленной в чувствии точию единыя своея чрезмерныя любви ко Христу. Но видя яко чрез свое дерзновенное ко Христу приближение, еже бысть приложения ради своего сердца, к животворящей его язве, яже в пресвятом его ребре, Божию Матерь позади себе стоящую, и сего ради болезненно опечалися, яко он сему причиною, еже не стояти ей пред лицом Христовым. И от такового размысла и соболез-

нования начать приходити мало помалу в память. И зрит паки в отдаленности на кресте висящаго Господа, дондеже совсем утихнет и отъидет сие действие. Сие несколько раз с ним бывало в непродолжительном времени.

52-е. Бысть еще по некоем времени подобным же действием будучи объят, такожде и чувствует и зрит все по всему подобию как пред сим изъявлено. Но только во время прикосновения, то есть приложения сердца своего к язве Христовой, яже в пресвятом его ребре. Тогда о! Чудо: ощутительно чувствует и видится ему яко бы некий источник струй благодати истекающий из Христова сердца лился в его сердце. И егда уже сию струю, паче же реши милость Божию ощутит внешнюю в его сердце: тогда по истине бывает вне себя, и невесть како изъявить, и к чему уподобить бывающую ему тогда радость, с прочими непостижимыми и не изглаголанными утешениями.

53-е. Иногда размышляя и удивляясь неизреченному и непостижимому Божиему к человеку благоволению. Яко от страшныя своея славы и величества, восхоть быти нас ради человек, и таковая лютая в страдании своем претерпел нас ради, а наипаче ужасашеся видя его Создателя нашего дотолика к нам своею любовию простершагося яко уже неимея что больше у себе еже бы даровати нам, да возлюбим Его, предаде божественное свое тело ясти, и святую кровь Его пити, и яко агнца всему миру предложи себе в снедь верным, да всячески будет с нами совокупно и неразлучно на веки безконечныя. И от сицевых размыслов и чисто сильно действующейся молитвы со всеми прежде сказанными действе, и зря себе на подобию прежняго светом окруженнаго, и от нестерпения прежде описанных оных пречудных и недоуменных равнообуревательных великих ощущений в трепете действуемая сладости Божияго любления, приходит аки в забытие на себе. И тако бывши уже без всякаго помысла, паки зрит Спасителя нашего Господа Иисуса Христа пред собою на кресте висяща, видом зело умиленна. От сего возчувствовал во всем себе сильно вспламененную ко Христу любовь, и устремился с крайним желанием, еже бы такожде с поклонением любезне лобызати пречистыя его язвы. И лобызая распростре и себе предним крестообразно, и тако прилагая себе самаго к нему Спасителю. Что ж чрез сие последовало по сем! О! Чудо благодати

Божией, и его снисхождения! Зрится ему весьма явственно, и чувствуемо аки в точности исязаемо и по мале непостижно совокупленно с собою! И абие зрится весь вмещающься в нем, и уже неста его на кресте. Но с собою всего совокупленна и смешанна; и тогда что? И каковое объяло его утешение, и каковая во всем своем аки разженном телеси и в сердце и во всей внутренности чувствовал действующия сладости. Воистинну неизглаголанна, и непостижимы, и недоуменны чудныя обуревали в нем утешения. И сие поведал ми грешному тако кратко глаголанними словеси.

54-е. Иногда сидя, и весь простерт молитвенным умным взыванием со услаждением к Богу. И вдруг охватит его множайшая сладость с стремлением во внутренность. От чего всю внутренность превращенную аки возволненную чувствует.

55-е. По некоем времени откры мне: что уже ныне в нем не таковым подобием, и не прежним обычаем молитва действует, то есть: прежде иногда просто с малым услаждением и утешением бываше, а иногда с величайшим ощущением сладости. Но теперь бывает другим действием, с непрерывным трепетом, и не токмо сердце трепещет, но и тело все всегда бывает колебленное и трепещущее, хотя бы и весьма малое ощущал действие, но сердце и тело и от такового бывает трепетно.

56-е. Иногда прилучашеся ему быти с прочиею братиею посещающих его или с некоторыми в беседе. И невозможная скрыти трепещущаго своего тела подобнаго колебанию, а наипаче колебания главы. Ибо яко бы волнуемой молитвенною сладостию от чего невольне тако колеблется. Того ради при таковых случаях многократно тщится пресекать и удерживать самую о себе действующуюся непрестанно молитву. Но и тако не возмозает совсем утолити любительнаго своего к Богу простертия. От коего бывает в нем сладостной трепет, словес же сих молитвенных: Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй мя грешнаго, в сердце гласящихся отнюдь не может удержать. Чего ради и умысли к вопрошающим сие отвещавать: яко бы он ныне ослабе главою, то же и во всем теле чувствует ослабление. И мне заповеда: да тако всем сказую о нем.

57-е. Разглагольствуя некогда со отцы о действиях молитвы. И некоторый из отцев поведа ему о себе: яко бывает ему молитва тихая и мирная, кроме помысль и всяких действий, услаждающая,

и к любви Божией влекущая. И о сем старец мой похвали Бога, и ублажи и о добри поведавшаго онаго отца, признавая его преуспева о Господе. И по разлучении со отцы, и сам потщася моля Бога да сподобить его познати ону, и тако седе стал внимати единой тишине, и миру помысле яже вскоре подаде ему Господь познати, и почувствовати ю. Но извести мне глаголя: яко не ощущал толикой распаленной ко Господу любви, и сицевой сладости во оной мирной и тихой молитве, яковою объят бывает во время трепетнаго действия в молитве. Ибо сию тихомирную старец мой производил крайне внимая сердцу от всех чувств с великим усердием. Но трепетная именуемая великая не инако нападает, как только от крайнешаго понуждения, не точию умнаго к Богу простертия, но и от всех чувств яко же реши душевных и телесных, и от многаго озлобления и небрежения о своем телеси. Ибо он не внимает тогда и болснию главы своея, и рамень. И всякому бываемому телесному озлоблению. Иногда с таковым понуждением станет творити, тогда уже мирная и тихая отходит, а наступает трепет, не разрушая мира и тишины; но с неисповедимыми действиями влекущими всю душу в любовь к небесному Отцу, и от нестерпимаго жара таковыя пронзающия вся чувства, желает в нем душа аки вон от тела изыти.

58-е. Единожды прилучися ему быти вкупе со мною во обители богодухновеннаго отца, его же имя повеле ми утаити понеже тако изволися оному отцу, зане же еще в сем житии обретаешся. Но ныне аз открываю об нем: бе он отец Василий в монастыре именуемом Белые Берега строителем. Иже от любви и живущим в нем святым духом много ко спасению души нам изрек: объяви же прикритно и о себе тако, сказуя: вем такового, у него же бывает сицевая любовь божественная паче же страдание любовное ко Господу Богу, яко мнит в той час всего себе истаеваема и в мале неразлучающуся душу от тела. Еще и сие не утай глаголя: во время великаго действия молитвы весь бывает воскрилен к Богу, и зрит себе явственно стояща возвышенна на воздухе яко на лакоть высокою от земли. Сей боголюбивый Авва услыша, что старец мой действует молитву крайне тихо то есть не спешно, усумнеся о сем мало и нача старца моего любезне учити по обычаю, дабы мало поспешнее произносил глаголы молитвенныя. Сказуя: яко чрез то не имать быти вмещение суетных

помысл; но и находящия на ны отражаются от мысли нашея и без вести погибают. И тако свою руку прилагая к сердцу моего старца, внимал биению и движению сердца в произношении словес молитвенных: Господи Иисусе Христе: но ничто же мог ощутити. Потом повеле старцу моему дабы по своему навыку стал производить молитву. И абие воскипе сладость благодати в сердце, и вострепета сердце биением во все страны, яже ощути той отец, и похвали о сем Бога. Глаголя старцу моему: блажен еси отче, добре твори и подвизайся тако яко же Господь Бог дарова. Мне же на едине откры: яко старец мой благодатию Божиею преуспел в сей молитве, и достиг в мир помыслов, и блаженным мя нарек: яко такового имам у себе отца, и наставника духовнаго, и смиренномудреннаго. Но мне повеле ради помысл поспешнее творити словеса молитвенныя: Господи Иисусе Христе: дондеже во успеание прииду и сподоблюся от благодати чистыя молитвы.

59-е. Паки прилучися отцу моему в некоем времени быти в Москве, и пребывати у духовнаго отца своего старца Адриана, который после в схиму пострижен и наречен бысть Алексием, и умре в Симонове монастыре. И живе же той отец Адриан в тое время в Москве для монастырских нужд в дому христороубцев благодетелей своих, понеже любим бе ими, и служаху ему жены. Яже виде мой отец, нача смущатися яко неподобно иноческому житию он жительствует, и зельнии помыслы начаша о сем одолевати его до толика, яко и молитвенной сладости нача лишатися. Но Божиею помощию понудися противу вещати помыслом, глаголя: мне не подобит о сем судити, Господь сердцеведец зрит яко сей отец преуспе о Господе, и достиг верх совершенства и безстрастия. И будущее ощущает блаженство яко же Господь во Евангелии яви глаголя: в будущем веце будут яко Ангели на небеси. Так же и Апостол: несть мужеский пол, и женск, но нова тварь о Христе. И прочиими противу вещаниями от Божественнаго Писания отрази, и посрами сей находящий хульный и смущенный помысл. И бысть ему тишина по сем, мир и радость в душе, и молитва прииде с зельным действием всего изменяя в божественную любовь. Благоухание же необычно сладящее душу и вся чувства зельне ощути, яковаго еще не бысть ему прежде сего николи.

60-е. Не стерпевая мой старец почитаний и славы, удалился со мною в сибирские пределы, и озимехом мы во внутренней пустыни, во единой келийке, и правило вкупе совершахом, аз читах, а он стоя слушал. Единою воспрянувши от сна прииде ему великое действие молитвы. И быв аки вне себя с чудным дыханием, и презельным трепетом всего тела. И тако оне пребывал, аз же ждах. Долгое время слушая и внимая необычному движанию трепещущаго его тела, и прерывающагося его дыхания, подобне страждущаго, яже происходило ему от нестерпимыя сладости с несказанным о Бозе успешением во всем телеси его и во всей его внутренности, яко же сам мне после поведа. И в таком действии по мнозех часех едва возмог рещи ко мне: отправляй един правило, и уже день наста. Сие бысть в ианнуарии месяце, в начале прибытия нашего в Сибирь. И едва возмогах разлучитися с сим молитвенным действием, какое он тогда почувствовал, что яко бы мало уменьшался, и потому он едва встал от седалища. Аз же воззрев на него видех лицом его измененна вельми, аки изнемогша и увядша с небольшим червлением.

61-е. Паки живяхом в той же стране на ином месте в особных келиях. И в неделю то есть в воскре[се]ние, для слушания часов прииде ко мне старец, и поцеловании седохом на одной дасе разглагольствуя о знаемых нами иночествующих отцах како они подвизаются. А напаче о том великом отце делателе умной молитвы иже в предпомянутом 58-м действии, и в таком разглагольствии между нами, найде на моего старца действие молитвы, паче же благодать Божия. И уже не возмог более к тому со мною грешным беседовати, но умолча и абие приять его молитва с зельным трепетом, тако: яко оная дска на ней же седохом вся двизашеся, купно же и аз сидя на пей двизахся, и удивляясь внезапному изменению старца моего, и такому сильному действию яже бысть в нем. И абие от нестерпения зельной сладости, яже оущах воскричал гласом. И помале паки возмича. И бысть ему сие, яко час един времени. Аз же по сем вопрошах его: где был отче теперь? Он же отвеща прости, тебе соблазних, но не могах стерпети, ибо Божие нестерпимо. Аз же благодарих Бога, яко сподобил мя самолично зрети, в каковой благодати мой старец обретается.

62-е. Такожде жительствуя, в разныя времена поведя мне: овогда улыбаяся, и аки жалуяся, яко в сию ношь в тонком сне беси его озлобляли разнообразно устрашая, а иногда нестерпимо хватая за ребра, и щекотя, иногда ножом заколоти хотя. Овогда зрит подобно преставлению света. И прочее разнovidное во умиление и зельшыя слезы приводящее. С сим же поведя ми, глаголя: егда ты отшел от меня по утреннем пении, аз же седох да по не мало пребуду в молитве. И абие нача некое опасение нападати на мя, дабы ты не пресеки приходом своим моея молитвы. И по мале, содеяся в несказанном действии молитва распространяющая необычную божественную сладость аки во всех персях, и аки наполняющая некоею безмерносладостною и горячею пищею с благоуханием весьма чувственно улаждающим. И мнех рече: аз яко таковое долго пребудет, но в мале и преста. И тако к тебе пришел для слушания Часов. Сие бысть в неделю сиречь в воскре[се]ние.

63-е. Паки не по мнозех седмицах прииде в неделю, старец мой ко мне по обычаю, и по окончании утрени седохом, и еще разглагольствуя между собою, уже возчувствовал в себе пламень любви к Богу, а в сердце яко жжение молитвенныя сладости, сие сам послежде поведя ми, и всеми силами рече, тшахся удержатися и утаитися но невозмогах. Ибо абие от нестерпения аки пораженной воскричал гласом подобно болезнующему. И о сем аз грешный востревожихся, поелику возмнех не болезнь ли кая внезапно поразила его? И вопросих его, глаголя: отче, что необычно, и тако странно воскричал? Но он не мог ми возответствовати, того ради и аз умолчах и начах внимати ему, и видех многое волнение, сиречь колебание во всем его телеси. И слышах дыхание его подобно ужасным страхом объятаго. И еще двакратно тихо-гласно возгласил умильно зане немогий совсем удержатися. И тогда аз разумех, яко от действия молитвы, и от нестерпения яже от благодати, и божественныя сладости, тако воскричал. И бысть сие ему, яко полчаса, по сем нача паки со мною глаголати: аз же вопросих его паки: почто тако внезапно воскричал? Тогда он ми исповеда, глаголя: как токмо седох, то и возчувствовах, аки некая стена, или облак тако жжение любви ко Спасителю, и утешительныя сладости привалило в сердце. И всячески хотел удержатися, и до толика крепихся, яко вкупе с сим моим вскричанием гласом,

абие яко звезда облистала предо мною. И по сем уже не могах възобладать собою, и утаится в себе.

64-е. Еще рече ми: старец мой глаголя: яко в той день по вечеру бысть мне на подобие такового же сладостнаго и любительнаго ко Господу распаления. И мнех яко такожде имать оное възобладати мною, от нестерпения коего стану такожде кричати. И много нудихся дабы стяжати сие но не получих, и абие преста и уразумех: яко то действие тебе ради Господь ми даде. Но сие рекл старец мой от глубокаго смирения своего.

65-е. В той день, егда бе обуреваем страстными помыслы, и по отгнании оных и утишии плотскаго движения приспе отцу моему правило поклонное отправляти, по немощь и пренемогание нападе на него. И сугубым противуположенным помыслом одержим бе: един помысл представлял ему: яко немощен, и не может отправляти: и второй: облыгал яко болес от лености. И нудим бе от помысла благаго изведати свою немощь, по не немногими поклонами и тако повинувся нача класти, и по совершении поясных, нача класти и земныя. И абие по первом поклоне почувствовал сладость в своем сердце, а по втором болес, а по третьем еще множае, и толико сладяща и облегчавающа его всего, яко забывается ему и правилу внимати и богородичныя уставленныя между поклонов молитвы пропускати. И аки летающаго вне себя чувствовал от сладости, радости. И легкости бываемая от великаго к Богу простертия. И со удивлением благодарил за сие Бога, понеже никогда прежде сего не чувствовал сердечнаго услаждения во время поклоннаго правила. А поутру бысть ему таковое же услаждение, и легкость при поясных поклонах, равно и приземных. И чудихся, рече: како внезапно претворяет благодать Божия, из лености в бодрость, из тягости в легкость, и из немощи в крепость: а ктому еще во утешение и радование о Господе с безмерною любительною к нему сладостию.

66-е. Паки разглагольствуя, и между прочим душеполезным, и сие речи ми: ныне уразумехом Апостолово слово: яко никто не может рещи Господа Иисуса токмо Духом Святым. Ибо воспоминание его имени ныне никогда не бывает во мне без действий, и услаждений, а наипаче сие, Иисусе. Ибо с сим словом аки взрынет сердце сладостию хотя бы и без приуготовления к молитве был или просте воспоминая. И понеже старец мой всегда во оной

памяти пребываше, то и действие сие всегда бе, отчего и глава его в безпрестанном бе колебании.

67-е. И еше поведи ми глаголю: егда бывает ми обычне сладящая молитва, от нея же колебание телу бывает, и егда же удержушь дабы главою и телом недвижатися. Тогда бывает такое биеение сердцу, и молитва, и аки некое миро, или пара сладости собирающаяся и разливающаяся по всему сердцу. Понеже неисходит оная сладость в тело, а егда понущу и дам ослабу сердцу моему то абие оная сладость из сердца и во все тело пройдет. От чего и бывает двизание в жилах и членах моих, и явственно глава колеблется, и тело аки волнуется, и таковое действие бывает чувствительнее и во умилении более подвижнее, того ради и не удерживаюсь от телеснаго колбания. Егда же придет сильное действие, тогда уже немощно ми удержатися от телеснаго трепета, сиречь главы колебания, и прочаго тела движения, понеже аки обладан вне себя бываю.

68-е. В день великия субботы, седиш ему по обычаю на молитве, нача ощущати сладость. И сердце его вкупе с сим ощущением сладости происходящей от зельныя любви ко Господу, нача не обычно скоро метатися и трепетати. Но в начале весьма тихообразно, и помалу возрастающу и множащися сладости, вкупе и сердцу более и более двизающуся, и сильнее трепещущу. И до толико умножися сладость в любви Божией, яко от нестерпения станет зельне всем телом колебатися, но вскоре аки бы вдруг начнет сие уменьшатися и укрыватися, и аки отъидет. Но совсем еще не угасши, паки начнет происходить таковым точно действием. И аще безпрестанно происходило то крайне утихая, то зельно умножаяся. Иждах, рече что имать воспоследовати далее но не мог, рече дождатися совершеннаго конца, за не уже времени много преиде. И многоглаголю ми: яко двадесять крат сие изменялось во мне, и тако по утишии востах.

69-е. По отшествии единого от нас брата, на другой день по утреннем пении, седох аз поблизу старца моего, и разглаголствуя нечто о житейском, мало умолчах. И абие внезапно воскрича мой старец от нестерпения зельныя сладости воскипевшей внутрь сердца его, и паче меры крепче действующейся. Ведая же старец меня близу себя сидяща, тишашеся всячески удерживатися: еже бы не двизатися и не колебатися всем телом сильно. Но невозможе,

за не в мале бысть вне себя от зельнаго к Богу простертия и безмерныя сладости еже бысть в сердце его. Тем же и паки воскрича, аз же недостойный, сидя много дивяхся, и радовахся, зря таковое в нем дивное и ужасное от божественныя любви страдание. Егда же мало утишился в нем таковое действие с движение, паче же рещи страдание. Тогда аз вопросих его, глаголя: отче, от коея вины бысть таковое нечаянное действие молитвы? Понеже разглагольствие наше бе о житейском. Он же любя меня не утаевая, рече ми: егда престахом с тобою беседовати, не вем, когда прииде размышляти ми аще: како всякое Божие дело есть нестерпимо и велико: [сиречь, огонь нестерпим, мраз подобне нестерпим и от сего] снисдох в размышление о Божией великой любви, яко нас ради, колико себе умалил! Сделался младенцем, и ручки и ножки име себе пеленами связанные! От чего аки ужаснухся таковому его великому к нам лоблению, и дивихся во уме моем и от сего размысла, абие воскипе сладость в сердце и во всем теле и во мгновение ока поразило нестерпимостию, за не подобно огню нача со утешением жещи любовию ко Господу нашему Иусу Христу в сердце моем, того ради и воскричах! И аще бы [всею силою моею не удержался, но попустих бы] по воле себе сладости действовати в сердце, то всячески нужда была гласити! Зане некое жжение, тако оную сладость ощущал во мне: сим действием познах: яко в Бозе все нестерпимо и непостижимо и неисповедимо, и недомысленно, и утешение и любовь его к нам безпредельна. И тако по сицевой чудной беседе востахом, и мене ради нача старец правило поклонное гласно отправлять. Еже есть: Боже милостив: и не возможе, за не действие в нем еще бе: иже и паки в нем подвижесе, и пресече ему гласное вещание молитвы и не имеяше силы еже бы удержатися. И паки, неколико возмичах! И умолчах. И тако на долзе стоял безгласен, и едва возможе паки гласно, но не совершенным гласом глаголати молитвы, и не совершенно оконча правило.

70-е. По прошествии многоаго времени, в течении котораго много было с ним разных и обычных действий и утешений, коих я не описывал, случися единожды во святую четьредесятницу, при наступлении недельнаго бдения. Седящу старцу моему на молитве, и бе ему молитвенное действие обычное с трепетным услаждением. И тако на долзе сядя, восхоть ради наступающаго

бдения, опочити. И ляже, мысля в себе: еже бы с молитвою уснути. Тем же и лежа внимал молитве своей: и абие прекратися обычное трепетание. И некое иное неизглаголанное нача происходити действие, без трепета. Чего ради наипаче потщася во внимание вперитися: ово за необычное действие, ово за многоумноженную сладость и сильнейшее к Богу влечение. Ибо отворилось ему сердце, и нача тамо светле, и чисто созерцати, и явственне видети. Понеже в сердце сделалось яко бы некое тело, показующееся извне темно, внутри же бело, или светлокрасно. И тако более делалось действие молитвы, вкупе и сладость приумножилась. И абие нача из онаго тела показующагося внутрь сердца аки благовония дух испыховать. Потом же яко бы наподобие меха сжимасямаго брыск с великим стремлением исходил. Но не вдруг а един по единому: и оной брыск ударял, паче же рещи поражал сладостию во все стороны сердечныя. И от такового брискания претворялось в сердце аки некое обливание нестерпимыя сладости от любви Божественныя. И посем нача по часту яко от некоего сильного сжимания, или крепкаго угнетения сице из онаго тела излетели борзосладостныя бризги, и пронзали сладостию своею петочию самое сердце, но и всего самаго исполняли сладостию. По сем поиде подымаяся над перси, и дух с дыханием стало захватывать, и удерживать от сильныя и многыя исходящия сладости. И уже не мог более молитвы производить: и абие оной виде являемый аки тело, вкупе с подыманием своим прелагаяся в пламень, и еще выше подымаяся. И сладость умножи, и охвати все перси, и яко бы задави оныя своею пламенною и непостижимую, безмерною божественною сладостию, и тогда уже отнюдь не мог дышать. И тако без дыхания долзе на ту пламеновидную сладость внимательно смотря, едва в память пришел: яко несть дыхания. И нача внимати о своем дыхании, и се истинною зрит, и чувствует яко не производится дыхание. И помыслив в себе: яко не дыша умрешь. И тако внимая нача привлекати изводить свое дыхание, а между сим оная пламеннаяявляемая сладость нача со изменением умалятися, и помале ничто бысть. И тогда воста от ложа своего, неспя ни мало, но дивяся и недоумевая сей непостижимой утешительной сладости. И паки недоумеваше: како надолзе бысть без дыхания и незатхнухся, и не поскорбе, но паче легко есть! Аз вопросих его глаголя: бысть ли ти отче тогда

память к Богу? Он же ми рече: памятью Божию, и любовьию яже к нему сие и составлялось.

71-е. Паки в ине день лежашу ему болезненные ради своя немощи с обычным углублением в молитву. И абие по прежнему уподоблению нача в нем двизатися сердце, и показоватися молитвенное движение. И воскипе в сердце зельная любовь к Создателю и сладость, яже испыховая потече по всем членам, и жилам, и малейшим жилкам, иже обретаются во всем телеси. Тогда помысли в себе: быти не благоговейно с таковым усердно распаленным стремлением к Богу, и с происходяшею сладостию обретатися на лежании, того ради и воста, и седе, и ста крепче внимати, еже бы не лишитися наченьшагося действия. Но обаче не бысть ему сидящему оной новоявленной сладости: но пойде обычная молитва, обычным утешением сладящи.

72-е. По прошествии единых седмиц от вышеупомянутого действия. Паки ради наступающаго недельнаго бдения, возляже еже уснути, за не случися ему в той день трудитися во исправление келейных потреб, и сие лежа и внимаше своей молитве. И абие вскоре и безнадежно, то есть неожиданно соделалось действие в сердце. Но не по прежнему подобию, но неким иным образом, яко же рече, в точности изъясити отнюдь невозможно, яже бысть со многуо сладостию и распалением в любовь Божию, и от таковой многоусилившейся радостной, утешительной совокупне и милительной сладости, нача яко бы некий свет над главою облистовати, негли триекратно, или множае, яко бы звездно блистая. И таковое действие зря, помысли еже бы не воспати от лежания, да не паки по прежнему образу не лишитися и сего чуднаго действия. И тако лежаше с крайним трезвением и бодростию, и нача помышляти и рассуждати подобно сиевая умне глаголати, аз несм достоне ни единого утешения Господи! Се боюся сиевое любви воспаление, яже бывает к тебе в моем сердце, с неизреченною радостию и сладостию, и мирным с мироуханным утешением восхулити, ибо оныя вся не от моя силы происходят. И паки страшуся, оное вероятно яко благодатное прияти, негли есть не добре. Темже буди Боже мой! По воли твоей святой, сие бываемое во мне. И сие размышляя. Абие нача сие умножатися паче, и наипаче. И с сильным усилием потекла из сердца во все жилы во все тело недоменная сладость. И непросте, но аки с

неким звонцанием, или с неким непостижимым пением. Ибо отнюдь есть непостижно ко изъявлению онаго гласящагося. И сие наипаче чудимо, яко трезвсно чувствовах. Яко во всех членах и жилах таковое напевание и конщание и звонцание происходило. А наипаче в руках, и в нозех же нечувствовалось и то напевание и глашение. яко звонцание чувствовалось совокупно с нестерпимою сладостию и радование о Господе. И до толико умножилось сие, яко все члены при оном пении тряслися, и паки от сего пения истекало по жилам и членам, и в телеси расходилось аки некое благовонное масло, зельне и чудне сладящи, и от сего самаго ощущения радостной трепет бысть во всем телеси. И паки исповеда ми, глаголя: поистинне нестерпимо страдал утешно, от сей сладости, и толико зельнее яко уже не чаях себе быти в моем естественном положении, но мнех, яко будет ми некая измена, то есть: или сердце расторгнется, или изшет или конец жизни последует. До толико сильно обуревало мя сие действие, яко всего меня лежащаго многократно подымало от онаго волнения кипящаго божественною сладостию в сердце, и едва на землю неизвергало с ложа моего. Сколько же страдало сердце, того и ум постигнути не может. Ибо ово билось, и сжималось, ово разпространялось, терзалось, колебалось, металось и ударялось во все стороны, и сие долзе происходя, вдруг отъиде все. И почем востах нечувствуя ни коея боли, но токмо малое некое ослабление. И седох. И едва пойде обычная молитва. И паки оная переменялась во иную некую, смиренную и тихую, с некоею иною великою радостию и сладостию влекущего в любовь божественную и благоухание бысть многое. И сие такожде надолзе бысть и вдруг преста все. И не ста молитвы отнюдь, и тако востах и поидох к тебе. Все же сие происходило три часа.

73-е. Прешедшу многому времени, не возвещаше мне старец мой о новых действиях. Аз помышлях в себе, негли умалилася молитва в старце. Яко не поведает ми. И во един день после моего к нему посещения, прииде сам ко мне звати мя на всенощное бдение, и тако сидяще со мною беседующе о нужных житейских потребах, и по беседе умолчахом яко намол час. И абие услышаш аз действующуюся в нем молитву. Яже тако нача в нем действовать, что даже приведе мя во удивление, и недоумеаяся начаш сумниться, не нападе ли на него болезнь именуемая родимец, ео

же ни коли же боле и не бе одержим. Ибо весь не токмо трепетен бысть но и всем телом колебался и метался, не могий владети ни руками ни ногами, а глава аки бы от сильного некоего на все страны метаемая и шатаемая, таки прицепленная колебалася, и всем телом подымался и метался и отнюдь не седел, но как бы кто его со всем седалищем на все стороны метал, тако он едва точию не падал на пол. Дыхание же в нем ово удерживалось, ово тяжелоносно испущалось и тут же абие вдруг весьма слышными дыханьми часто стал дышать яко даже и не вероятно, и поверити невозможно. Подобно яко бы некое малое животное гонимое и до крайности утомленное часто дышет или того еще частее, и не могий терпети мичал краткими и продолжительными гласы. И таковым тоном яко бы нестерпимую лютостью терзался и страдало в нем сердце, до толика что аз едва удержался что бы не подойти к нему узнати: не болезнь ли некая найде на него? Ибо странно и удивительно тогда было зрети на него, подобно яко бы мучится. И видя его в таковом мучительном действии отнюдь не возможно было поверити: чтоб можно было ему иметь свое здравие не поврежденным, и все члены не утомленными, или вскоре по сем прияти силу. И естлиб и здороваго и молодаго тако продолжительно и столько неослабно колебать, то бы и таковой здравствующий разслабел, и упал бы для отдохновения. Но старец по утишии всего воста здрав, не чувствуя ни малаго разслабления ни во главе ниже во иных членах. И наутрие паки, сицевым же подобием бысть с ним. Каковоеж во внутренности его происходило действие? Тако рече ми, глаголя: егда умолчахот от беседы, в начале помышлях суетная, и за сие осудих себе, по что ни единой молитве внемлю, и абие поиде молитва, и яко бы сердце увеличилось, и соделалось к сердцу гортань, божественной же сладости бывшей тогда, изрещи невозможно, яже бысть в великом множестве, и во множественном количестве аки входила гортанию в сердце. И сердце желая вдруг поглотити, но от множества аки запрется и засядет не могши проглотити. И тут уже не могу ни молитвы глаголати, но все тело исполняется оною сладостию. И выхожу от того из терпения, и тако вырывается гласное мычание, его же ты сам слышал, и видел моего тела колебания. И едва сердце оную сладость проглотит, тогда аки отдохнет. И тако хватает отдохнутие, частыми и краткими дыханьми их же ты слышал. И

так о паки таковым же подобием приходит к сердцу аки сквозь гортань. И не могли за великость проглотити ти, паки такожде обладан бываю, яко же ты видел и слышал. Но сердце како колеблется и мятется во мне и биется на все страны, тому я и сам дивлюся! Како не повредит от такового сильного метания, сжимания, распространения и биения! Ум же чистейше бывает к Богу простерт во все время сих действий.

74-е. Единою услышав от брата: дабы ради уже ослабевшаго своего зренья, вместо чтения Акафиста и Канонов к Богородице, отправлял бы в сердце молитву к Богородице краткогласную, еже есть: Владычице моя Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго. На что старец и согласился, и тако нощию нача исправляти: ово, ко Господу, Господи Иисусе; ово, Владычице моя Пресвятая: и творяхуся оныя молитвы с велиим ощущением ко Христу и Богородице со умиленным услаждением. И бысть низведен в тонкий сон, и зрит одесную страну образ Божия Матери, а ошую, Христа Господа, не яко писаные, но яко в теле несказанныя доброты, яко бы за занавесами. Их же открывал зрил стоящих и молитва к обоим усердно творящися, от чего и пробудися, трезвенно имея сердце свое, исполненное духовнаго умиленнаго обрадованя, с несомненным извещением, яко есть угодно Богу!... И Богородична молитва, так же яко и Иисусова может твориться и услаждать.

75-е. Бысть единою, сидящу ему по обычаю внимая молитве, и возчувствовал изменяющуюся в вящую, того ради внимательнее стал с большим усилием понужатися, еже бы еще и от себе приложить старание. И тако весь умно простресея, и воспалися божественною желательностию к самому Господу Богу. Ибо недоумеает как наименовать тогда действующуюся ко Господу любовь, яже бысть в сердце и во внутренности и во всем теле, от радости сладости, и утешения несказанное к Богу любве, и от такового ощущения до толико взят ко Господу, что возчувствовал всего себе измененна, светла, и светом объята, и аки изшедша из тела но како изыде из тела изъявити того не возможно, ибо тогда от великия радости о Бозе и сладости всего его объемлющия не чувствовал на себе своего телеси. Но видех себе возвышенна на воздухе седяща кроме тела в совершенном памятстве и бодрости, до толика был трезв в памяти, что даже помышлял, и размышлял:

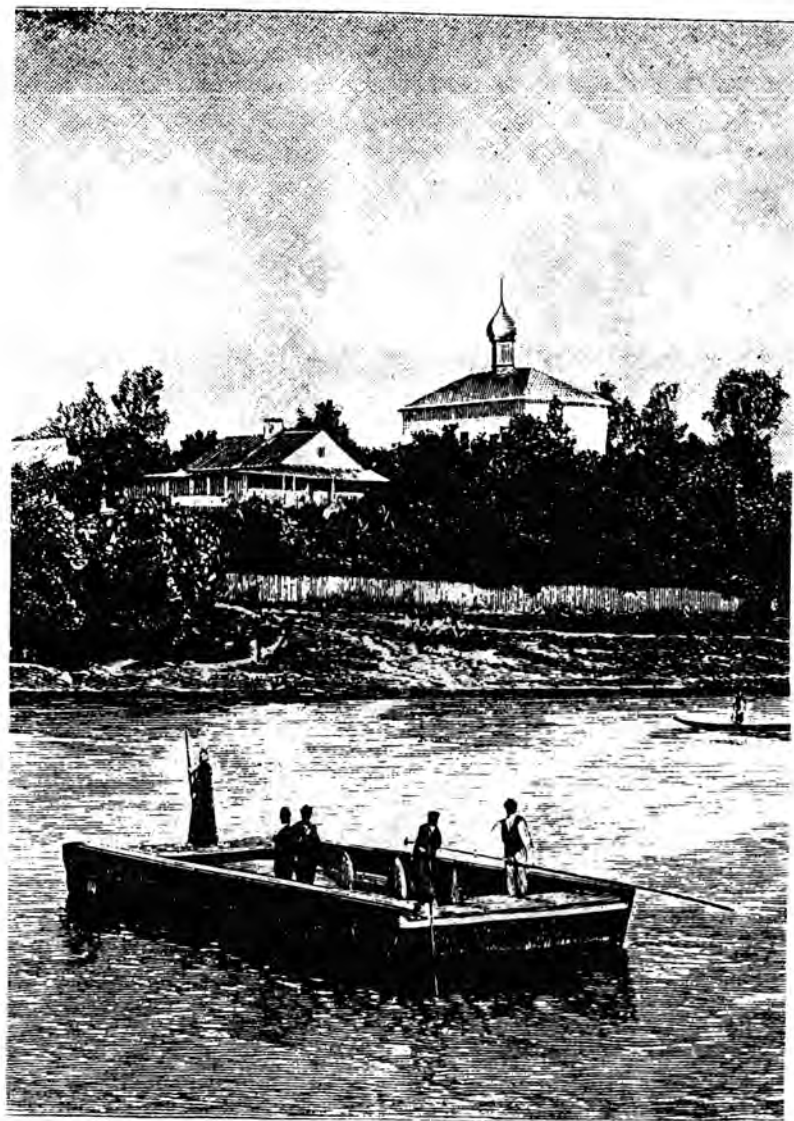
како держится на воздухе без тела? Ибо бодрственно и явственно видел свое тело мертво, бездушно лежащее внизу в отдаленности от него. И тако на долзе зрел себе на воздухе одержима, но каковыя в нем были к Богу чувства, любовь, благодарение, и надеяние на него благодать, великости ради не мог мне изъяснить. Но тако рече ми: яко сии чувства сами собою производилися, едино другаго пред упреждая и препобеждая. И тем самым всего меня взявля и распаля, в желании ко Христу в любовь и благодарение с недоуменною сладостию. И тако во оных сильных ощущениях аки начнет забыватися: а потом начнет приходити мало в память, и начнет паки сумнитися: како изыде из тела, и тако не чувственне и не приметно, с умалением к Богу любления уменшается и сладость. И тако уже уразумеет себе сядяща и не изшедша из тела. Но сердце тоскует аки терзается биением и метанием на все страны: по что она великая непостижимая, тако всего его совосхитившая к Богу любовь и радование сладящее от иде от него? И от таковых размыслов опечалевующих его сердце, паки воспалится весь к Богу, и тем же подобием зрит себе светла во свете на воздухе без тела. А тело его о себе мертво лежащее, и все оныя прежде объявленныя действия видит и чувствует явственно и трезвенно в полном уме и бодрости как выше изъясленно, каковыя же после сего последняго действия, были с ним действия, а наипаче пред кончиною, и в час скончания, аз недостойный не сподобихся от него слышати или видети. Понеже по некоему случаю невольне был с ним разлучен. Но боголюбивый крестьянин, иже послужил тогда ему, сказа мне тако: что во время болезни, и при кончине своей, много крат воспоминаю мене недостойнаго. Не за долго же пред скончанием был яко от неких истязуем. Однако не опечалюся, ниже отчаявашеся, но благодушно надеяся на Божию милость, был в совершенной памяти, и с молитвою почи и отыде ко Господу, ему же от юности до скончания с любовию смирением и простодушием послужил.

При самом же скончании, вероятно, яко был объят неким великим действием, и в памятьстве совершенном. Ибо в конец уже изнемогшу ему, тогда помятый слугитель крестил его его же рукою. Ибо старец сам токмо подымал и от слабости уже не мог до плеча доводить. Того ради помаванием заставлял да руку его обносить. И так обнося его руку видел перси его воздымающияся

и трепещущья колебанием необычно сильно. Того ради приложил руку свою к его персям и ощутил сердце в нем столь сильно биющееся во все страны, что даже почудился сей служитель, и до самага последнего издыхания был в молитве, и с молитвою испустил дух тако, аки заснул, но по изшествии духа еще долго сердце в нем трепетало. И по смерти своей оставил свою правую руку в показание всем своего благочестия в вере. Яко же крестился, тако и остались сложены три первыя персты, а последние два меньшие пригнуты к длани. Будучи же в живых отнюдь не давал с себя написать портрета от великаго смирения, то уже после кончины, тако как лежаше во гробе, совершенно сходственно написан и с сложенною рукою.

Василиск преставися в Тобольской губернии в городе Туринске, в Святониклаевском девичьем монастыре 1824-го года декабря по 29-е число в 5-м часу по полунощи, и погребен в том же монастыре близ соборнаго алтаря на северной стране.

Вид на Вировский монастырь из-за Буга
(гравюра конца XIX в.)

Фотография матушки Анны — настоятельницы Вировского монастыря

**Багдановіч В. З успамінаў аб Царкоўным Сабору
ў Маскве ў 1917—1918 гг.**

Царкоўная працэсія, урачыстае багаслужэньне і тое гарачае ўчасьцьце, якое ўва ўсім гэтым прыняў увесь Маскоўскі праваслаўны народ, пераканала большавіцкую уладу ў тым, што народ моцна трымаецца сваей Царквы і сваей веры і што ў гэтым пункце яго ня возьмеш адразу, простаай атакай. Дзеля гэтага яны парашылі пачаць павольную падгатаваўчую працу, каб адцягнуць народ ад царквы. Яны часова спынілі простыя ўціскі царквы, а ўсюды па Маскве сталі арганізоўваць процірэлігійныя мітынгі. На адным такім мітынгу прышлося быць і мне. Аб гэтым мітынгу ў мяне дасюль захаваліся запіскі, зробленыя тагды “на сьвежую памяць”, дзеля чаго я магу перадаць больш ці менш падробна тое, што я там бачыў.

Пачуўшы аб адным такім мітынгу на Замаскварэччу, некалькі сяброў Сабора, у тым ліку пратаіерэй Бскарэвіч і я, рашылі пайсьці і паслухаць, а калі можна будзе, дык і выступіць на мітынгу.

Мітынг ішоў пад назовам “Царква і большавікі”. Пачаўся ён прамовай Е. Яраслаўскага, вядомага працівацаркоўнага большавіцкага дзеяча. Прамова яго галоўным чынам складалася з розных нападкаў не на веру і царкву, а на духавенства.

“Нашы папы, — гаварыў ён, — жадныя, карысталолюбивыя. Іх бог, казаў ён, даўно ўжо не на небе, а на зямле. Ён знаходзіцца ў банках і ў “збэрэгацельных касах”, у працэнтавых паперах, у купонах і г.д. Яны ходзяць у дарагіх царкоўных адзежах, у залатых крыжох і залатых шапках (у мітрах), у рызах і раскошных мантыях”.

“Яны ўвесь час маўчалі, ім ня дорага была іхняя вера, а вось цяпер, калі зачалі іх матэрыяльны дабрабыт, калі адбіраюць іхнае добро, дык яны адразу і спалохаліся і робяць цяпер пратэсты проці сьвецкай улады. Ім мала таго “жалаваньня”, якое яны атрымліваюць, той зямлі, якой яны ўладаюць. А зямлі гэтай так многа, асабліва па манастырох: напрыклад у адным Салавецкім манастыры 70 000 дзесяцінаў зямлі. Духоўныя людзі толькі другіх вучаць цяпер пярэньню і сьмірэньню і “безкарысьцьцю”, а самі наадварот нічога гэтага ня робяць. Яны ня любяць бедных людзей, яны больш імкнуцца да багатых, з якімі дружаць і вядуць кампанію

(тут Яраслаўскі прачытаў 23 главу ад Матфея, гдзе Хрыстос гавора прамову проці “кніжнікаў і фарысеяў”). Духавенства паўстае проці нас за тое, што баіцца за свае грошны, за сваю зямлю, а не паўстае проці таго, проці чаго павінна было-б гаварыць: проці прысягі, проці вайны, бо яны наадварот благаслаўляюць вайну, ня глядзючы, што Хрыстос вучыў любіць ворагаў. Мы, бальшавікі, — казаў ён. — ня уніскаем рэлігіі, але мы паўстаем проціў яе за тое. што прадстаўнікі яе стаяць за багатых, а не за бедных, што яны кланяюцца “сільным міра”, што яны завялі Распуціна пры царскім двары”...

Так і ў гэтым родзе гаварыў доўга Яраслаўскі. У такім на-прамку падобнае гэтаму гаварылі і іншыя бальшавіцкія аратары. Саля спатыкала гэтыя прамовы воплескамі, але далёка не ўсіх: відаць было, што сярод сабраўшыхся далёка ня ўсе спачувалі таму, што гаварылі бальшавіцкія аратары. Відаць было, што Яраслаўскі заўважыў гэта, дзеля чаго гаварыў асьцярожна, каб не абразіць рэлігійнага пачуцьця, і, як я ужо казаў, нападаў выключна на духавенства, а не на веру.

Убачыўшы, што сярод слухачоў ёсьць сьвяшчэньнік (прат. Бекарэвіч), многія з іх прасілі баццошку, каб ён выступіў з адказнай прадмовай. Падалі заяву старшыні мітыngu, і той, хоць ня дужа ахвотна, але заяву прыняў і гаварыць дазволіў.

Стары і з сівой барадой пратаіерэй Бекарэвіч узыйшоў на трыбуну і пачаў гаварыць, — уперад ня сьмела, паціху, пакуль бараціў духавенства, а пасля, як стаў гаварыць аб веры і Царкве, — усе гарачэй і гарачэй. Гаварыў ён прыблізна гэтак:

“Тое што я буду гаварыць вам напэўна дужа многім не падабаецца, але усе-ж я думаю, што многім людзям, тут сабраўшымся, будзе карысна выслухаць прамову старога сьвяшчэньніка, бо і прыслоўе гаворыць, што “стары конь баразны не псуе”.

Вось вы тут выслухалі больш за ўсё нападкаў на духавенства, у якіх можа і многа справядлівага, але-ж гэта адразу неправідловая пастаноўка справы. Няхай праўда тое, што духавенства дрэннае, што яно любіць грошы, што яно адхілілася ад народу, што яно наагул не стаіць на такой маральнай вышыні, на якой стаяць павінна... Які-жа з гэтага можна зрабіць вывад? Адмовіцца ад веры і Царквы? — Не! Вывад той, што трэба замяніць дрэннае духавенства добрым, — такім, якое стала-б бліжэй да народа, якое

ўзапраўды вучыла-б народ добраму, якое ня ганялася-б за грашы-ма, ня старалася-б выслужыцца перад сьвецкай уладай, — можа нават трэба зьмяніць увесь той царкоўны строй, які даў такое духавенства. Што духавенства ў нас ня адпавядае свайму ідэалу, — гэта вялікае гора Царквы, але Царква дужа часта зусім непавінна ў гэтым, бо яна сама залежыла ад дзяржаўнай улады і сама ня мела ў сябе патрэбнай фізічнай сілы гэта зрабіць. Вось цяпер у Маскве больш паўгода працуе царкоўны Сабор, якога не было ўжо ў працягу 200 гадоў і гэты сабор як раз і выпрацоўвае такія правілы і царкоўныя законы, якія павінны зьмяніць папярэднія парадкі і між іншым палепшыць і духавенства. Але-ж з гэтага зусім ня выходзіць што з-за духавенства мы павінны траціць і веру, і Царкву.

Аднак і тое што вы гаворыце аб духавенстве далёка ня ўсё і не аб усім духавенстве справядліва. Ёсьць сярод духавенства ўсякае, ёсьць і такое, аб якім казаў п. Яраслаўскі, але-ж далёка ня ўсё такое, бо ёсьць і ў поўным сэнсе гэтага слова “добрыя пастыры”. Але добрых мы ня заўважываем, а дрэнных бачым.

Духавенства, як і Хрыстос сказаў, павінна быць “сьвяцільнікам”, быць тым чым лямпа ў хаце. Але-ж бывае так, што пакуль лямпа сьвеціць добра, дык ніхто на яе ня зварачвае ўвагі, ніхто ей ня дзякуе, а як накапіць, дык тады ўсе сварачца і ругаюцца. Так і з духавенствам: добрага ніхто ня заўважывае, а на дрэннае ўсе глядзяць і нібы рады, што знайшлі і ў папа грахі і недачоты.

Вы кажаце, што духавенства любіць грошы, любіць банкі, “зберэгательныя касы” і г.далей. Ёсьць і такія, але ці многа-ж з іх асоб багатых? Дужа і дужа мала. Больш бывае так: памірае сьвяшчэньнік і сямья яго астаецца зусім бяз хлеба, калі ў складзе яе няма новага кармільца. У духавенства ёсьць зямля, — няхай так. Але ці іхня-ж гэта зямля? Зямля — царкоўная, і карыстаюцца з яе сьвяшчэньнікі пакуль жывы. Вы кажыце: у Салавецкім мапастыры 70 000 д. зямлі. Гэта так. Але ці ведаеце-ж вы, што гэта за зямля? Гэта быў пустынны востраў сярод белага ледавітага сьцюдзённага мора, амаль ня сплэшны камень. Тысячагодзьдзі стаяў ён зусім пустыняй. Калі туды прайшлі першыя манахі-адшэльнікі, дык там жылі толькі дзікія-зверы і марскія птушкі. Пасяліўшыся там, манахі сталі маліцца Богу і працаваць, — і вась разпрацавалі лепшыя кавалкі зямлі, зрабілі найлепшыя нівы і гароды, завялі няўстаннай працай добрую гаспадарку, найлепшы скот, збудавалі

вялікі манастыр, у якім цяпер штодзенна корміцца сотні і тысячы багамольцаў, — трэба-ж для гэтых багамольцаў хлеб? А хто-б яшчэ апрача гэтых афярных манахаў рашыўся-пасяліцца на дзікім пустынным востраве? Хто-б з вас захацеў узяць сабе ў надзел такую зямлю на дзікай востраве ў сьцюдзёным суровым клімаце на дальняй поўначы?

Вы кажаце, быццам духавенства цяпер пратэстуе проціў бальшавікоў за тое, што яно спалохалася за свой матэрыяльны дабрабыт. І гэта няпраўда: сацыялізаваў царкоўную зямлю яшчэ урад Керэнскага, але тады духавенства не пратэставала. А вось калі вы забараніваеце людзём вучацца Закону Божаю, мы пратэстуем проці гэтага гарача, хоць гэта і не адзываецца на нашым добрабыце так, як адабраньне зямлі. Ня за свае кішэні цяпер заступляемся мы, а заступляемся за веру і за Царкву, бо Вы гаворыце, што даеце свабоду веры, што ня перашкаджаеце Царкве ў яе духоўнай працы, але гэта вы толькі гавораце так *тут*, публічна, перад народамі, а з вока на вока самі гавораце, што ніякой веры і Царквы ня трэба, што ўсё гэта трэба зьмясціць са сьвету, — што рэлігія опіум для народа і гэтак далей, бо вы ўмеце фальшаваць і прыкідывацца. Вось і тутак вы, каб скрыўдзіць пастыраў прывадзілі нават тэксты з сьвяшчэннага пісаньня але прывадзілі фальшыва. П. Яраслаўскі, чытаючы 23 главу ад Матфея пра фарысеяў наўмысьлі прапусьціў мейсца, дзе сказана: “ўсё што яны гавораць, — тварыць”. Няхай тое, што робяць духоўныя дэрэнна, але тая, што яны гавораць, чаму вучаць, тое ёсьць запраўдная навука Хрыстова і тутак вы павінны іх слухаць.

Вы аднак і тут хацелі сфальшаваць, — быццам і ў сваёй навуцы духоўныя гавараць няправільна: аб вайне, аб прысяге, аб багацтве.

Ня праўда, быццам духавенства любіць вайну і благаслаўляе вайну як вайну. Ніхто яе ня любіць. Запытайцеся ў духоўных, — вы ня знойдзеце амаль ні воднага, у каго ў гэту вайну ня згінуў ці ня скалечаны ці сын, ці брат, ці ўнук, ці пляменьнік, — як і ўва ўсіх нас. Ня благаслаўляе яно вайну і не ад яго вайна залежыць. Але, калі вайна паўстала назалежна ад яго, яно вучыць людзей каб і на вайне людзі як і ўсюды былі чэснымі, вернымі, дабрасовеснымі і ахвярнымі, — каб маглі па заповедзі Хрыстовай аддаваць душу за *бліжняга*. Калі Хрыстос вучыў любіць ворагаў, дык ён

гаварыў аб ворагах асабістых, для кожнага сваіх. Прашчай сваю абіду, сваю крыўду, і маліся за *свайго* абідчыка, як маліўся і Хрыстос за *сваіх* ворагаў, якія яго распіналі, але Ён жа горача ганіў ворагаў Божых і саблазніцеляў народу.

Вы кажаце, што духавенства любіць толькі багатых. І гэта няпраўда, калі гаварыць агулам. Ці кожны з вас ня чуў у школе ад *свайго* заканаўчыцеля як яны тлумачылі яму евангельскае апавяданьне “аб багатым юнашы”, ці аб “бязумным багачы”. А калі яно бывае і ў дамох багатых, дык ня толькі радзі сваей карысці, а часьцей радзі карысці царквы ці карысці бедных, — каб прыхіліць багатага да ахвяры. Так рабіў і Хрыстос, калі Ён напрыклад заходзіў да багача Закхея і прыхіліў яго да раздачы нішчым “палавіны іменія”.

“Духавенства любіць насіць драгацэнную адзежу, залатыя крыжы, мітры”. Але ці іхняя-ж гэта адзежа? Гэта так сама больш за ўсё адзежа царкоўная, якая знаходзіцца ў духавенства толькі ў карыстанні і якую яны так шчыра і ўважна сцярагуць. Вось, прыклад: у Крамлі колькі стагодзяў была “пагрыаршая рызніца”, у якой харанілася німат бязцэнных сакровішчаў. І ўсе яны былі цэлы, пакуль былі на руках у духавенства, а цяпер ня ўспелі пабыць на руках у бальшавікоў і двух мсяцаў, як яны ўжо аказаліся абкрадзенымі на 25 мільёнаў!

Дык хто-ж больш карысны і хто больш цягнецца да грошаў і драгацэннасцяў?

Але ізноў я гавару гэта не за тым каб бараніць толькі духавенства. Няхай сабе яно дрэннае (і сярод яго ёсьць і такое!), але-ж гэта зусім не адзначае, што трэба спыніць веру і Царкву. Веру і Царкву вы ніколі ня спыніце, бо і самі чуеце яе жыцьцёваю сілу і моц. Ня дарма-ж вы і цяпер стараецеся нападаць на нас з Евангельям у руках.

І калі-б вы пават у сваём сацыялістычным вучэньні трымаліся-б хрысьціянскіх поглядаў, дык напэўна-б і гэта навука выглядала-б іначай і плады ад яе былі-б іншыя: не барадзьба, не жываедства, ня споры і сваркі, ня жорсткасць і крыважаднасць. Вы самі жывеце толькі тым, што сярод вас ёсьць людзі, выхаваныя на ідэях хрысьціянскіх. А калі-б такіх людзей стараных сярод Вас не было-б, дык даўно-б ад вас нікога не асталося, бо вы-б з’елі адзін другога”.

Так, у гэтакім родзе гаварыў доўга башошка. Відаць было, што сярод слухачоў было дужа многа, якія з прыемнасьцьцю слухалі гэтую прамову радуючыся, што знайшоўся сьмелы чалавек, які ня пабаяўся выступіць на гэтым мітынгу, каб абараніць веру і Царкву, а нават і агульня нападкі на духавенства. Пасьля башошкі выступалі і іншыя аратары. Мітынг станавіўся ўсё гарачэйшым, але ў нас ужо ня было часу, і мы павінны былі ісьці дамоў, — вядома пяхотай верст 6 па Маскве, каб пасьпець зайсьці дамоў да таго часу, у які ўжо хадзіць забаронівалася.

Гэты мітынг яшчэ раз пераканаў мяне ў тым, аб чым я гаварыў і раней. Народ крэпка стаў там за веру і Царкву, — ня за вонкавыя яе формы, а за яе навуку і за яе строй. Ён больш менш спакойна перанёс зьмену рэжыму палітычнага, але ён ня пусьціў бальшавіцкіх рук да сьвятога святых сваей душы, — да сваей веры.

«Статуты» профессора И.Огиенко и его сподвижников

«Незабаром перестану бути Іваном
Огієнком, а стану смиренним ченцем,
горливим богомольцем за кращу
долю укра?нського народу...»

И. Огиенко, 6 октября 1940 г.

Среди огромного литературного наследия профессора И. Огиенко, постриженного в октябре 1940 г. в монашеский чин и сразу же возведенного в епископское достоинство¹, написанное в межвоенной Польше составляет, пожалуй, едва ли не главную часть. Именно тогда были задуманы и во многом осуществлены его основные литературные труды, в том числе и перевод Библии на украинский язык, к которому он приступил в 1921 г., находясь в г. Тарнове на юге Польши, а закончил в 1940 г. уже в Варшаве.

И. Огиенко — один из зачинателей православной литературы во II Речи Посполитой, признанный знаток славянской книжной культуры, ученый-палеограф, археограф, текстолог, известный специалист в области украинской филологии², о творчестве которого все еще нет сколь-либо значимых аналитических работ.

---

¹ Монашеское имя И. Огиенко — Илларион, в честь Киевского Иллариона (XI в.), выдающегося книжника.

² Часто забывают, что он был еще и, без преувеличения, выдающимся русистом и даже пропагандистом русского языка, автором таких значительных работ, как «Орфографический словарь: Справочная книжка по русскому языку» (Киев, 1914); нескольких методических пособий по изучению и преподаванию русского языка, выдержавших целый ряд изданий (до 5 и более); словарей трудностей русского языка, также неоднократно издававшихся (4 и более раз); «Словаря ударений в русском языке» (2-е изд. — Киев, 1914); «Словаря военно-исторических терминов» (Киев, 1914), наконец, книги «Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык» (Киев, 1915).

Девизом жизни этого человека стала фраза, раскрывающая его многолетние духовные и социально-политические искания, подводящая и ее итог: «Служити народові — то служити Богові»³.

Родился И. Огиенко в 70 верстах к западу от Киева в местечке Брусилове в семье потомка древнего козацкого рода с Левобережной Украины в 1882 г.. Учеба в киевской военно-фельдшерской школе, куда только и мог поступить сын бедных крестьян, дала возможность И. Огиенко постепенно реализовать и литературный талант. Он много сочиняет, увлеченно пишет стихи, вместе со своим приятелем Е. Придворовым⁴ выпускает рукописный журнал «Моя библиотека», в 15 лет в Санкт-Петербурге печатает свое первое произведение⁵. Успешно сданные экзамены за курс классической гимназии позволили И. Огиенко поступить в 1903 г. в Киевский университет, где он очень быстро становится одним из деятельных участников и организаторов украинского движения. Занятия в знаменитом филологическом семинаре В. Перетца⁶ способствовали становлению И. Огиенко как ученого-слависта, начавшего в 1915 г. чтение лекций в качестве приват-доцента кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета университета св. Владимира в Киеве.

---

³ В обоснование этого И. Огиенко (митрополитом Илларионом) было даже написано особое исследование «Служити народові — то служити Богові: Богословська студія» (Вінніпег, 1965).

⁴ Е. Придворов позднее возьмет себе псевдоним Демьян Бедный (1883—1945).

⁵ В эти годы и позднее, вплоть до поступления в Киевский университет, И. Огиенко пишет исключительно на русском языке.

⁶ «Високоповажному і дорогому учителеві своєму академікові Володимирові Перетцю в день шестидесятиліття життя його на знак глибокої пошани та щирої вдячності ...автор» И. Огиенко посвятит свой двухтомный труд «Українська літературна мова XVI-го ст. і Крехівський Апостол 1560-х р.» (Warszawa, 1930), за который в 1931 г. университетом г. Брно ему будет присуждена ученая степень доктора философии.

Соучеником И. Огиенко по семинару В. Перетца в Киеве был Н. Гудзий — будущий известный филолог.

В 1918 г. профессор И. Огиенко становится министром просвещения в правительстве Украинской Народной Республики, в 1919—1921 гг. — министром вероисповеданий. В 1919 г. он организует Украинский государственный университет в Каменец-Подольске, откуда эмигрирует в Польшу, оказывается в Тарнове, основывает здесь издательство «Українська Автокефальна Церква», где издает десятки своих брошюр и небольших по объему книг⁷. В те же годы он устанавливает тесную связь со Львовом, куда мечтает переехать и где в 1922 г. печатает свой первый значительный переводческий труд — Литургию св. Иоанна Златоуста на украинском языке в переводе с греческого, изданную «з благословения Епископа Крем'янецького Діонісія» (Валединского). Митрополит Евлогий (Георгиевский), находившийся в заточении в Бучачском базилианском монастыре в 1918—1919 гг., куда он был отправлен из Киева вместе с рядом православных иерархов во главе с митрополитом Антонием по приказанию С. Петлюры, отмечал весьма странную особенность И. Огиенко: «Православный по вероисповеданию, он считал, однако, возможным причащаться у униатов»⁸. В начале 1920-х гг. И. Огиенко начинает регулярно печататься в крупнейшей украинской базилианской

---

⁷ Назовем лишь некоторые из них: «Як Москва взяла під свою владу вільну Церкву Українську», «Як Москва знищила волю друку Київ-Печерської Лаври», «Як царица Катерина обмосковлювала Церкву Українську», «Українська вимова церковно-слов'янського тексту», «Українська мова як мова богослужбова: Право живої мови бути мовою Церкви», «Український православний молитовник», «Українська Житомирська Євангелія 1571 року: Опис пам'ятки, аналіз мови і словник», «Нарис з історії культурного життя старої Волині», «Головніші правила українського правопису».

⁸ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С.298. Сложилось так, что И. Огиенко (митрополит Илларион) стал в 1940—1944 гг. преемником по епископской православной кафедре на Холмщине митрополита Евлогия, который возродил в начале XX в. древнюю Холмскую епархию.

(василианской) типографии в Жовкве, там же в 1923 г. выходит в свет еще один очень значительный его перевод, подготавливающий возможность перехода к православному богослужению на украинском языке [1].

В 1926 г. И. Огиенко становится профессором *Studjum Teologii Prawoslawnej* Варшавского университета, где читает лекции по церковнославянскому языку и палеографии, а в 1932 г. польские власти увольняют его за весьма активную деятельность по украинизации Православной церкви в Польше, что, естественно, не могло найти одобрения II Речи Посполитой [2]. В 1933 г. в Жовкве у базилиан, при их материальной поддержке⁹, И. Огиенко печатает первый номер своего ежемесячного журнала «Рідна мова», регулярно выходившего вплоть до начала II мировой войны. В 1935 г. он основывает еще один журнал, «Наша культура», призванный «академично спокійно і об'єктивно і глибоко научно» рассматривать проблемы украинской культурной жизни. В 1936 г. И. Огиенко, много печатавший в качестве приложений к двум своим украиноведческим журналам, выдвигает идею подготовки тридцатитомной «Библиотеки украиноведения». В 1937 г. во Львове выходит в свет его перевод Евангелия на украинский язык. Тогда же, в мае, умирает жена, Доминика Огиенко, похороненная на Вольском православном кладбище в Варшаве. Накануне захвата немцами Польши в Варшаве издается Новый Завет и Псалтырь в переводе И. Огиенко, а летом 1940 г. он завершает работу над переводом на украинский язык и Ветхого Завета. Осенью того же года в Яблочинском Свято-Онуфриевском монастыре, всю свою полутысячелетнюю историю остававшемся

---

⁹ Сам И. Огиенко, уже будучи православным митрополитом, не раз подчеркивал это. В 1949 г. в Канаде, Виннипеге, одном из самых значительных мировых центров украинских трудовых переселенцев и эмигрантов, он писал: «Мушу тут прилюдно згадати, що «Рідній мові» її віданням завжди щиро допомагала друкарня оо.василиан у Жовкві і матеріально постійно йшла їй на руку» [3].

православной обителью, митрополит Дионисий (Валединский) совершает постриг И. Огиенко.

Всего через несколько дней монах Илларион становится епископом и сразу же архиепископом Холмским и Подляшским, в марте 1944 г. — митрополитом. Летом того же года вместе с немецкими войсками он покидает г. Холм, где на Свято-Даниловой горе находилась его митрополичья резиденция¹⁰. Через Словакию и Австрию он попадает в Швейцарию, где живет два года, а в 1947 г. оказывается в Канаде, в 1951 г. становится первоиерархом канадской Украинской греко-православной церкви, в марте 1972 г. умирает в Виннипеге.

*   *
*

Православная церковь в межвоенной Польше в течение всей своей истории стремилась к созыву Поместного церковного собора, о необходимости которого очень много говорилось и писалось, в том числе и участниками московского Поместного Собора 1917—1918 гг., такими, например, как протопресвитер Т. Теодорович. После долгих проволочек и даже запрета со стороны польского правительства, был, наконец, назначен день первого Предсоборного собрания — 29 апреля 1930 г., на котором избрали его президиум, в состав которого вошли: в качестве заместителя председателя (митрополита Дионисия) — профессор И. Огиенко, а секретаря — преподаватель Кременецкой семинарии М.Кобрин. «Предсоборное собрание избрало свои Комиссии и рас-

---

¹⁰ Находясь в Холме все эти годы, митрополит Илларион пишет множество стихотворных и прозаических произведений, в основном духовно-назидательных, произносит сотни проповедей, многие из которых были изданы или же разошлись в рукописных списках. Здесь он создает типографию и издательство, большую епархиальную библиотеку, насчитывающую десятки тысяч томов.

пределило между ними подготовительные работы. Комиссии поручили подготовку порученных им докладов отдельным своим членам... Комиссии должны ознакомиться с этими докладами и проектами, чтобы окончательно их оформить и придать им тот вид, в каком они будут представлены Предсоборному Собранию» [5]. Председателем Комиссии по вопросам просвещения стал И. Огиенко, внесший множество предложений¹¹, доработанных и утвержденных членами Комиссии. Большое число принятых ими документов непосредственно касалось изучения, сбережения и развития православной книжной культуры во II Речи Посполитой¹². Нам

---

¹¹ Одно из них, например, касалось выявления и описания рукописных церковнославянских книг в том или ином приходе: «Просить Его Блаженство, Блаженнейшего Владыку Митрополита, что является желательным, чтобы Синодальная Типография напечатала хотя бы короткий курс Палеографии и разослала его по всем приходам, что дало бы возможность познакомиться с этой наукою и получить хотя бы элементарные познания для охраны старины» (см.: Протокол № 8 от 5.XII.1931 г. // Постановления IV-ой Просветительной Комиссии предсоборного собрания, принятое на заседаниях Сессии I, состоявшихся между 1—8 декабря 1931 г.).

¹² Являясь одним из крупнейших знатоков украинских рукописей, известным палеографом, автором множества работ по этой тематике, в частности написанных в период преподавания на Православном богословском отделении Варшавского университета, в их числе была и «Слов'янська палеографія» (Варшава, 1928), И. Огиенко выступает и в качестве творца по сути новой научной дисциплины — палеотипии, понимаемой им как отрасль знания о книгах старой печати («стародруках»). Примечательно, что он вводит в ее арсенал и чисто лингвистические методы [6]. Для своего палеографического семинара в Варшавском университете он разрабатывает программу и методику описания кирилловских старопечатных книг [7]. Эти работы неоднократно переиздавались, как и его известный труд «Історія українського друкарства», первый том которого вышел в свет во Львове в 1925 г. (переиздан в 1983 г. в Канаде, затем в Украине), а остальные пять, оставшиеся в рукописи наряду с другими неопубликованными работами («Мова Метрики Литовської XIV—XVI вв.», «Мова молдавських грамот XIV—XVII вв.», «Грамматика мови Тараса Шевченка» и др.), пропали во время II мировой войны в Польше [8].

удалось разыскать машинопись этих документов, составленных на украинском языке. Часть из них, представляющую наибольший интерес для нашей темы, мы публикуем с сохранением особенностей графики и орфографии оригинала¹³.

1. См.: Свята Відправа Вечірна й Рання: З грецької мови на українську переклав Проф. Іван Огієнко. З благословення Високопреосвященного Діонісія з Божої ласки Архієпископа Крем'янецького. Жовква, 1923.

2. См.: Нестеренко А. Митрополит Іларіон — служитель Богові й народові // Юбілейна книга на пошану Митрополита Іларіона. Вінніпег, 1958. С.154.

3. См.: Іларіон, митр. Історія української літературної мови. Київ, 1995. С.270.

4. См.: Лабынцев Ю.А. Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель // Славяноведение. 1995. № 4. С. 51—62.

5. Воскресное Чтение. 1931. №13. С. 127.

6. См., напр.: Наголос яко метод означення місця виходу стародрукованих книжок: Замітки з історії наголосу на послугах палеотипії. Львів, 1925.

7. См.: Проіграм опису кирилівських стародруків. Варшава, 1931.

8. См.: Іларіон, митр. Історія української літературної мови. Київ, 1995. С.271.

*   *
*
*
*

Освітня Комісія Предсоборового Зібрання на своїм засіданні 6 грудня 1931 року / Протокол № 10/, по заслуханні реферата проф. Івана Огієнка, ухвалила такий

Статут церковних парафіяльних бібліотек

1. При кожній парафіяльній чи філіяльній православній церкві, а також при кожному православним монастирі мусить бути Церковна Бібліотека.

---

¹³ Эти особенности оригинала объясняются тем, что он был напечатан на машинке с русским шрифтом.

2. Церковні Парафіяльні Бібліотеки мають на цілі поширення релігійно-морального знання серед православної людности, а також піднесення культурно-освітнього стапу причта.

3. До Церковної Парафіяльної Бібліотеки можна набувати книги й періодичні видання, ухвалені для того Науковим Комітетом при Св.Синоді.

4. У кожній Церковній Парафіяльній Бібліотеці в першу чергу мусять бути такі книги: Книги Св. Письма, Книга Правил, Догматика, Катихизис, Твори свв. Отців, Читані Миней, Пролог і повний круг книг богослужбових.

5. При кожній Церковній Парафіяльній Бібліотеці, окрім загального церковно-наукового й справочного відділу, мусять бути також і спеціальні відділи: а.сектознавства та інославія, б.для мирян і в.для молоді.

6. Кошти на організацію й поповнення Церковних Парафіяльних Бібліотек складаються з таких сум: а. асигнування державні з бюджету Православної Церкви, б. місцеві церковні суми, в. з добровільних пожертв на цю ціль і г. із сум спеціального призначення: самооподаткування, прибутків від арендних статтів, продажу відповідних книжок — грамоток, молитовників і др. — і т.п. Для збільшення коштів священник може зарядити також відповідну церковну збірку.

7. Книжками з Церковної Парафіяльної Бібліотеки користаються всі члени причта, всі члені парафії, а також сторонні особи за згодою та відповідальністю священника.

8. Парафіяльний священник має своїм обов'язком: а. керувати всіми справами Церковної Парафіяльної Бібліотеки, б. пеклуватися про добрий стан її і в. дбати про своєчасне поповнення Бібліотеки.

9. Обов'язки Бібліотекаря парафіяльний священник може доручити, під своїм доглядом, також і кому-нибудь з членів свого причту, або відповідній особі з парафіян.

10. Як що дозволяють місцеві стосунки, священник організує «Товариство Опіки Церковною Парафіальною Бібліотекою», яке дбає про її розвиток та відповідне поповнення.

11. Коли в парафії існує Церковне Братство, то в його обов'язок входить також пеклуватись про розвиток і відповідне поповнення Церковної Парафіяльної Бібліотеки.

12. Усі книги Церконної Парафіяльної Бібліотеки мусять бути поштемплшовані парафіяльною печаткою, пронумеровані та записані до прошнурованого й пропагінованого Каталогу.

13. На місцевих Благочинних накладається обов'язок, одночасно з ревізією церков, ревізувати стан Церковних Парафіяльних Бібліотек свого деканату. Про наслідки цієї ревізії складається протокол, який вписується до особливої книги протоколів.

14. Церковна Парафіяльна Бібліотека вважається правним майном своєї парафії.

15. Докладну Інструкцію про Церковні Парафіяльні й монастирські Бібліотеки на підставі цього Статуту відасть Науковий Комітет при Св.Синоді.

6/ХІІ.1931
Голова Освітньої Комісії
/ — / Проф. Іван Огієнко.

***Статут митрополитального православного музею
церковної старовини***

1. У митрополитальному місті або в митрополитальнім монастиреві закладається Митрополитальний Музей Церковної Старовини.

2. Ціллю Митрополитального Музею Церковної Старовини являється опіка про належне збереження пам'яток церковної старовини цілої Митрополії.

3. Кошти на утримання Митрополитального Музею Церковної Старовини складаються з асигновань державних по бюджету Православного Ісповідання, а також з сум Св. Синоду Православної Церкви в Польщі.

4. Опікуном Митрополитального Музею Церковної Старовини являється Митрополит Православної Церкви в Польщі.

5. Директора Митрополитального Музею Церковної Старовини призначає Св. Синод Православної Церкви в Польщі на внесення Наукового Комітету при Св. Синоді.

6. Митрополитальний Музей збирає такі стародавні речі: рукописи, стародруки, акти, метрики і т.п. писані й друковані пам'ятки, а також пам'ятки старовинного церковного мистецтва: образи, іконостаси, церковний посуд, хрести, ризи і т.п.

7. Директор Митрополитального Музею Церковної Старовини провадить найдокладніший прошнурований список речей Митрополитального Музею.

8. Митрополитальний Музей Церковної Старовини дістає від кожного Єпархіального Музею по одному примірникові списку речей його Парафіяльних Збірок Церковної Старовини.

9. Директор Митрополитального Музею Церковної Старовини мусить пильнувати, щоби старовинні речі заховувалися в найліпшому стані і щоби вони не знищилися від вільгости, пороху і т.п.

10. Директор Митрополитального Музею Церковної Старовини мусить подбати, щоби всі найцінніші пам'ятки Музею були належно сфотографовані.

11. Митрополитальний Музей Церковної Старовини дістає від Музеїв Єпархіяльних по одному примірникові фотографій як його речей, так і речей Збірок Парафіяльних.

12. На обов'язку Наукового Комітету при Св. Синоді Православної Церкви в Польщі лежить ревізувати стан Митрополитального Музею не менше одного разу на рік.

13. В разі потреби Науковий Комітет може зарядити надзвичайну ревізію того чи іншого Єпархіального Музею або Парафіяльної Збірки церковної старовини.

14. За пропалі, знищенні або попусти речі Митрополитального Музею церковної старовини відповідає Директор його.

15. Митрополитальний Музей отримує від Єпархіяльних Музеїв по одному примірникові загального списку речей відповідної Єпархії і щорічні до нього додатки.

16. Директор Митрополитального Музею Церковної Старовини виготовляє загальний список і щорічні до цього додатки пам'яток церковної старовини цілої Митрополії.

17. Науковий Комітет при Св. Синоді дбає про те, щоби загальний список і щорічні до нього додатки пам'яток церковної старовини цілої Митрополії були видруковані своєчасно в його органі.

18. Науковий Комітет при Св. Синоді мусить подбати про організацію Церковно-Археологічного Товариства при Митрополитальнім Музеї церковної старовини.

19. Св. Синодові Православної Церкви в Польщі належить право, в разі конечної необхідности, по докладу про те Церковно-Наукового Комітету переносити річи Церковної Старовини з одного музею до другого.

20. При Митрополитальнім Музеї існують: 1. Центральна Майстерня Образів, 2. Центральна реставраційна майстерня, 3. Фотографічна Лабораторія і 4. Фахова Наукова Бібліотека.

21. Дні й години, коли Митрополитальний Музей відкритий для оглядин публіки й для наукової праці, встановляє Науковий Комітет.

22. Митрополитальний Музей Церковної Старовини вважається правним майном Митрополії Православної Церкви в Польщі.

23. Докладну Інструкцію про Митрополитальний Музей Церковної Старовини виробить Церковно-Науковий Комітет при Св. Синоді.

Статут Єпархіяльних Музеїв Церковної Старовини

1. При кожній Єпархії Православної Церкви в Польщі закладається Єпархіяльний Музей Церковної Старовини.

2. Цілою Є.М.Ц.С. являється опіка про належне збереження пам'яток Церковної Старовини відповідної Єпархії.

3. Кошти на утримання Єпархіяльного Музею Церковної Старовини відпускає Духовна Консисторія відповідної Єпархії.

4. Опікуном Єпархіяльного Музею Церковної Старовини єсть єпархіяльний Архисрей.

5. Кустоша Єпархіяльного Музею Церковної Старовини признає єпархіяльний Архисрей на внесєннє Наукового Комітєту при Св. Синоді.

6. Єпархіяльний Музей Церковної Старовини збірає такі стародавні річі: рукописи, стародруки, акти, метрики і т.п. писані й друковані пам'ятки, а також пам'ятки старовинного церковного мистецтва: образи, іконостаси, церковний посуд, хрести, ризи і т.п., а також монети, медалі і т.п.

7. Кустош Єпархіяльного Музею Церковної Старовини провадить найдокладніший прошнурований спис річей Єпархіяльного Музею Церковної Старовини.

8. Кустош Єпархіяльного Музею Церковної Старовини дістає від кожної Парафіяльної Збірки Церковної Старовини два примірники спису її річей, — і примірник лишає собі, а 1 примірник відсилає до Митрополитального Музею Церковної Старовини.

9. Кустош Єпархіяльного Музею Церковної Старовини мусить пильнувати, щоби старовини річі заховувалися в найліпшому стані і щоби вони не нищилися від вільгости, пороху і т.п.

10. Кустош Єпархіяльного Музею Церковної Старовини мусить подбати, щоби всі найцінніші пам'ятки Музею були належно сфотографовані, при тому 1 примірник кожної фотографії відсилає до Митрополитального Музею Церковної Старовини.

11. Кустош Єпархіяльного Музею Церковної Старовини дістає від кожної Парафіяльної Збірки Церковної Старовини два примірники фотографій цінніших її пам'яток, при тим 1 примірник позоставляє собі, а 1 примірник пересилає до Митрополитального Музею Церковної Старовини.

12. На обов'язку відповідної Консисторії лежить ревизувати стан свого Єпархіяльного Музею Церковної Старовини не меньше одного разу на рік. Ревізію робить делегат Наукового Комітєту.

13. В разі потреби Консисторія може зарядити надзвичайну ревізію того чи іншого Парафіяльного Музею Церковної Старовини.

14. За пропалі, знищені або попсуті річі Єпархіяльного Музею Церковної Старовини відповідає його Кустош.

15. Кустош Єпархіяльного Музею Церковної Старовини виготовляє в двох примірниках загальний список і щорічні до нього додатки пам'яток цілої Єпархії, і один з них відсилає до Митрополитального Музею Церковної Старовини.

16. Науковий Комітет при Св. Синоді Православної Церкви в Польщі дбає про те, щоби загальний Список і щорічні до нього додатки пам'яток Церковної Старовини цілої Єпархії були видруковані своєчасно в його органі.

17. Єпархіяльний Архієрей мусить подбати про організацію Церковно-Археологічного Товариства при Єпархіяльній Музеї Церковної Старовини.

18. При Єпархіяльній Музеї Церковної Старовини існують під керівництвом Кустоша його: 1) Наукова Библіотека і 2) Фотографічна Лабораторія.

19. Дні й години, коли Єпархіяльний Музей Церковної Старовини відкритий для оглядин публіки й наукової праці, встановляє Єпархіяльна Консисторія.

20. Єпархіяльний Музей Церковної Старовини вважається правним майном своєї Єпархії.

21. Докладну Інструкцію про Єпархіяльний Музей Церковної Старовини на основі цього Статуту виробить Церковно-Науковий Комітет при Св. Синоді.

Статут Православних Парафіяльних Збірок Церковної Старовини

1. При кожній парафіяльній чи філіяльній Церкві закладається Парафіяльна Збірка Церковної Старовини.

2. Ціллю Парафіяльної Збірки Церковної Старовини являється належне збереження місцевих церковних пам'яток старовини.

3. Кошти на утримання Парафіяльної Збірки Церковної Старовини складаються з місцевих сум та з добровільних датків.
4. Завідування Парафіяльною Збіркою Церковної Старовини кладеться на парафіяльного священника.
5. До Парафіяльної Збірки Церковної Старовини належать такі стародавні річі: рукописи, стародруки, акти, метрики і т.п. писані й друквані пам'ятки, а також пам'ятки старовинного мистецтва: образи, іконостаси, церковний посуд, хрести, ризи і т.п., а також монети, медалі і т.п.
6. Священникові ставиться в обов'язок докладно пописувати старовинні написи на різних річах, (на старих дзвонах, намогильниках, хрестах, образах, книжках і др.) і берегти ці записи в своїм Парафіяльному Музеї Церковної Старовини. Два примірники цих записів священник повинен відіслати до свого Єпархіального Музею Церковної Старовини.
7. Кожна книжка, що має більше як сто років від часу видрукування, передається до Парафіяльної Збірки Церковної Старовини, як що вона вже не потрібна для церковного вжитку.
8. Зазначена в п. 7 книжка не може бути ані продана, ані промінена і взагалі віддалена від церкви.
9. На священникові лежить обов'язок провадження найдокладнішого прошнурованного Спису річей П.З.Ц.С.
10. Два примірники зазначеного в п. 9 Спису священник відсилає до Єпархіального Музею Церковної Старовини, який 1 примірник лишає собі, а другий відсилає до Митрополитального Музею Церковної Старовини.
11. Священник мусить пильнувати, щоби старовинні річі зохувалися в найліпшому стані і щоби вони не нищилися від вільгости, пороку і т. п.
12. Метрики, що мають більше як сто років, зберігаються в Парафіяльній Збірці Церковної Старовини.
13. Парафіяльний священник мусить подбати про те, щоби були найдокладніше описані всі забутки старовини на православнім парафіяльнім цвинтарі.

14. Парафіяльний священник мусить подбати про те, щоби всі найцінніші пам'ятки в П.З.Ц.С. були належно сфотографовані, при тому 1 фотографія зберігається в Своїй Збірці, а 2 відсилаються до Єпархіального Музею Церковної Старовини, який 1 примірник лишає собі, а 1 відсилає до Митрополитального М.Ц.С.

15. На обов'язку місцевого Благочинного лежить ревізувати стан Парафіяльних Збірок Церковної Старовини свого деканату підчас ревізії церкви. Про наслідки цієї ревізії складається протокол, який вписується до особливої Книги Протоколів.

16. В разі потреби Консисторія може зарядити надзвичайну ревізію Парафіяльної Збірки Церковної Старовини.

17. За пропалі, знищені, або поспуті річі Парафіяльної Збірки Церковної Старовини відповідає парафіяльний священник. Про знищення річей він негайно доносить своєму Єпархіальному Музею.

18. В разі конечної потреби Науковий Комітет при Св. Синоді Православної Церкви в Польщі може зарядити про перенесення теї чи іншої пам'ятки Парафіяльної Збірки до Єпархіального чи Митрополитального Музею Церковної Старовини.

19. Парафіяльна Збірка Церковної Старовини вважаєть правним майном своєї парафії.

20. Докладну Інструкцію про Парафіяльні Збірки Церковної Старовини на основі цього Статуту виробить Науковий Комітет при Св. Синоді Православної Церкви в Польщі.

Освітня Комісія Предсоборового Зібрання на своїм засіданні 4 грудня 1931 р. /Протокол № 6/, по заслуханні реферата проф. Івана Огієнка, ухвалила такий

Статут Наукового Комітету при Св.Синоді Православної Церкви в Польщі

1. Науковий Комітет єсть постійна інституція при Св. Синоді Православної Церкви в Польщі.

2. Науковий Комітет при Св. Синоді складається з п'яти членів, духовних чи світських, добре відомих зо своїх наукових праць в zakresі церковно-богословських дисциплін.

3. Членів Наукового Комітету призначає Св. Синод Православної Церкви в Польщі, беручи на увагу наукову оцінку, яку дасть про них православний Богословський Факультет, на шість років.

4. Заданням Наукового Комітету єсть: а. Давати наукові вияснення по всіх справах, з якими звертається до нього Св. Синод; б. виробляти програми навчання Православної віри для всіх шкіл в Польщі; в. піклуватися про виготовлення підручників для навчання православної віри для всіх шкіл в Польщі; г. керувати справою Православних Музеїв Церковної Старовини; д. давати опінію про нові книжки церковно-релігійного й наукового характеру, корисні для богословських факультетів, духовних семінарій, духовенства, парафіяльних і монастирських бібліотек; е. дбати про належитий розвиток церковно-релігійних видань; ж. видавати науковий церковно-богословський періодичний орган, а також місіонерську науково-популярну літературу; з. продавати праці перекладчеських Комісій Св. Письма та Богослужбових книг на місцеві живі мови; і. керувати Бібліотекою при Науковім Комітеті й піклуватися про її належне поповнення; к. провадити установленим для закордонних зносин порядком через Св. Синод наукові зносини з іншими науковими церковно-богословськими установами і л. приготовлювати з доручення Св. Синоду відповідний матеріал для чергового Собору Православної Церкви в Польщі.

5. Науковому Комітету прислугує право ініціативи в церковно-наукових питаннях Православної Церкви в Польщі.

6. Усі біжучі рядові постанови Наукового Комітету йдуть на затвердження Митрополита, а принципові — на затвердження Св. Синоду Православної Церкви в Польщі, згідно з докладнім Регуляміном про це.

7. Члени Наукового Комітету вибірають з поміж себе Голову, його заступника й секретаря на три роки, яких затверджує на посадах Св. Синод.

8. Кожний з членів Наукового Комітету має обов'язок бути референтом в справах свого фаху і давати свою опінію усно чи на письмі.

9. В разі потребі Науковий Комітет може замовляти виготовлення писаного докладу й фахівцеві, що не належить до складу його.

10. При Науковім Комітеті існує відповідна Канцелярія.

11. Голова Наукового Комітету: а. провадить усі справи Наукового Комітету, б. відповідає за своєчасне їх закінчення, в. скликає засідання Наукового Комітету й голосує в них; г. докладає всі справи Наукового Комітету на сесіях Св. Синоду Православної Церкви в Польщі і д. при допомозі Секретаря керує Канцелярією Наукового Комітету.

12. Заступник Голови Наукового Комітету, крім своєї фахової праці, провадить ті справи, які доручить йому Голова. В разі ж хвороби чи довшої відсутности Голови Наукового Комітету, його правно заступає Заступник.

13. Секретар Наукового Комітету під керовництвом Голови провадить канцелярію Комітету, відповідає за її нормальний стан і дбає про найскорше виготовлення переданих до канцелярії справ.

14. Кошти на утримання Наукового Комітету входять до загального бюджету Православної Церкви в Польщі.

15. Голова Наукового Комітету *ex officio* входить членом до Собору Православної Церкви в Полщі.

16. Докладні штати Наукового Комітету і Канцелярії при нім, а також докладну Інструкцію праці Наукового Комітету на основі цього Статуту виробить сам Науковий Комітет, а затвердить Св. Синод Православної Церкви в Польщі.

4.XII.1931

Голова Освітньої Комісії
/ — / Проф. Іван Огієнко.

Освітня Комісія Передсоборового Зібрання на своїм засіданні 6 грудня 1931 року /Протокол № 11/ ухвалила таке

Положення про видання Св. Синоду Православної Церкви в Польщі

1. Св. Синод Православної Церкви в Польщі через Науковий Комітет, яко постійний орган, пильно дбає про розвиток відповідних наукових і популярних церковних видань

2. Св. Синод, через Науковий Комітет, видає періодичний науковий церковно-богословський орган.

3. Кошти на видання богословського органу вносяться до загального бюджету Православної Церкви в Польщі.

4. Увесь матеріал в науковій частини цього органу друкується в тій мові, в якій подає їх автор.

5. При Св. Синоді видаються на кошти Православної Церкви в Польщі науково-популярні тижневики в мовах: українській, білоруській і російській.

6. При Св. Синоді на кошти Православної Церкви видається популярна церковно-релігійна література для православного народу в його живих мовах.

7. Кожна парафія мусить передуплачувати один примірник наукових і популярних видань Св. Синоду Православної Церкви в Польщі.

8. Науковий Комітет постійно дбає про видання підручників зо всіх дисциплін для богословських православних факультетів, а також для навчання релігії мовою населення в школах нижчих і середніх.

9. Докладний Регулямін про церковно-видавничу діяльність Православної Церкви в Польщі на основі цього Положення виробить Науковий Комітет і подасть його на затвердження Св. Синоду.

6.XII.1931

Голова
Освітньої Комісії

/ — / Проф. Іван Огієнко.

Профессор И. Огиенко (фотография конца 1920-х гг.)

Молитва «православных поляков» и проповедь в день празднования независимости Польши

Во время экспедиционных исследований в различных церковных собраниях, библиотеках и архивах частных лиц нам довольно часто встречались те или иные сочинения «православных поляков». На наш взгляд, несомненный интерес представляют факты рукописного бытования некоторых из этих сочинений. Примером является небольшой рукописный сборник, созданный на территории бывшего Белостокского воеводства. Воспроизводим текст польскоязычной молитвы и проповеди из этого сборника.

*   *
*

W dniu Święta Niepodległości

Boże wielki i dziwny, który niewypowiedzianą dobrocią Twoją obfitą łaską wszystkim rządysz, z którego przemądrych i niezbadanych wyroków życie wszystkich narodów i państw różnym losom podlega, a który Narodowi Polskiemu, Boga miłującemu, bolesne doświadczenie zesłałeś — oto wesołością i radością serca nasze obficie wypełniłeś, zwracając wolność i niepodległość Ojczyźnie naszej, Najjaśniejszej Rzeczypospolitej Polskiej, i tym niewysłowioną Swoją dobroć i sprawiedliwość okazałeś w tym radosnym i uroczystym dniu, pomniąc na one objawienie wielkiej sprawiedliwości Twojej, dzięki pokorne czynimy Tobie, opiekunowi naszemu, i z całego serca wołamy: wzmocnij Najjaśnieszą Rzeczpospolitą Polską, w której od lat dawnych Najświętsze Imię Twoje jest czczone, i poniż wszystkie ludy nieprzyjacielskie, które by wojny chciały, zeslij Jej pełny i głęboki pokój i wszystkich obywateli złącz w miłości, wierności i oddaniu Ojczyźnie naszej, abyśmy wszyscy jedno byli. Daj, Boże, spoczynek wieczny duszy Pierwszego Marszałka Polski Józefa Piłsudskiego, który całe życie swe poświęcił dla wielkiej służby Ojczyźnie naszej, oraz daj, Boże, spoczynek wieczny duszom braci naszych, żołnierzy polskich, którzy polegli na Polu Chwały za wolność Państwa Polskiego...

Nauka w dniu Święta Niepodległości

„Półtora wieku walk, krwawych nieraz i ofiarnych, znalazło swój tryumf w dniu dzisiejszym. Półtora wieku marzeń o wolnej Polsce czekało swego ziszczenia w obecnej chwili. Dzisiaj mamy wielkie święto narodu po długiej ciężkiej nocy cierpień”.

(Z pism Marszałka Piłsudskiego).

Te słowa pierwszego Marszałka Polski i Wodza Narodu Józefa Piłsudskiego przypominamy dziś, kiedy dorocznym zwyczajem uroczyste obchodzimy Święto Niepodległości Państwa Polskiego. Uplętnęło kilkanaście lat od tego pamiętnego dnia, który się stał dniem historycznym, a w którym to powrócił do Warszawy z twierdzy Magdeburgskiej Komendant. Na Jego zew powstało Wojsko Polskie, a wraz z nim Niepodległa Rzeczpospolita Polska. Spełniły się wyroki sprawiedliwości dziejowej: spadły kajdany i Naród Polski powrócił do niezależności politycznej w swym własnym wolnym Państwie. Nastąpiła chwila, o której marzyły przed długie lata całe pokolenia.

Od tego czasu dzień 11-go listopada stał się najbardziej uroczystym świętem Narodu i Państwa, dniem, w którym serce i myśli wszystkich obywateli, bez różnicy wyznania, jednoczą się w miłości ukochanej Ojczyzny.

Odrodzenie Polski przywróciło wolność i niepodległość nie tylko narodowi polskiemu, lecz i innym narodom, na Jej ziemiach zamieszkującym, a nawet więcej — w krwawej walce o swoją wolność Polska dopomagała wywalczyć niepodległość i swoim sąsiadom, Armia Polska walczyła, w myśl szlachetnej zasady: „za naszą i waszą wolność” i w myśl słów Komendanta: „przyniesienie wolności ludziom z nami sąsiadującym będzie punktem honoru mego życia, jako męża stanu i żołnierza”. Armia Polska pod rozkazami Marszałka Piłsudskiego dokonała czynu o znaczeniu światowym, stała się przedmurzem chrześcijaństwa i całej europejskiej kultury cywilizacji, a jedną z wielkich jej zasług jest to, że przywróciła niezależność Polskiemu Kościołowi Prawosławnemu.

Kościół Prawosławny w Polsce zawsze dążył do uniezależnienia się od wpływów obcych. Po utracie niezależności ta myśl była zawsze żywotną, lecz odrodzenie Kościoła Prawosławnego mogło nastąpić tylko z chwilą politycznego odrodzenia Polski. Dlatego właśnie rocznica odzyskania Niepodległości Polski jest jednocześnie rocznicą doniosłego momentu przełomowego w życiu Polskiego Kościoła Prawosławnego i powrotu do Jego dawnej świetności.

Żołnierz polski, walcząc o Niepodległość Polski, wywalczył zarazem niezależność Kościoła Prawosławnego, obronił go przed nawalą bezbożnictwa i barbarzyństwa i dziś jesteśny świadkami Jego rozwoju, rozbudowy i powrotu do prastarych, a pięknych tradycji.

Losy Kościoła Prawosławnego w Polsce były zawsze ściśle związane z losami Państwa Polskiego. Między Kościołem Prawosławnym a Państwem od wieków istniała harmonijna współpraca, oparta na wzajemnym szacunku i zaufaniu. W swojej przeszłości historycznej mamy liczne dowody troskliwej opieki Rzeczypospolitej Polskiej nad Kościołem Prawosławnym. Poczynając od króla Kazimierza Wielkiego, królowie polscy nadawali Kościołowi Prawosławnemu szereg praw i przywilejów. Aktem, świadczącym o szlachetnej polityce polskiej w stosunku do prawosławia, była np. ustawa, wydana przez króla Aleksandra, a król Zygmunt Stary, za czasów którego odbyły się sobory, dał dowody daleko posuniętej tolerancji, wydając szereg nowych przywilejów i praw. Król Władysław IV, wzorując się na wspaniałej tradycji Jagiellońskiej, wydał przywilej zrównywiający duchowieństwo prawosławne z duchowieństwem katolickim. Stworzył on w dziejach naszego Kościoła okres, który śmiało można nazwać: „złotym wiekiem” polskiego prawosławia.

Ten szlachetny stosunek Rzeczypospolitej Polskiej do prawosławia był dobrze zrozumiany i oceniony przez Kościół Prawosławny, który wydał dobrych synów Ojczyzny i prawdziwych patriotów, jak: Ks. Konstanty Ostrogski, zwycięzca w bitwie pod Orszą, wojewoda A. Kisiel, hetman Konaszewicz i wielu innych. Wyrazem wielkiego patriotyzmu były uchwały Soboru Pińskiego, podkreślające zrozumienie interesów państwowych i poszanowanie ustaw. Kościół Prawosławny walczył z interwencją moskiewską, bronił swojej niezależności, a kiedy przyszły ciężkie momenty w życiu państwowym Polski, pozostał wierny swej Ojczyźnie.

Wierzmy mocno w świetną przyszłość Polskiego Kościoła Prawosławnego. Przyjdzie czas, kiedy Kościół Prawosławny w Polsce Odrodzonej, jak ongiś w Niepodległej Rzeczypospolitej Polskiej, będzie szerzycielem oświaty i wiedzy religijnej na całym Wschodzie.

Dzień dzisiejszy, dzisiejszą uroczystość obchodzimy w skupieniu i żalobie po Pierwszym Marszałku Polski Józefie Piłsudskim, któremu wszyscy, bez różnicy wyznania, zawdzięczamy Niepodległość Państwa Polskiego, a w szczególności my, prawosławni, również i niezależność naszego Kościoła. Nasz ukochany Wódz nie żyje ciałem, lecz żyje wśród nas duchem. Żyje Jego wielka idea. Pozostawił nam Swój Testament zapisany w naszych sercach, który łączy nas w miłości Ojczyzny. Niechże dzień dzisiejszy, dzień 11 listopada, będzie dniem Jego pamięci, jak był za Jego pełnego trudów i poświęceń życia. Amen.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ

Схематическая карта размещения православных епархий II Речи Посполитой	12
Митрополит Дионисий (Валединский) — первоиерарх Православной Церкви во II Речи Посполитой	13
Александро-Невский кафедральный собор в Варшаве (разрушен в 1926 г.)	14
Обложка первого номера белорусского детского православного журнала «Снапок» (Варшава, 1937—1939)	30
Страница первого номера журнала «Снапок» с житием св. виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия	31
Из архива журнала «Снапок»: письмо руководства Белорусского Заграничного Архива в Праге в редакцию «Снапка» (5.01.1938); копия справки, выданной редакцией «Снапка» Максиму Танку, активно сотрудничавшему с журналом	32
Титульный лист «Беларуска-славянскага лемантара» (Варшава, 1933)	33
Страница «Беларуска-славянскага лемантара» (Варшава, 1933) ...	34
Страница «Беларуска-славянскага лемантара» (Варшава, 1933) ...	35
Заглавная страница первого номера журнала «Сьветач Беларусі» (Вильно, 1930—1933, 1936)	36
Заглавная страница журнала «Беларуская зарніца» №5 за 1928 г. ...	37
Портрет протопресвитера Терентия Теодоровича работы его дочери Елены	52
Фрагмент Патриаршей грамоты участнику Всероссийского Церковного Собора протоиерею Терентию Павловичу Теодоровичу	53
Крест в память Д.В. Философова с надписью «Димитрий Философов 1872—1940, писатель. Żyje w pamięci polskich przyjaciół», недавно установленный на Вольском православном кладбище в Варшаве	54

Заглавная страница первого номера журнала «Правослаўная Беларусь» (Вильно, 1927—1928)	77
Фрагмент страницы из церковной летописи о. Николая Круковского с посвящением «предшественникам — настоятелям Рыболовского Прихода»	138
Первая страница «Церковно-приходской летописи Рождество-Богородичной Церкви местечка Крынок»	139
Фотография духовного наставника Симеона Федоровича Егупенка	166
Обложка юбилейного издания «Głos Prawosławia», вышедшего в канун 20-летия «возрождения Польской Речи Посполитой»	175
Заглавная страница юбилейного издания «Głos Prawosławia»	176
Обложка первого номера журнала «Przegląd Prawosławny» (Гродно, 1939)	177
Обложка журнала «Воскресное Чтение» № 21 за 1926 г.	184
Схематическая карта размещения православного населения II Речи Посполитой (по В. Косоноцкому, 1939)	185
Вид на Вировский монастырь из-за Буга (гравюра конца XIX в.) ..	273
Фотография матушки Анны — настоятельницы Вировского монастыря	274
Профессор И. Огиенко (фотография конца 1920-х гг.)	299

**Лабынцев Юрий Андреевич
Щавинская Лариса Леонидовна**

**ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОЛЬШИ
(1918 - 1939 гг.)**

Ответственный за выпуск Т.И.Рощина
Технический редактор Г.В.Шмырева

Подписано в печать 26.12.2000. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура
ТАЙМС. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 13,63. Тираж 120 экз. Заказ 47.

Национальная библиотека Беларуси. 220636, Минск, Красноармейская, 9. Отпечатано
на ризографе Национальной библиотеки Беларуси. 220636, Минск, Красноармейская, 9

